

A romantic scene between a man and a woman in a city at night. The man is on the right, looking down at the woman on the left. They are both wearing white shirts. The background is a city skyline at night with blue and orange lighting.

ТАТЬЯНА АБАЛОВА
НА УГЛУ ПСКОПСКОЙ
И ЙЕЛЛОПУХУ

Студент Макар Птичка попадает в весьма странное место, именуемое Заставой. Двухметровый кот, гном, ведьмы, эльфы, метаморф и ребенок, которому более тысячи лет — вот с кем Макару предстоит жить в Междумирье до скончания веков. Да, Застава делает бессмертными тех, кто ей служит, но в то же время пограничники — ее пленники. Строго по расписанию на Заставе открывается портал в один из магических миров. Вампиры, гоблины, эльфы, гномы переходят через границу, чтобы попасть на Землю. На Заставе Макар узнает, что был похищен ведьмами, опознавшими в нем Ловца времени. По предсказанию он тот, кому предстоит спасти Заставу от гибели.

Татьяна Абалова

На углу Пскопской и Йеллопуху

Глава 1. Введение. И выведение из себя

«Вся карусель началась с того момента, когда плачущая Ната резко встала и, не заметив проходящего мимо официанта, выбила из его рук поднос.

Сидящая за соседним столом элегантная дама только начала поворот головы, привлеченная какофонией звуков, а я уже представил, как женщина вздрогнет от боли, безобразные пятна горячего кофе испортят белизну ее блузки, а пирожные врежутся в тщательно уложенную прическу.

Добавившееся чувство вины из — за того, что цепную реакцию «Ната — поднос — дама» запустил я, заставило кинуться на амбразуру и принять чей — то десерт на грудь. Ожидая получить ожог, я закрыл глаза. И задохнулся, когда вместо кипятка на меня выплеснулся ледяной кофе — глясе. Пирожные в лучших традициях американского кино шмякнулись взбитыми сливками прямо в лицо и, не удержавшись на двухдневной щетине, сползли на рубашку, добавив к кофейным пятнам жирные кремовые.

Но больше всех постарался поднос. Его осложненная кульбитом траектория оборвалась на пару дюймов ниже ремня, заставив меня сложиться пополам.

— Так тебе и надо! — Ната добавила «вишенку на торт», больно пнув под коленную чашечку острым носом своей туфли. В голосе бывшей подружки звучало нескрываемое торжество.

Ее красные лодочки (все, что я мог видеть в г — образном положении) очень быстро сменились начищенными штиблетами официанта.

— Позвольте, я провожу вас в туалетную комнату.

Даже если бы я смог ответить, сердобольный официант, скорее всего, не понял бы моего «ы — ы-ы», но в наш разговор внезапно вмешался кто — то еще.

— Нет, — возразил женский хорошо поставленный голос. — Джентльмен спас мою подругу, и мы сами позаботимся о нем.

Две пары дорогих туфель вытеснили из поля зрения штиблеты официанта.

Дождаясь пока боль в паху утихнет, я отстранено слушал, что говорят женщины, неожиданно крепко вцепившиеся в меня с двух сторон. А потом они и вовсе заставили меня двигаться к выходу, хотя больше всего мне хотелось свернуться калачиком на полу и держаться руками за ушибленное место. Но, понукаемый незнакомками, я все — таки добрался до открытой автомобильной двери. Крепкий толчок в спину позволил осуществить мечту — улечься в позе эмбриона. Пахнущее хорошей кожей сиденье гораздо лучше пола, заляпанного кофе и остатками пирожного. Я мысленно поблагодарил женщин, усевшихся напротив меня, за предоставленную возможность страдать в комфорте.

Машина мягко тронулась с места, что, помимо шикарного салона, говорило о ее высоком классе.

Хотя с момента расставания с Натой прошло всего несколько минут, они показались вечностью. Боль продолжала мучить, вынуждая дышать тяжело.

— Выпейте, вам полегчает, — мягкий голос второй незнакомки заставил взглянуть на протянутый высокий фужер. Приподнявшись на локте, я постарался окончательно не опозориться и не пролить содержимое на сиденье. В нос ударил сильный запах мяты. Последнее, что я запомнил — улыбающиеся женские лица, склонившиеся надо мной».

— Значит, так он представляет события в кафе? — Дама в белой блузке сняла обруч с

головой спящего молодого человека, отчего мыслеграмма, развернутая в воздухе широким экраном, тут же померкла. — Увидел, понял, пожалел, подскочил и спас? И все это за долю секунды?

— Сиды, мне хочется прыгать от счастья! — Вторая дама, одетая во все черное, пересела из кресла на кровать и порывисто обняла подругу. — Наши проблемы решены!

— Не забудь убрать пакет со льдом, иначе мы заморозим спасителя. — Та, которую звали Сидой, похлопала по обнявшей ее руке и потянулась к стоявшей на прикроватной тумбе шкатулке. Откинув тяжелую крышку, женщина дунула на обруч, и тот уменьшился до размеров ручного браслета. Уложив поблескивающую темным металлом вещицу в отведенное для нее место, дама закрыла ларец на ключ и, устало вздохнув, произнесла: — Я сама доложу сторку Игеворгу, что у нас появился новый жилец. Позови Бай — юрна, пусть он поведает, — Сиды взглянула на лицо молодого человека, — спящему красавцу, что он никогда не покинет нашу заставу.

— Согласна, кот лучше всех справится. — Улыбающаяся дама в черном поднялась одновременно с подругой, двумя пальцами, стараясь не задеть брюки мужчины, подцепила пакет со льдом, и поспешила к выходу.

Через час спящий пошевелился, сморщил лоб и накрыл ладонью ушибленное место.

— Хочешь, я подую, и все пройдет? — голос говорившего был необыкновенно певуч, его хотелось слушать и слушать, но смысл слов заставил мужчину резко подняться.

— Ух ты, впервые вижу, как широко могут открыться глаза человека! — произнес огромный серый кот, расслабленно лежавший в кресле, которое совсем недавно занимала дама в черном. Его пушистый хвост свисал до самого пола и лениво поглаживал лакированную мебельную ножку. — Хотя нет. Крошка Пиу распахивает их на пол — лица. Но она же не человек! Да. Ты победил.

— К — к-кто вы?

— Кот Бай — юрн, в простонародье именуемый Баюном. И все из — за картавой ведьмы, с которой я связался по молодости лет. Делай выводы, дружище: женщины — зло. Старухи и след простыл, а исковерканное имя сохранилось на века.

— Ба — ба — юн?

— Что еще за «Бабаюн»? — Шерсть кота на загривке заметно вздыбилась, а хвост нервно стукнул по ножке кресла. — Рыбья кость мне поперек горла! Неужели мой новый подопечный заика?

Кот закрыл лапами глаза и зашептал:

— Я не переживу, если на оставшиеся века ко мне прилипнет кличка Бабаюн!

— Простите, — произнес мужчина, сглотнув комок. Его кадык нервно дернулся. Рука потянулась к голове и озадаченно взъерошила волосы. — Где я?

— Подожди — подожди! — Кот сел как человек, распрямив спину и спустив лапы вниз. Он трижды постучал когтем по подлокотнику кресла. — Давай по порядку. Мы еще не завершили знакомство. Тебя зовут ...

— Макар Иванович Птичка, двадцать один год, холост, студент четвертого курса экономического факультета...

— Вот таким, значит, макарон к нам залетела птичка! — Кот улыбнулся, а студент поменялся в лице, увидев клыки под стать «пушистику», вес которого явно перевалил за сотню килограммов. — А занесло тебя, дружище, в дом на углу Пскопской и Йеллопуху.

— Йелло...

— Не тужься понапрасну, Макарка. Ни ту, ни другую улицу ты не найдешь на карте своего города. Отныне ты, Птичка, пограничник, потому как жить тебе до скончания веков в Междумирье.

— Что за бред! — Макар ретиво соскочил с кровати и кинулся к приоткрытой двери. Та захлопнулась перед самым его носом. Студент дернул за ручку раз, другой, но металлическая загогулина вдруг осыпалась песком. Прижав горячий лоб к прохладной поверхности двери, мужчина обреченно спросил:

— Я в дурке?

— Эх, Макарушка! — Кот поднялся, и, подойдя, участливо положил мохнатую лапу на вздрогнувшее плечо мужчины. — Все было бы гораздо проще, если бы ты оказался в сумасшедшем доме. Там хоть остается надежда, что прежний мир вернется. Здесь, сколько ни бейся головой об дверь, без волшебного слова замки не послушаются.

— Сим — сим, откройся? — Макар обернулся на возвышающегося над ним кота, в очередной раз поразившись: он и сам был немаленького роста, но «это существо» (студент так решил называть говорящего кота, пока не классифицирует свои галлюцинации) явно перевалило за два метра. Бай — юрн дернул усом в кривой ухмылке.

— Пожалуйста. Это слово — пожалуйста. И подумай, чего хочешь.

— Пожалуйста.

Дверь резко распахнулась, ударив Макара по пальцам босой ноги.

Кот, сложив на груди лапы, спокойно смотрел, как студент прыгает на одной ноге, и, когда тот, прихрамывая, вернулся к кровати и сел, кот плюхнулся рядом.

— Привыкай, Макарушка. Вежливость и ясность мысли позволят тебе выжить в нашем мире.

— Почему угол Пскопской и Йело — как — там?

— Когда наша застава впервые открыла дверь в ваш мир, на пороге, впусив стылый воздух, появились два мужика в сермяжках и с котомками за спинами. Сняв шапки, они поклонились в пол и произнесли: «Мы пскопские. Пустите переночевать?».

— Пустили?

— Да, застава не может отказать тем, кто стоит у открытой двери.

— А кто живет с другой стороны?

— Все остальные. Гномы, эльфы, оборотни, вампиры. Да чего перечислять? Людям хорошо известны все расы йеллопухцев. Ваш Хэллоуин — прямое тому доказательство.

— Зачем я здесь?

— Ну наконец — то! — обрадовался кот. — Я думал, ты никогда не спросишь! Ты, Макарка, ловец времени. Очень нужный нам человек.

— Боже, какой я ловец времени? — Студент схватился за голову. — Нет, я все — таки в дурке!

— Начальство не ошибается. Сейчас докажу.

Крутанув ключик, торчащий в замке шкатулки, кот приподнял тяжелую крышку. Под его когтями звякнула фарфоровая чашечка, которую Баюн с величайшей осторожностью поставил на тумбу.

— А теперь пригласим свидетеля. — Сделав пас лапой, словно фокусник в цирке, кот явил Макару ту самую изящную ложечку, что совершила в кафе полет в содружестве с подносом и парой пирожных. — Исида всегда прихватывает сувениры с места событий.

Заметив, что рот Макара открылся для очередного вопроса, Баюн мягко хлопнул его,

поддев когтем подбородок студента.

— Все узнаешь потом.

Ложечка, ударившись о край фарфора, издала мелодичный звук. Макар не удержался от возгласа, когда из чашки вверх брызнул сноп искр, словно Баюн зажег яркий бенгальский огонь, мгновенно ослепивший студента.

— А теперь закрой глаза, — приказал кот.

За закрытыми веками поплыли цветные блики, которые вдруг стали приобретать четкие очертания, словно кто — то в голове подкрутил настройку.

Макар увидел кафе с непонятого ракурса и только по маячившей рядом голове официанта понял, что телетрансляцию ведет — ...чайная ложечка. Вот мир качнулся, зазвенела посуда и вдруг все замерло. Макар в деталях мог рассмотреть безмятежные лица клиентов, еще не понимающих, что поднос потерял опору. В застывшем мире двигался лишь один человек, который поднялся с места так быстро, что его стул отлетел в сторону. Макар узнал свои темные волосы, взметнувшиеся над высоким лбом, разглядел, как напряглись его скулы, широко распахнулись серые глаза, выступили капельки пота над верхней губой. Ложечка, отразившись в перламутровых пуговицах его рубашки, стукнулась об плечо, скользнула по рукаву и упала к ногам, показав напоследок ползущие по замшевым мокасинам капли кофе.

— Видишь? Ты остановил время, — услышал Макар шепот Баюна. — Совсем на чуть — чуть, но тебе хватило, чтобы загородить собой Исиду. Тея сидела к тебе лицом, поэтому поняла то, что не заметили остальные — ты переместился мгновенно. Но мы знаем, что люди не способны на такую скорость, а вот ловцы времени...

Макар открыл глаза. Кот спрятал фарфоровую чашечку назад в ларчик, где поблескивали боками лежащие в мягких нишах предметы. Щелчок закрываемого замка вывел студента из оцепенения.

— Зачем я вам? Почему должен жить до конца своих лет на заставе?

— Давай сначала поговорим о плюсах. — Кот опять сел рядом с Макаром и по — отечески обнял его. — Ты будешь жить в Междумирье не до конца своих лет, а до конца веков. Шагнув за предел, ты стал практически бессмертен.

— Какой еще предел? — застонал Макар.

— Что — то меня волнует твое состояние. — Кот понюхал воздух. — Я прямо чувствую, что ты перегружен информацией и твой мозг вот — вот сбойнет. Надо выйти из закрытого пространства и явить себя Междумирью. Новые впечатления отвлекут от попытки объять необъятное.

— Ы — ы-ы — ы.

Глава 2. Явление Междумирья. Макар на пределе

Новые впечатления не заставили себя ждать. Стоило Макару переступить порог комнаты, как здание крупно затрясло.

— Землетрясение?! — вскрикнул студент, приседая на корточки и на всякий случай прикрывая руками голову.

Толчки буквально выбивали почву из — под ног. Слышался звон бьющегося стекла, грохот падающей мебели, крики встревоженных людей. По стенам круглого зала, в котором оказался Макар, расползались крупные трещины, словно неведомая сила рвала и перекраивала пространство. Студент не верил своим глазам, но огромное помещение с множеством дверей и лестниц, уходящих вверх и вниз, действительно перестраивалось, становилось все шире и шире. Черно — белый пол, на котором мраморные плиты чередовались в шахматном порядке, растягивался от центра в стороны, превращая квадраты в ромбы.

Оглянувшись на кота, Макар оторопело заметил, что порог, который он только что перешагнул, уже отделился от него на пару метров, а на стене, возле арки с лестницей, с грохотом распахнулась дверь, которой только что вовсе там не было. Студент заворожено наблюдал, как за дверью разрастается сфера — казалось, будто гигантский стеклодув раздувает податливый шар.

Еще один толчок — и по сфере пошли волны. Сталкиваясь между собой, они образовывали углы, и вскоре перед изумленным Макаром предстала просторная комната. Дальняя стена разорвалась с громким хлопком, и на ней появилась брешь, которая тут же затянулась пленкой, через мгновение сделавшейся твердой и прозрачной, как стекло. На новоявленном окне развернулись подобно молодым листочкам плотные занавески.

Трансформация не прекращалась ни на минуту. Пол в комнате вздыбился, и в нескольких местах из него проросли побеги, которые тут же сплелись между собой, образуя остов широкой кровати, а потолок выпустил каплю янтарной смолы, тут же лопнувшую, словно созревшая почка. Через мгновение комнату ярко осветила люстра в форме цветка.

— Смотри — ка! — Кот подошел к подопечному и мягко тронул его за плечо. — Застава соорудила тебе знатные апартаменты. Не каждому новичку так везет. Видать важная рыбка попала в ее сети. Прости, я хотел сказать не рыбка, а Птичка, — поправился Бай — юрн.

— Что значит «соорудила»? — Студент пропустил все разглагольствования относительно птичек и рыбок, уцепив главную мысль. Только сейчас он заметил, что открылись все двери, ведущие в зал, и оттуда высунулись жители заставы, с любопытством взирая на него. Густо покраснев из — за того, что свидетелями его паники стало столько народу, Макар торопливо поднялся с пола.

Кот только открыл рот, чтобы объяснить, что такое «предел», как откуда — то снизу раздался пронзительный женский визг. Бай — юрн нервно дернул усом, а очевидцы явления Междумирья нового члена развернулись в сторону ведущей вниз лестницы.

Нечто розовое и большое, с десятком бигуди на голове, выскочило оттуда и понеслось на кота с той же неотвратимостью, с какой тяжелый шар, направленный меткой рукой, летит в кегли. Ассоциацию завершило падение кота, сбитого этим розовым шаром: пушистик нелепо взмахнул в воздухе лапами, пытаясь удержаться в вертикальном положении, и не

нашел ничего лучше, чем ухватиться за разъяренную блондинку. Пара повалилась на пол.

— Ах ты гад, ах ты котяра плешивый! Загнал — таки меня в подпол, словно я мышь какая! — Девица в розовом спортивном костюме, густо усыпанном блестками, пыталась расцарапать морду Бай — юрна.

— Мышь? Сегодня ты себя видишь мышью? Хочешь об этом поговорить? — кот, не теряя самообладания, задавал вопросы раскрасневшейся фурии, крепко прижимая ту к груди и отворачивая морду от ее коготков.

Так и не сумев дотянуться, девица укусила кота за лапу. Бай — юрн взвыл и выпустил скандалистку из объятий. Блондинка скатилась с него и, отплевываясь от облепившей ее лицо шерсти, зло сузила глаза.

— Хочешь сказать, ты не виноват? Весь такой белый и пушистый? — «Мышь» уперла руки в крутые бока и, выставив вперед знатную грудь, наступала на противника, который отползал, неуклюже перебирая лапами. — А кто вчера угрожал, что однажды я проснусь в подвале? Думаешь, я забыла?

— Удивительно, что ты вообще что — то помнишь! — Кот исхитрился подняться и быстро прошелся когтями по шерсти, приводя себя в порядок. — А ты, Окси, случаем не забыла, как вчера не смогла остановиться и выпила весь запас гоблинской мордоротки? А как ночью приставила нож к горлу Хоча, требуя, чтобы тот хоть на часик стал Сапфиром? А кто это у нас обзывался и довел до слез Петру? Не ты ли, Окси? И кто теперь возмущается что справедливость восторжествовала?

Если до этого Окси наступала на кота, сопровождая каждый свой шаг вопросом, то теперь ответный танец начал Бай — юрн и вскоре уперся объемным животом в девицу.

— Я тебя предупреждал, что на Заставе нельзя себя вести по — хамски? Предупреждал? Вот и получила по заслугам! — Кот смотрел на нее сверху вниз, нависая огромной массой, но невысокая блондинка не спасовала. Сделав резкое телодвижение, она отпихнула грудью пушистика, от чего тот опять едва не потерял равновесие.

— Ах, ты так?!

Пока эти двое ссорились, не переставая пихаться, Макар обратил внимание на остальных обитателей странного места. Прежде, увлеченный перестройкой помещения и явлением дивы — дивной в розовом костюме, он видел лишь обезличенную массу, а теперь у него появилась возможность взглянуть в лица и обнаружить, что не у всех эти самые лица есть. Морды, физиономии, хари, что угодно, но не человеческие лица. Непонятные существа выглядели настолько экзотично, а иногда и уродливо, что их вид заставил Макара ущипнуть себя еще раз. Но надежда проснуться не оправдалась.

Недалеко от него высилось нечто под два метра ростом, укутанное в черные одеяния с головы до ног. И только прорезь для глаз подсказывала, что под тканью скрывается женщина — густо подведенные глаза цвета сливы с любопытством изучали Макара, и от этого взгляда по спине его прошелся холодок. На всякий случай студент сделал шаг в сторону от незнакомки, но тут же из прорези для рук появилась длинная, какая — то птичья ладонь, и потянулась в его сторону с известным всем землянам жестом «будем знакомы». Макар устыдился, что так явно показал свой страх, поэтому тоже протянул руку, хотя длинные когти и чешуйчатая кожа вызывали неприятное чувство.

— Мурила. Я из Кимбу, — нежнейший голос, сродни ангельскому, немного скрасил первое впечатление, и студент, пожимая руку женщины, сумел вымолвить:

— Макар. Я скопец. Простите, оговорился, я — пскопец. Короче, мы — пскопские. То

есть, я с пскопской стороны. Тфу ты. Землянин я.

— А я — Крошка Пиу, — пискнули откуда — то снизу. Макар наклонился и увидел девочку — тростиночку, ростом едва достигающую ему до колена. — Я не знаю, откуда я родом. Мне кажется, я появилась вместе с Заставой. Я сама записала первого Йеллопухца, прошедшего через наше кафе. Приходите и вы на регистрацию, Макар — скопец.

Шум, издаваемый двумя ссорящимися, моментально стих. И девица в розовом, и Бай — юрн застыли на месте и с удивлением уставились на Макара, словно только что прозрели.

— Как жаль! — разочарованно воскликнула агрессивная блондинка, оценивающим взглядом окинув фигуру новенького. — Такой великолепный экземпляр и скопец!

— Я... Я не скопец! — Макар растерялся и теперь не знал, как оправдаться. Он впервые попал в такую глупую ситуацию.

— А кто такой скопец? — невинно поинтересовалась Крошка Пиу.

— Евнух, кастрат, — начала перечислять Окси, — ни мальчик, ни девочка.

— Эх, Макарка! — вздохнул кот, отдирая руки Окси от шерсти на своей груди. — Я же предупреждал тебя быть внимательным к словам. И рассказал наглядную историю о картавой ведьме.

— Требую, чтобы Макар доказал, что он не скопец! — Окси по — деловому стряхнула шерсть кота со своих рук и сделала шаг к студенту, словно лично собиралась расстегнуть его джинсы. Остальные жители с любопытством вытянули шеи. Во всяком случае, те, у кого шея была. Крошка Пиу, чтобы лучше видеть, встала на цыпочки, а ее и без того огромные глаза сильно расширились и заняли половину лица, что окончательно добило Макара.

— Все! Я больше не могу! — взвыл он, запуская пальцы в волосы. — Я на пределе!

— Молодец, Макарка! Сам дошел до мысли, что такое Предел, — похвалил кот и хлопнул лапой по спине студента, отчего тот качнулся вперед, едва не раздавив Крошку Пиу. Девочка с визгом отскочила. — Добро пожаловать на Заставу. Всякий переступивший Предел навечно становится жителем Междумирья!

— Где предел? Какой предел? — Макар не понимал. Голова кружилась. Голос Бай — юрна, визг Пиу, саркастический смех Окси больно резали слух, будто все разом говорили в рупор.

— Это вот шахматное поле и есть Предел! — Бай — юрн широким жестом обвел круглый зал. — Теперь тебе всегда придется жить на Пределе. Вон Застава и комнатку тебе вырастила. Все чин по чину.

— А! Так вот из — за кого я очутилась в подвале! Из — за скопца! — Окси вспомнила, с чего начались разборки. — Ну уж нетушки!

Блондинка хищно огляделась, остановила взгляд на новой комнате и ринулась к ней.

— И только попробуйте меня оттуда выкурить! Вцеплюсь в кровать, и фиг кто меня оторвет! — грозила она, расталкивая свидетелей скандала. Окси попыталась войти в новую комнату, но что — то невидимое оттолкнуло ее назад. Дверь с грохотом захлопнулась. Блондинка сноровисто поднялась с пола и с разбега саданула пару раз плечом по деревянному полотну, но дверь не поддавалась.

— И волшебное слово не поможет, Окси, — громко произнес кот. — Ты попала в нелюбимчики Заставы. И пока не перестанешь вести себя как хабалка, жить тебе в подвале. Так! — громко добавил кот, хлопнув лапами. — Все разошлись по своим делам. Окси, тебе пора на смену! Поторопись! Вдруг какой — нибудь заезжий принц положит глаз на Петру? Петра, перестань распускать нюни. И на твоей улице праздник будет.

Высокая девушка в одежде до пят, напоминающей монашескую, низко опустила голову. Тонкие длинные волосы цвета вороного крыла почти скрыли лицо, но подрагивающие плечи ее выдали — Петра плакала. Окси, на ходу снимая бигуди и засовывая их в карманы спортивных штанов, проходя мимо Петры, нарочно толкнула ее, а та лишь жалобно ойкнула.

Люди и нелюди под грозным взглядом кота начали расходиться.

— А как же макаркины доказательства? — раздался детский голосок Крошки Пиу. — Я все еще хочу посмотреть, что такое скопец.

Макар закрыл руками глаза.

— Боже, у меня сейчас мозг закипит, — прошептал он и тут же услышал:

— У кого тут мозги кипят? Там гоблины в кафе требуют чего —нибудь человеческого.

Раздвинув пальцы, Макар увидел невысокого рыжего толстячка в поварском колпаке и с огромным черпаком на плече.

— А! Новенький и уже готовенький! — радостно воскликнул гном, доставая откуда — то из — за спины тесак. И свет в Междумирье погас.

— Чего это он? — спросил гном. Его густой бас — последнее, что услышал Макар. — Я всего лишь хотел попросить Бугера поточить нож. Гоблины заказали мозги под татарским соусом, а я голову никак разрубить не могу. Коровью...

— Боже, — успел подумать студент, прежде чем потерял сознание.

***

Макар медленно выплывал из небытия. Ему было тепло и уютно. Мягкое одеяло коконом обнимало уставшее тело. И если бы не разговор двоих новых знакомых, находящихся где — то рядом, Макар решил бы, что он дома, а на кухне позвякивает посудой мама.

— Зачем ты вытащил новичка на Предел, если он не был готов? Разве в твои обязанности не входит подробный инструктаж пскопских? — тоненький детский голосок напомнил Макару имя его обладательницы — Крошка Пиу. Она отчитывала кота. Это было так странно, как если бы ребенок, лежащий в коляске, вдруг начал бы выговаривать студенту за неуд в зачетке.

— Виноват. Исправлюсь.

Макару захотелось взглянуть хотя бы одним глазком на Бай — юрна. Ему показалось, что кот должен стоять, вытянувшись по стойке смирно, так по — армейски звучал его ответ. Но выдавать себя раньше времени Макар не спешил.

— Твоему поведению нет оправдания, — продолжила Крошка Пиу. — Зачем ты затеял свару с Окси? Зачем ты вообще позволил Макару покинуть комнату? Ты ведь знал, что при перестройке Заставы сбегутся все жители, лишь бы поглазеть на новичка. Некоторые морды и меня до сих пор шокируют, хотя я всякое повидала, более тысячи лет регистрируя проходимцев.

— Виноват, — еще тише ответил кот. — Хотел подстегнуть его дар. Вдруг бы, не выдержав впечатлений, Птичка опять остановил время?

Макар все же открыл один глаз. Бай — юрн стоял на задних лапах, низко опустив голову и поджав уши. На кресле у кровати сидела Крошка Пиу и, оттопырив мизинцы, держала в руках фарфоровую чашку с дымящимся чаем. Ее собранные в хвост волосы, веснушки на носу, не достающие до пола ноги в детских сандаликах никак не вязались со строгой интонацией, а тем более с названным сроком службы на Заставе.

В голове студента словно из паззлов складывалась картинка. Если Крошка Пиу сама

зарегистрировала первого посетителя с Йеллопухской стороны, значит она уже жила здесь, в Междумирье. «Мы — пскопские» — так называли себя первые посетители с нашей стороны, а ведь Пскову действительно более тысячи лет. Неужели Застава столько лет существует на земле, а о ней никто не догадывается? Может, секретные службы и здесь имеют своего агента и как — то контролируют перемещение «проходимцев», как назвала иномирцев Пиу? Хорошо бы. Тогда бы у Макара появилась возможность вернуться домой. Мама будет переживать, если он не найдет выхода, а у нее слабое сердце.

— Делу — час, остальное время потешаемся? — Рыжий гном в поварском колпаке сунул нос в дверь. На этот раз в его руках была огромная книга. Он прошел к столу и, кряхтя, положил на него фолиант. Крошка Пиу оживилась. Передав гному свою чашку, она спрыгнула с кресла и забралась на стул, услужливо придвинутый котом. Встав на колени, малютка, напоминающая своим видом Дюймовочку, проворно перевернула несколько страниц, вытащила из кармана фартучка чернильницу — непроливайку и черное перо, похожее на воронье. Обмакнув его в чернила, начала что — то записывать, от старания высунув язык.

— Вы совсем мальчика замучили! — Гном с укоризной посмотрел на кота. — На Пскопской стороне как принято? Сначала гостя нужно накормить — напоить, а потом уж и в печь сажать, а вы сразу жару поддали. Поднимайся, Макарка!

Гном сдернул одеяло с Макара одним движением руки, и студент с изумлением обнаружил, что лежит совершенно голый.

— А чего ты покраснел, Макарушка? — Кот сложил лапы на груди, с ухмылкой наблюдая, как студент пытается завернуться в простыню. — Я вот хожу без кафтана и нисколько не стесняюсь.

— З — з-зачем вы меня раздели? — едва выговорил Макар, его лицо обдало жаром, словно он уже сидел в печи. Вспомнив слова гнома, он добавил: — Потешались?

— Мы твое доброе имя спасали, — Крошка Пиу слизала языком фиолетовую каплю, повисшую на отточенном кончике пера. — Мы Заставе доказывали, что ты не скопец. Чтобы исправить произнесенное тобой имя, пришлось пойти на хитрость. Теперь я тебя регистрирую, как Макар — капец. Или ты хочешь прежнее звание? — Она обернулась на студента. — На Заставе так принято. Как ты в первый раз всем себя представишь, так в книге регистрации и записывается.

— Эх, Макарка! — вздохнул кот. — Я ж тебя предупреждал, что на Заставе всякое слово весомо.

— Да, слово — не воробей! Что написано пером, не вырубишь топором! Тут так. Коль горшком назовешься, мигом в печь посадят! — Разговорчивый гном подал новичку его джинсы. Макар, путаясь в накинутаой на тело простыне, быстро натянул их, и, отвернувшись к стене, застегнулся. Мокасины нашел под кроватью.

— Ступай за мной, сердешный, — гном вздохнул, но не стал смущать Макара замечанием, что тот застегнул рубашку криво.

Проходя мимо Крошки Пиу, студент не удержался и заглянул в книгу. «Дюймовочка» старательно рисовала его портрет. Рядом стоял порядковый номер 666.

Глава 3. Первое испытание. Макар помогает снять с Окси розовые штаны

Макар чувствовал себя потерянным.

Он плохо понимал, где находится, что с ним происходит и чего от него хотят. Одни лица сменяли другие. Его выводили из комнаты, словно дрессированную мартышку, потом раздевали, кому — то что — то доказывали, рисовали и присваивали номер.

Макару бы сесть и подумать, разобраться с творящимся вокруг. Ему бы следовало определиться, кто сошел с ума — он или мир, но безумные события продолжали множиться, разрушая способность здраво мыслить.

Как только он вышел из комнаты, дверь за ним со стуком закрылась, обдав упругим потоком воздуха, похожим на дружеский хлопок по спине. Студент обернулся и прочел на двери надпись, сделанную небрежной рукой: «Макар — капец — времени ловец».

Чтобы не повредиться мозгами, Макар постарался сосредоточиться на единственном достоверном факте — у него есть мама, нормальная земная женщина, которая не перенесет разлуку с ним, а потому он должен любыми способами вернуться домой. Нужно перестать паниковать и начать собирать информацию. Не может быть, чтобы не существовал выход. Кто все эти существа, живущие на Заставе? Почему уверены, что застряли в Междуириэ навсегда? Может, они просто не замечают лазеек на свободу или она попросту им не нужна?

— Не отставай, милоч, — поторопил его гном. — Кухня без шеф — повара нервничает. Она как женщина, за ней глаз да глаз нужен: то пироги подпалит, то в нетерпении пенкой молочной выкипит.

Макар прибавил шаг и догнал гнома. Все в облике рыжего повара казалось ему чудным и противоречивым. Рыжие волосы, виднеющиеся из — под поварского колпака, были заплетены в тугую косу, а короткая борода воинственно топорщилась, придавая лицу с мясистым носом решительное выражение.

«Наверно, именно с таким викинги шли в атаку», — невпопад подумал Макар.

Голос у гнома был басовитый, а интонации душевные. Да и слова он использовал в общем — то мягкие: «милоч», «сердешный», «не поспамши, не посрамши». Последнее выражение заставило Макара прислушаться. Рассматривая гнома, он явно упустил что — то важное.

— Так и верчусь день — деньской, но зато всегда в курсе всех событий. И если тебе, паря, нужна будет какая —нибудь инфа, обращайся к Гуглу.

— У вас, что, и интернет есть? — ошарашенно спросил Макар, быстро соображая, кому из друзей передать сообщение с криком о помощи.

— Ну, ты, малец, даешь! Я битых полчаса объясняю, что можно не произносить мое имя Гугельгогенн полностью, а ты где — то в облаках витаешь!

Гном остановился у двери, похожей на каменный жернов, и приложил к ее поверхности ладонь. Огромный валун с грохотом откатился, заставив Макара зажать уши руками.

— Ничего, паря, пообвыкнешься, — Гугл скривил в усмешке губы.

За откатившимся камнем обнаружился следующий, размером поменьше.

— Бугер, мой тесак готов? — спросил гном у этого валуна. Раздался щелчок, и Гугл сунул руку в открывшуюся горизонтальную щель, откуда вскоре показалась металлическая рукоятка. Лезвие тесака выходило со скрипом — чтобы вытянуть его, Гуглу пришлось

приложить немалое усилие. Однако после, проведя большим пальцем по острию, повар остался доволен.

— Спасибо! Хорошая работа, — похвалил он того, кто не имел ни глаз, ни рук. Да и щель, как только из нее извлекли тесак, сомкнулась, просыпав на пол мелкую каменную крошку. Стоило гному дотронуться ладонью до жернова, служащего дверью, как он с тем же грохотом покатился назад.

— И тебе спасибо, Большая Ба, — поклонился Гугл двери. — Чего стоишь, раззявив рот, паря? Поприветствуй жену Бугера, раз не хватило ума с ее мужем поздороваться.

— Здравствуйте, — выдавил из себя Макар, на всякий случай тоже поклонившись.

— Да не так! — Гном досадливо поморщился и ткнул пальцем в нижнюю часть «двери». — Руку вот сюда приложи, ей будет приятно.

Макар положил ладонь на указанное Гуглом место и услышал, как за мадам Бугер раздался резкий стук, как будто камень с силой ударился о другой камень.

— А теперь бежим! Точильщик не любит, когда его жену хватают за задницу! — Гном, не оборачиваясь на застывшего в растерянности Макара, рванул к лестнице, ведущей в длинный коридор.

Студент, придя в себя, побежал следом под сопровождение рокочущего звука камнепада, больше напоминающего смех, чем выражение гнева.

К радости Макара, кухня оказалась привычной: блестящие хромированные поверхности, пышущая жаром плита, развешенные по стенам половники, ножи и прочая нужная в поварском хозяйстве утварь. В подсвеченной огнем духовке на вертеле кувыркалась тушка какого — то зверька, а в двух шагах от нее на почерневшей от времени и крови колоде лежала коровья голова, в которую тут же, как только Гугл повязал кожаный фартук, вонзился тесак.

— Господа гоблины уже трижды спрашивали, где наши мозги, — в раздаточном окне появилась недовольная Окси.

— Наши — то мозги на месте, — крикнул гном, точным движением тесака разрубая коровью голову пополам. — А вот твои придется поискать. Ты хоть знаешь, с кем заигрываешь?

Окси в очередной раз сдула падающую на лицо прядь, завитую в тугую спиральку, и широко улыбнулась Макару. Обтягивающая майка со смелым вырезом выставляла напоказ ее щедро выданную природой грудь. Румянец на щеках и светящиеся восторгом глаза говорили о возбуждении, в котором пребывала девушка.

— А что? Очень приятные проходимцы. Вежливые. — Окси заправила локон за ухо и кокетливо повела плечами. — Я и не знала, что гоблины могут быть такими симпатичными.

Макар сделал шаг к двери, ведущей к барной стойке, и приоткрыл ее. Он не представлял, кто такие гоблины, поэтому был несколько обескуражен, увидев за одним из столов мужчин в смокингах и белоснежных рубашках. Напомаженные черные волосы блестели дорогим гляncем, а в холеных руках дымились сигары, наполняя густым ароматным дымом вполне земную кафешку.

— Ну, еще бы, Аравай — аба — принц гоблинский сегодня ходил в театр на «Чио — чио — сан», ради чего проторчал на Пскопской стороне целую неделю. Однако...

При слове «принц» Окси мотнула головой, словно породистый скакун, услышавший сигнал к атаке, и тут же исчезла.

— Вот егоза! Хоть бы дослушала, что сказать хотел, — проворчал гном, аккуратно

снимая пленку с мозгов. Посолив — поперчив и обваляв в сухарях, он выложил их на сковороду, масло в которой весело зашипело. — Как бы ей на своей шкуре не пришлось убедиться, с кем заигрывать вздумала. Глянь, Макарушка, она, поди, уже на коленях у одного из гоблинов сидит?

С того места, где стоял Макар, Окси видна была лишь со спины, но он не мог не заметить, что рука самого лощеного мужчины поглаживает ее выпуклый зад с кокетливо повязанным бантиком передника.

— Еще не сидит, — Макар решил не говорить больше того, о чем его спрашивают.

— Если так дальше пойдет, придется подмогу вызывать. Аккурат через минут двадцать.

— Гоблинов от Окси защищать?

— Нет, Макарушка, ее отбивать придется. Какая — никакая, а своя. Перед соприкосновением Застав они свой родной гоблинский вид примут, и все приличные манеры сразу утратят. Волосы Окси на кулак намотают и к себе в Гобляндию потащат. Как добычу.

Студент оторопело посмотрел на гоблинов, которые выглядели совсем как английские аристократы. Решив, что гном в очередной раз шутит, Макар переключился на загадочные слова «соприкосновение Застав», и только открыл рот, чтобы задать вопрос, как раздался капризный голосок Окси:

— Господам мозги дадите или так и будете байки травить?

Гугл, ловко переместив мозги на тарелку, полил их чем — то красным, отчего они еще больше стали похожи на пособие патологоанатома. «Татарский кетчуп. Острый» — прочел Макар надпись на пластиковой бутылке, которую гном поставил в шкафчик рядом с другими бутылочками и баночками со знакомыми по рекламе этикетками.

Поднеся тарелку к окошку, гном трижды стукнул рукой по звонку.

— Мозги под татарским соусом, — зычно крикнул он, и, когда Окси протянула руку за заказом, схватил ее и потянул на себя. — Девка, не дури. Не буди лихо, пока оно тихо!

— Так принц же! — огрызнулась девушка, вырывая руку. — И я ему нравлюсь.

— Три звонка? Я не ослышалась? Тревога? — спросил приятный женский голос откуда — то со стороны посудного шкафа. Только сейчас Макар заметил, что в углу сидели двое — Петра и Мурила. В их руках было по ножу, а между ними стояло ведро начищенной картошки.

— Тревога, тревога. Вы, девоньки, не высовывайтесь. И ты, паря, отойди к ним, — гном стянул с головы поварской колпак. Без суеты снял фартук, и, погремев железом, достал откуда — то снизу шлем с острой пикой на маковке. Нацепив его до самых глаз, Гугл подхватил с колоды окровавленный тесак, стащил с большой кастрюли крышку и направился к двери.

Макар растерянно замер, не зная, что делать. Петра и Мурила, не обращая на новенького никакого внимания, уставились на огромные песочные часы, стоящие в сквозном проеме над раздаточным окном. Последние песчинки в них тонким ручейком сыпались вниз.

— Сейчас начнется, — зашептала Мурила. Ее удивительно красивые глаза тревожно мерцали в прорези бесформенного одеяния.

— Что начнется? — также шепотом спросил Макар, подойдя к девушкам.

— Обращение. Застава Гобляндии в нескольких минутах от соприкосновения с нашей. Видишь? — Она показала пальцем с птичьим коготком на часы.

Как только последняя песчинка покинула верхнюю часть часов, они перевернулись, и песок вновь начал свой бег, но на этот раз гораздо стремительнее. «Талия» у стеклянных часов ширилась на глазах.

— У гоблинов нет времени церемониться. Соприкосновение будет недолгим, и им нужно успеть уйти. С добычей или без. — Петра торопливо стягивала резинкой волосы, как будто готовилась кинуться на подмогу.

Сердце Макара ударилось о грудную клетку и гулко забухало в ушах. Воздух вдруг сделался тяжелым, а в животе противно заныло.

В зале послышались гневные выкрики. Кто — то резко оттолкнул стол, с которого посыпалась посуда. По полу с грохотом покатила крышка от кастрюли. Резанул слух полный ужаса визг. Кажется, это была Окси, но в шуме топота множества ног, бегущих по коридору, наверняка сказать было трудно.

Студент, не выдержав, направился к выходу.

— Ты куда? — пискнула из своего укрытия Мурилла — она спряталась за разделочный стол сразу же, как только перевернулись часы.

Но Макар не слышал ее. Он уже летел по коридору, держа в руке скалку — первое, что схватил на кухне.

Огромное мускулистое чудище с зеленоватой кожей тащило на плече брыкающуюся Окси. Еще два таких же уродца отбивались от наскაკивающего на них гнома, не позволяя тому приблизиться к своему вожаку. Единственное оружие повара — тесак не оставлял на их толстых шкурах видимых порезов, но длинная цепь светловолосого незнакомца, вдруг появившегося откуда — то со стороны Предела, заставляла гоблинов пригибаться и закрывать лапищами свои лысые головы.

— Дверь открывается! — завопил гном, замечая, как на дальней стене разрастается щель. — Уйдут, черти!

И в этот момент Макар, крича то ли от страха, то ли от возбуждения, врезался в гущу боя, молотя скалкой направо и налево. Удар следовал за ударом, и гоблины дрогнули. Они развернулись и побежали.

Макар понесся следом. Он первый заметил, что вожак, на плече которого верещала Окси, уже добрался до двери. Студент, понимая, что не в силах его остановить, в ярости швырнул в него скалку. И попал по голове. Неожиданный удар заставил гиганта оступиться.

Он неловко взмахнул руками, теряя равновесие. Окси скатилась с его плеча и шмякнулась об пол. Быстро придя в себя, она, поскуливая, поползла на четвереньках в сторону. Гигант потянулся за Окси и едва не схватил за голую пятку. Ему помешал прыгнувший на него мужчина. Гоблин закружился, пытаясь скинуть наездника, но тот крепко держался за цепь, обвившую шею вожака.

— Она моя! — ревел гоблин.

— Аравай — аба, уходи подобру — поздорову! — кричал светловолосый незнакомец. — Не нарушай Межмировую конвенцию!

— Женщина сама захотела уйти с нами. Ее воля — наше желание! Нет нарушения конвенции!

Изловчившись, гоблинский принц все — таки скинул мужчину, и тот, врезавшись со всего маха в стену, затих. Аравай — аба хищно обернулся, ища глазами Окси. Взмах лапищей — и вставший на его пути Макар отлетел в сторону. Удар об пол выбил из студента дух.

— Оставь ее, Аба, — окликнул принца один из его товарищей. — Уходим! Портал

закрывается!

— Женщина — моя, она сама так сказала! — рыкнул гоблин и кинулся за Окси. Он догнал ее и, схватив за босую ногу, поволок, не обращая внимания на последнего защитника — насакивающего на него гнома.

Принц с трудом протиснулся в щель, но вторая нога Окси, которой она уперлась в стену, помешала втянуть женщину следом.

Гном и здесь пытался противостоять гоблину, вцепившись в руку Окси и таща ее на себя, но это сражение он точно проигрывал.

Принц, желая перехватить и вторую ногу жертвы, допустил роковую ошибку. Отвлечшись, он пропустил неожиданный маневр Окси, которая, крутанувшись всем телом, вырвалась из его лап. Аравай — аба, понимая, что добыча ускользает, в последнем рывке вцепился в одну штанину ее розового трико, потом в другую и с яростным упорством потянул на себя.

— А — а-а! — истошно закричала Окси, понимая, что вновь оказалась во власти гоблина.

— А — а-а! — завопил гном, осознавая, что не сможет удержать девушку.

Макар с трудом поднялся на ноги. Он видел, что еще мгновение и Окси улетит в гоблинский мир. Он должен помочь. Должен.

Тряхнув тяжелой головой, Макар сделал шаг, другой.

И вдруг все замерло.

Крики и вой превратились в сплошной тягучий низкий звук, а Макар обнаружил, что он единственный, кто может двигаться.

Студент упал на колени возле Окси и не нашел ничего лучшего, как дернуть за тесемку, развязывая узел, удерживающий штаны на девушке.

И тут же время вернулось, обрушившись высоким звуком. В закрывающейся щели исчезли розовые треники вместе с раздосадованным вскриком Аравай — абы, а на полу в одних трусах и майке лежала Окси, вздрагивая от плача всем своим большим телом. Подоспевшая Петра прикрыла ее сдернутой со стола скатертью.

Чувствуя чей — то пристальный взгляд, Макар обернулся и успел заметить улыбку, которую быстро спрятал светловолосый незнакомец, так и сидевший у стены.

Взмокший Гугл, кряхтя, встал с пола, снял с головы шлем и отдал его Петре. Та, с обожанием глядя на героя, прижала рыцарскую амуницию к груди.

— Убери его, но не далеко. С такой оторвой он вскоре опять пригодится, — и уже обращаясь к боевому товарищу, добавил: — А ты, Сапфирушка, чего развалился? Вставай. Не узнаю я тебя. Никогда на моей памяти эльфы не теряли сознания.

И опять мимолетная улыбка скрасила лицо мужчины, который, легко поднявшись, подошел к Макару и протянул ему ладонь.

— Ну, будем знакомы, Ловец времени. С боевым крещением. Я — Сапфир.

Макар стоял как замороженный, удивляясь яркому цвету сапфировых глаз. Он впервые видел живого эльфа.

— Не спи, паря, — засмеялся гном, толкнув студента плечом. Тот спохватился и пожал протянутую руку.

— Макар. Птичка, — устало представился он.

— Напугался, сердешный? — Гном похлопал Макара по спине и поковылял к тесаку, валявшемуся недалеко от того места, где недавно была дверь в Гобляндию. Подняв нож,

повар потрогал большим пальцем зазубренное лезвие. — Да, за нашими проходимцами глаз да глаз нужен. Тут не зажируешь. А ведь и правда! — Гугл всплеснул руками. — Покормить — то тебя я так и не успел. Ну, ничего, сейчас все наверстаешь. А Сапфир приготовит нам успокоительный коктейль. Он по напиткам большой умелец.

— Профессия обязывает, — скромно улыбнулся эльф. — Я бармен в «Приюте проходимцев».

— Это наше кафе так называется, — пояснил гном. — Йеллопухцы все правильно понимают, а вот Пскопские должны бы поостеречься. Но все равно идут. Любопытные, черти.

Появившаяся Мурила принесла потерянные Окси туфли и помогла Петре поднять все еще всхлипывающую девушку.

— Предупреждали ведь, что не все проходимцы красавцы, какими кажутся, — вздохнула Петра, подставляя свое плечо и обхватывая Окси за талию.

— И принцы могут быть разбойниками, — ласковый голос Мурилы оборвал резкий ответ Окси:

— Заткнитесь, дуры.

***

— Люблю я это время. — Гном сидел за столом в кафе, положив кулак под щеку и мечтательно устремив взгляд в потолок. — С Йеллопухской стороны никто не опивается, на ухо не зудит, кушать не просит. Покой и тишина. А ты ешь, ешь. Успеешь еще задать свои вопросы, столько веков впереди.

Макар ел. Он никак не мог понять, часы или дни прошли с того момента, как он попал на Заставу, но молодое тело требовало пищи. Гугл оказался превосходным поваром. На столе перед Макаром стояли кулебяка с семью слоями начинки и запеченный до хрустящей корочки кролик. Студент поверил гному на слово, хотя от его взора не скрылось, что у кролика подозрительно длинный хвост. Думать Макар устал, а потому просто предавался обжорству. Он уминал за обе щеки маринованные лисички, от которых поначалу отказался, побоявшись, что лисички из той же оперы, что и кролики. Студент запивал все это изобилие любимым компотом из сухофруктов, для начала приговорив несколько успокоительных коктейлей. После них жизнь казалась не такой уж и странной.

— Я никак не могу понять, что такое Застава? Откуда она взялась? И почему я не могу покинуть ее? Ведь гоблины ушли в свою, ик, ... бляндию? — Макар смотрел на кулебяку стеклянными глазами. Откусив еще раз, он положил ее на тарелку и рассеянно вытер руки о штаны.

— Эх, как тебя развезло после успокоительного.

— Х — х-хочу все знать! — Макар рубанул ладонью воздух.

— Эх, кабы и мне все знать, — все в том же мечтательном ключе произнес Гугл. — Но даже Крошка Пиу, которая старше многих, и то не помнит, откуда взялась эта Застава. Говорит, что однажды открыла глаза, а рядом лежат книга с чернильницей да воронье перо. И так ей захотелось чего — nibудь накалякать в этом фолианте, что она не удержалась и нарисовала чудной цветок и себя, сидящую в его чашечке.

— Вот, оказывается, откуда сказка о Дюймовочке пошла, — вздохнул Макар, опустошив бокал с компотом.

— Наша Дюймовочка никуда не пошла. Она и шагу не может ступить с Заставы. Да и не хочет. Все пишет и пишет свою книгу. И каждый из нас, вольно или невольно оказавшийся

на Пределе, не может покинуть Заставу. Мы все здесь как в ловушке.

— Значит, цветочек Венериной мухоловкой оказался? — Макар изобразил ладонями с растопыренными пальцами, как смыкаются половинки хищного цветка.

— Угу, похоже, — подтвердил гном. — Загони мы сегодня гоблинов в шахматный зал, и наша компания увеличилась бы на три хари. Да, много всякой всячины понаехало, пока Крошка Пиу не поняла, как Застава чужих делает своими.

— Бай — юрн говорил мне, что все достигшие Предела бессмертны. Поэтому ты не побоялся ввязаться в драку с гоблинами?

— Ну, во — первых, не в гоблинских интересах наносить нам с Сапфиром вред. Окси не та добыча, из — за которой захочется лишиться права посещать Пскопскую сторону. А во — вторых, хоть мы и не болеем, и не стареем, но убить нас можно. К примеру, снес бы тебе голову гоблин, и не стало бы Макара Птички.

— Блин, я — горец Дункан Макклауд! — Студент стукнул себя в грудь. — Тот тоже без головы — не жилец.

— К сожалению, есть и другие примеры. Вон, Окси точно без головы живет. Все мечтает принца захомутать, чтобы покинуть Заставу на белом коне.

— Ага! — Макар аж подпрыгнул, услышав такое откровение. На столе раздраженно звякнули фужеры. — Значит, не всех Застава в плену держит?

— Ну как тебе сказать? Выбор — то невелик. И тут плен, и там плен. На Пскопскую сторону тебя Застава ни при каком условии не выпустит, потому что ее существование есть великая тайна для твоего отсталого мира, а вот в какой другой мир — пожалуйста! Главное, чтобы проходимцы вслух произнесли, что хотят взять тебя с собой, а ты изъявил желание следовать за ними. Тебе же Бай — юрн говорил о силе слова? Застава все слышит! — гном поднял вверх указательный палец и многозначительно помолчал. — Но помни, как бы не защищала тебя Межмировая конвенция, которая запрещает убивать попаданцев, ее все — таки нарушают, даже под страхом смерти. Не пойман — не убийца. Через нашу Заставу демоны Пскопских косяками уводят, а они радостные идут, на все согласные. Еще бы. Такие красавцы за собой зовут и чего только не обещают. А ждет этих замороченных дурочек рабство, а большинство красавцев на родине становятся жабами. Сказки все про магические академии да могущественных влюбленных ректоров. Йеллопухцы специально такую пропаганду ведут, книжки о счастливых попаданках тонами выпускают, а ваши верят. И ты смотри, не поведись на прекрасные глаза и ласковые речи, вмиг в каком — нибудь демоническом гареме окажешься. Эх, паря, да ты никак носом клюешь? Не спи, Макарка! Вон песочные часы поворот сделали, а значит, ждет нас очередное соприкосновение.

— А что такое «соприкосновение»? — подумал Макар, но задать вопрос не успел, упав лицом в кулебяку.

Глава 4. Возвращение надежды. Попаданки оптом и в розницу

Макар стоял у окна в своей комнате. Он видел, как мама, открыв калитку, наклонилась к кинувшемуся к ней Грушевичу — так они называли приبلудившегося к их двору пса. Они оставили дворнягу у себя за верную службу, проявленную в первую же ночь: неожиданный охранник подрал штаны соседу, вздумавшему воровать груши.

— Мама, что так поздно? Я уже хотел на станцию идти.

— Все нормально, сынок.

Когда он вышел, чтобы перехватить сумки, почувствовал запах лекарства.

— Опять сердце?

— Уже все прошло, иди, отдыхай.

— Я на лекциях выспался.

Это было почти правдой, если не считать того, что сегодня он сдавал контрольный опрос, а вздремнуть удалось только на перемене, упав головой на конспекты. Почти каждый вечер Макар пропадал в мастерской, где восстанавливали раритетные машины. Ему доставалась самая тяжелая работа: шкурить, красить и полировать, но он не роптал. Заработанных денег хватало на то, чтобы одеться, дать немного маме и сводить девушку в кино или кафе.

В последнее время Макара тревожило, что мама все чаще жалуется на сердце. Когда он гнал ее к врачу, она отмахивалась.

— Может, все — таки согласишься на операцию? Я найду деньги, не переживай. Ребята помогут, машину продам, уже есть покупатель.

— Не надо, милый. Не хочу. Если я поберегу себя, то и без операции прожить можно.

— Ты уж побереги, мама.

Макар скрывал, что уже начал откладывать деньги на лечение. Сейчас мама — главная его забота, поэтому он собирался порвать с Натой — капризной девицей, требующей не только внимания, но и дорогих подарков. Макар терпеть не мог ультиматумы и шантаж, а Ната всякий раз дула губы и говорила, что сокурсник Арчи, останься она с ним, ни за что не жалел бы на нее денег.

А спать действительно хотелось.

Где — то далеко зудели шмели. Зудели и зудели. Мешали.

Макар повернул голову, но подушка оказалась до того неудобной, что устроиться на ней никак не получалось. Студент вздохнул и открыл глаза.

И обнаружил себя сидящим за столом. Перед ним стояла тарелка с тем, что осталось от пирога, раздавленного его щекой, рядом слизкой лужей растекался маринад из опрокинувшейся вазочки с грибами.

— Я что — сидя уснул? — спросил Макар, протирая глаза, но ему никто не ответил.

Студент огляделся и застонал, поняв, что по — прежнему находится в Междумирье.

Барная стойка, за которой недавно колдовал Сапфир, готовя успокоительные коктейли, сияла чистотой. Ни стаканов, ни фужеров. Задняя стена, сплошь заставленная разномастными бутылками, тревожно поблескивала стеклом и красной неоновой вывеской «Приют проходимцев».

Дверь на кухню оказалась непривычно широко распахнута, словно ее покидали в спешке. Повернув голову в сторону часов, хорошо видных и с этой стороны кафе, студент задержал взгляд на быстро увеличивающейся горке песка. По всем признакам, произошло соприкосновение с другим миром, и оно продлится недолго.

Чтобы хоть как — то сопоставить нереальное с реальным, Макар представил Заставу в виде железнодорожной станции, куда прибывают поезда из разных миров. А жители Заставы — это пограничники, фиксирующие перемещение лиц. «И рож», — мысленно добавил Макар, вспомнив гоблинов. «Может быть, и здесь, как на вокзале, есть расписание соприкосновения миров? Было бы интересно взглянуть».

От размышлений отвлек поменявший тональность гул голосов, принятый им во сне за жужжание шмелей.

«Опять что — то случилось с Окси?»

Студент поднялся со стула, но идти сразу не смог — ноги от неудобной позы затекли. Сделав несколько разминочных упражнений, Макар застыл, так и не закончив движение — в дальней части кафе он увидел дверь с надписью «Выход». Сладко заныло под ложечкой от предчувствия великого открытия. В голове запел чарующий голос птицы Феникс из фильма «Садко»: «Иди ко мне... Я — путь на свободу...»

Макара потянуло к заветной цели с невероятной силой. Все десять шагов до нее он боялся услышать чей — нибудь грозный окрик вроде «Куда?» или «Держи его!», от этого его желание посмотреть, что же находится за дверью, достигло апогея и чуть не закончилось разочарованием, когда он не смог ее открыть. Не сразу вспомнив, что на Заставе двери послушны волшебному слову, студент сначала подергал ручку, затем в отчаянии саданул плечом, и лишь потом умоляюще произнес:

— Пожалуйста, откройся.

Дверь послушно распахнулась наружу.

На Пскопской стороне стояла ночь. Картина засыпающего города резанула своей обыденностью: неширокая улица освещалась редкими фонарями, в многоэтажке напротив горело несколько окон, и в одном из них неспешно двигалась женщина, качая на руках ребенка.

У кого — то слишком громко бухтел телевизор. Шло поставленное на поток строительство отношений в «Доме-2».

Ребенок на руках у женщины заплакал, и она переложила его на другой локоть.

Мимо, совсем близко, пронеслась машина.

Где — то завывла полицейская сирена.

Знакомые звуки города завораживали, и Макар, отчаянно веря, что свобода близка, шагнул за порог.

И был отброшен назад с такой мощью, что проехался по полу на спине.

Поспешно поднявшись, не обращая внимания на боль, Макар вернулся к двери, сунул руку в проем и наткнулся на невидимую преграду, напоминающую туго натянутый батут.

Пока Макар исследовал незримую границу, на тротуаре появилась парочка влюбленных. Они шли, тесно обнявшись, и время от времени останавливались для поцелуя.

Макар закричал:

— Спасите! Помогите!

Влюбленные непонимающе огляделась, и как бы Макар не махал руками, его не замечали. Поднявшийся вдруг ветер швырнул молодым людям в лицо пыль и заставил

закашляться.

— Пожалуйста, позвоните в полицию! Меня похитили! — Макар не терял надежды, но грянул гром и его слова потонули в раскате. Следом хлынул ливень, и влюбленные, спрятавшись под джинсовую куртку, которую спешно стянул с себя парень, побежали на другую сторону дороги, где на их счастье притормозило такси.

Даже сквозь пелену дождя Макар разглядел, с какой ненавистью на него посмотрел таксист.

— Ох, и достанется тебе от Хоча, — голос Бай — юрна заставил вздрогнуть. — Он целый день занимался доставкой продуктов для Заставы, вымотался, только лег спать, а тут ты со своим «Спасите — помогите!».

— Но люди слышали меня! — Макар сжал кулаки. Его тело потряхивало от злости. Только что ему почти удалось докричаться до людей, и вот все рухнуло.

— Тише, тише, Макарка. Чего ты так разволновался? — Кот похлопал по плечу студента.

— Вы меня не остановите! — Макар сделал шаг в сторону, не желая, чтобы к нему прикасался Бай — юрн. — Рано или поздно я добьюсь своего и передам с кем —нибудь из землян сообщение на волю. Неужели вам самому никогда не хотелось покинуть Междумирье, вернуться туда, где вас ждут и любят?

— Эх, Птичка! — Кот приобнял Макара и закрыл глаза. Он с удовольствием вдохнул запах дождя. — Никого из тех, кто знал меня, уже нет в живых. Для кота я слишком долго живу. А по поводу твоих надежд скажу так: для человека, попавшего в кафе с Пскопской стороны и узнавшего, что здесь происходит, не существует иного выхода, кроме как стать пограничником на Заставе или перейти с одним из Йеллопухцев в его мир. Все просто. Такой судьбы ты хотел той влюбленной паре, а, Капец — времени ловец? Тогда, давай, кричи. Можешь сутками караулить полицейского, но я тебя уверяю, Хочь — Убей найдет способ от него избавиться. Застава не даст тайне о ее существовании выйти на Пскопскую сторону.

Макар молча смотрел на затихающий дождь. Не смотря ни на что, он верил, что сумеет выбраться на свободу. Он просто обязан вернуться домой. Там его ждет мама.

Студент тряхнул плечом, скидывая лапу Бай — Юрна.

— Я не хочу тебя пугать, — тихо произнес кот, видя, как упрямо сжались губы Птички, — но для Заставы мы не бессмертны. Она быстро укротит любой бунт. Спроси у Окси, где тот военный, которого она позвала на помощь? То, что Хочь — Убей сделал с вооруженным мужчиной, надолго у нашей розовой пантеры отбило охоту кричать, стоя у двери в кафе.

— Кто такой Хочь — Убей? — Макар хотел знать, кого следует опасаться.

— Водитель, снабженец, свой среди чужих, чужой среди своих...

— Нет, я о его... расе, — студент не мог подобрать нужного слова, слабо ориентируясь в йеллопухском делении на виды.

— А, метаморф. Не слышал? — Кот удивленно посмотрел на Макара. — Фэнтези не читаешь? Метаморф — это существо, способное принять любой облик. Каждая Застава старается занять собственного Хочь — Убея. Вот, к примеру, почему мы не боимся, что полиция будет искать Макара Птичку здесь? Ведь столько людей видело, как Исида и Галатhea посадили раненного юношу в машину. Да потому, что весь остаток дня Макар Птичка тусил в одной из новомодных забегаловок. Правда, никто не вспомнил бы, куда он

делся с последним боем курантов. Вместо туфельки хочубеевская Золушка оставила в забегаловке твой студенческий билет. И где тебя будут искать, Макарка? Здесь или там?

Макар немного помолчал, переваривая услышанное.

— Я не верю, что отсюда нельзя выйти, — студент упрямо мотнул головой. — Не сходитесь. Вы только что утверждали, что все мы пленники, но Хочь спокойно расхаживает по городу, и те две дамы тоже подобрали меня не на соседнем перекрестке.

— Так они сильные ведьмы, где хотят, там и ходят. Застава уважает творящих магию. Ее обладатели у нее в фаворе. А Хочу выдан браслет, который позволяет на время покинуть Междумирье.

Макар повернул голову к коту. «Браслет, выпускающий на свободу, пусть и не навсегда?» — он запомнит важную информацию.

— И не советую тебе необдуманными поступками злить метаморфа. Он не предложит жилетку для соплей, он любого бунтовщика взглядом сотрет. Для него спокойствие Заставы превыше всего. И для особо мечтательных особ — браслет с Хоча можно снять, только отрубив ему руку. А уж этого он никогда не допустит.

По тому, как у кота на загривке встала дыбом шерсть, Макар сообразил, что уже злит его, поэтому постарался увести разговор в другое русло.

— А как Хочь так быстро оказался на улице?

— Ну ты, Птичка, даешь! — Кот откликнулся нарочито дружелюбно. — Включи мозги. Хочь — Убей — водитель, а значит...

— Есть гараж...

— Молодец. Когда обживешься на Заставе, поймешь, что здесь не все так плохо. Что ты видел? Предел, пару комнат, кухню и порталный коридор — это ее малая часть. Как —нибудь я покажу тебе сад, который цветет зимой и летом, водопад с небольшим озером, где можно вволю наплаваться. Если Хочь не сильно рассердился, он покажет свою гордость — гараж, где собраны машины со всех миров. У него даже есть единорог из Феячного королевства.

Кот протянул лапу и закрыл входную дверь. Дождь кончился, и проезжающие машины грозились окатить стоящих на пороге брызгами.

Раньше Макар твердо знал, что выше только небо и таинственный космос, где возможно есть иная жизнь. Теперь его уверенность в правильности мироздания разрушила чертовщина, творящаяся за стенами обыкновенного с виду кафе. Йеллопухцы награждены привилегией мотаться туда — сюда без зазрения совести, а Пскопские получают билет лишь в один конец. Чертова Застава хранит свой секрет от землян только потому, что их считают отсталыми.

Макару стало обидно за свой мир. Чем гоблинские мордовороты заслужили право приходить на Землю и похищать тех, кто сдуру согласился уйти с ними? Выходит, дело только в том, что они обладают магией? Ведь как легко накинули на себя личину английских аристократов! В театр им, видите ли, захотелось.

Макар прижал пальцы ко рту, боялся вслух произнести то, что внезапно пришло в голову: он — Ловец времени, а значит, тоже немного маг. Его магия — и есть ключ к свободе?

У Макара от такого открытия закружилась голова. Ему бы только разобраться, как работает дар...

И опять студенту не дали обдумать важную мысль. В порталном коридоре кто — то

громко взвизгнул.

— Что там происходит? — Макар поднял на кота измученные глаза.

— К нам пришли с надеждой, — Бай — юрн перегнулся через барную стойку и вытащил початую бутылку с молочным ликером. Подцепив фужер для мартини, он аккуратно налил сладко пахнущую жидкость и принялся лакать.

— И? — Макар сел рядом на высокий стульчик.

Бай — юрн ответил лишь тогда, когда вылакал весь ликер. Он предложил и Макару, поболтав у того перед носом бутылкой, но студент отказался. У него и так с головой не все в порядке.

— Исида против.

— Я ничего не понимаю.

— Вот и Гугл не понял, чего они приперлись. Он так и спросил, разве кто — nibудь из гостей видит надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий»? И потребовал забрать ее назад.

— Боже! — Макар опустил голову к стойке и несколько раз стукнулся об нее лбом. — Я точно с ума сойду...

— Чего вдруг? — удивился кот. — Для Заставы привычное дело Пскопских назад принимать. Некоторые попаданки не приживаются на Йеллопухской стороне. Только за последние полгода нам вернули троих. Оптом, так сказать. Сначала вампиры притащили Петру, потом демон обманом подсунил Окси, теперь вот — сдали Надежду.

— Ах, Надежду...

— Надоели эти попаданки, — кот вздохнул. — Наслушаются сказок и ломаются в магические академии. Только их там и ждали. Местных красавиц хватает, что по ректору — декану сохнут, а тут какая — nibудь мышшь серая или такая как Окси вдруг возомнят себя необыкновенными и начинают на нервах у местных играть. Вот студентки из Эльфийского княжества и не выдержали. Исида с ними уже битый час разбирается, пытается назад мешок выпихнуть.

— Какой мешок?

— С Надеждой. Они ее в мешок засунули, чтобы удобнее везти было. Их Магическая академия, ох, как далеко от Заставы. Намучились, бедняги. Если Исида докажет, что они действуют незаконно, придется им этот мешок назад тащить.

Когда Макар с пошатывающимся котом наконец явились, то в порталном коридоре кроме гнома, Исиды и мешка у их ног, никого не застали. На стене медленно таяла тень резной двери. В воздухе пахло розами и летали бабочки.

— Оставили — таки! — крикнул от досады Бай — юрн, хлопнув лапами по бокам.

— А ты уже налакался, как я погляжу? — гном наклонился над мешком, пытаясь развязать тугой узел. — Тебе ведь придется девицу успокаивать.

— Для начала мы ее мыслеграмму посмотрим, — Исида стояла, сложив руки на груди. Она была явно расстроена неудачными переговорами. — Мало ли кого нам подкинули. Заметив Макара, Гугл махнул ему рукой.

— Иди — ка сюда, голубок. Ты у нас теперь спец по развязыванию узлов. Давай.

Макар дал.

В мешке сидела заплаканная девушка. Смятое платье, босые ноги, свалявшиеся неопределенного цвета волосы, чумазое лицо.

— Ну, здравствуй, Надюша, — Бай — юрн поприветствовал попаданку сладким

голосом.

Надюша икнула. Медленно поднялась. Рассеянно посмотрела на кота, потом перевела взгляд на гнома и потеряла сознание.

Макар едва успел ее подхватить.

— Несите ее в смотровую, — бросила через плечо Исида и пошла к лестнице, ведущей на Предел. Ее совсем не удивило, с чего бы попаданке, не впервые видящей Йеллопухцев, падать в обморок. Макар заподозрил действие магии. Гном и кот двинулись следом за Исидой, не обращая внимания на Макара, пытающегося удержать сползающую по нему девушку.

— Ага. Значит, всю надежду возложили на меня, — вздохнул студент и перехватил новенькую поудобнее.

Глава 5. Окси в постели у Макара. Гадание по усам

Хочь — Убея

Как только Макар оставил Надежду в комнате, где не так давно вела трансляцию чайная ложечка, он был выпровожен котом за дверь. Оглянувшись, студент успел заметить, как Исида вытащила из резной шкапулки браслет и, дунув на него, водрузила вещицу, ставшую похожей на обруч, на голову девушки. В воздухе поплыло изображение замка, увитого зеленым плющом.

Больше Макару ничего не удалось разглядеть, так как перед его носом мягко закрылась дверь.

Оставшись в зале с шахматным полом в одиночестве, студент обвел взглядом двери, гадая, за какой из них находится его комната.

«Придется читать все надписи», — вздохнул Макар и по привычке взъерошил волосы. День оказался слишком длинным, хотелось лечь и забыться во сне. Измученным мозгам определенно требовался покой.

От прогулки по Пределу студента отвлек звук тяжелых шагов. Кто — то медленно спускался с верхнего этажа. У Макара засосало под ложечкой. Кого еще явит ему Застава?

Он ожидал увидеть какого угодно монстра, но не Крошку Пиу. Девочка — тростиночка шла по лестнице, почти не видя куда ступает, так как прижимала к животу огромную книгу. Фолиант все время сползал, и Дюймовочке приходилось останавливаться и подталкивать острой коленкой книгу наверх.

— Давай помогу, — Макар подбежал к Пиу, удивляясь, как та вообще могла передвигаться с такой тяжестью.

— Спасибо тебе, Макар, — выдохнула Пиу, потирая руки. — Гугл совсем забыл обо мне. Я понимаю, смотреть мыслеграмму новенькой куда интереснее, чем таскаться со мной.

— Ты зови меня, я всегда готов помочь. Делать мне все равно нечего.

— На Заставе всем занятие найдется, — успокоила Макара Крошка Пиу. Ее большие глаза как никогда были серьезны. — Здесь случайных жителей нет. Каждый несет какую — нибудь миссию. Порой неведомую нам самим. Придет и твой час, Ловец времени.

Макар впервые держал крошкину книгу и ощущения ему не нравились. Стоило дотронуться до потемневшей от времени обложки (она выглядела как загрубевшая, потрескавшаяся кожа), как в душе поселилась тревога, ожидание чего — то страшного, непоправимого. Словно в руках находился не фолиант, а какое — то древнее существо, которому тоже было неприятно, что к нему прикасаются.

«Скоро я стану параноиком. Пора завязывать пугаться», — одернул себя Макар, но передал фолиант с рук на руки с нескрываемым облегчением. Ему даже показалось, что его ладони горят, как будто бы книга сильно нагрелась. Но Гугл, перехватывая книгу, даже не поморщился.

Пока Крошка Пиу проходила в комнату, Макар успел заметить на развернутой в воздухе полупрозрачной картинке мужчину в черной мантии и девушку, на которой почти не осталось одежды. Эти двое страстно целовались.

В этот раз дверь захлопнулась перед Макаром резко, словно дала ему пощечину.

В том, что эти двое любят друг друга, можно было не сомневаться. Глаза мужчины говорили о многом. Он обожал ту, что отдавалась его страсти.

Макар так и брел по дуге зала, забыв, что надо читать надписи на дверях, настолько его взволновало увиденное.

— Ловец, куда потащился? Тебе налево!

Студент даже не понял, кто его окликнул, но послушно повернулся и пошел в противоположную сторону. Минувя лестницу, ведущую наверх, нашел свою дверь.

Не раздеваясь, рухнул на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Люстра, вспыхнувшая всеми огнями, как только Макар вошел, медленно погасла, погрузив комнату в темноту. И лишь рогатый месяц с любопытством заглядывал в форточку, да какая — то пичуга в тиши выводила ночную серенаду. Мир за окном казался таким нормальным.

***

Макар лежал на кровати и смотрел, как солнечные лучи мечутся по стене. Свежий ветер поднимал занавески и доносил с улицы шум просыпающегося города. Среди гула автомобильного потока слышалось чириканье воробьев. Где — то недалеко били церковные колокола.

Макар вздохнул и повернулся на бок. Если бы не этот плетеный шкаф и кресло, которые вчера (или позавчера?) Застава сотворила на его глазах, он мог бы подумать, что находится дома, до того были знакомы несущиеся из окна звуки.

Неужели Застава старается, чтобы ему было не так тоскливо, чтобы в новой жизни остались хоть какие — то признаки старой? Ведь кровать именно такая, как Макару нравится: широкая, с жестким матрасом. А за окном...

За окном цвел их с мамой палисад. Вон, посаженные ею ирисы, на груше висят еще незрелые плоды, которые пожелтеют лишь к концу лета. Ветер играет в высокой траве, трогая ее невидимой лапой, в воздухе витают яркие ароматы лета.

Все так реально...

— Грушевич! Грушевич! — позвал Макар и не поверил своим глазам — его пес метнулся откуда — то со стороны калитки к окну, встал на задние лапы и весело залаял, приветствуя хозяина. Лохматый хвост ходил ходуном.

— Груше — е-евич! — Макар перевесился через подоконник, чтобы дотянуться до головы собаки, но уперся лбом в невидимую преграду. А Грушевич, гавкнув еще несколько раз, убежал.

Макар опять позвал собаку, но небольшая сценка появления Грушевича повторилась с точностью до деталей, как будто хозяин пса смотрел один и тот же отрывок любительской съемки.

— Мама! — решился крикнуть Макар. Сердце в ожидании забилося так сильно, что он положил ладонь на грудь, желая удержать его. Хотя и понимал, что Застава насылает иллюзию, но так желал обмануться.

Но нет, мама не появилась. Лишь собака откликнулась всякий раз, стоило свистнуть. Вскоре это занятие Макару надоело, и он опять вернулся к размышлениям.

А что еще оставалось делать?

По всему выходило, что Застава — живое магическое существо, умеющее потакать желаниям своих узников. Но Макару все равно было странно, что пленники Междумирья не ропщут и не ищут путей освободиться. Неужели всех все устраивает? После вчерашнего разговора с котом, стало понятно, что Бай — юрн потерял связь со своим миром, и боится возвращаться туда, где все изменилось. Он слишком долго живет...

Бессмертие — дар Заставы. Не в этом ли приманка и утешение, для тех, кто перешагнул

Предел?

Но долголетие в тюрьме — есть ли на свете худшее наказание?

Если еще вчера Междумирье напоминало Макару дурку, то с появлением Хочь — Убея — ревностного стража интересов Заставы и, как намекал Бай — юрн, штатного палача, все стало гораздо сложнее и страшнее. Прямой бунт невозможен. Нужно действовать тихо. Слушать, запоминать, прикинуться смирившимся, усыпить бдительность Заставы, но искать выход из плена.

«Застава живет на Земле более тысячи лет». Из этой простой фразы Макар выделил два важных факта. Первый: Застава не всегда паразитировала на его мире, а значит, кто — то или что — то поселило ее здесь. Если понять, что произошло охренеть сколько лет тому назад, то, возможно, найдется ответ, как можно выселить хищницу. И второй факт: Застава «живет». А всему живому свойственно умирать. Если не удастся «выселить» Заставу, то нужно будет найти способ ее убить. Бай — юрн подчеркивал, что жители Заставы хоть и условно бессмертны, но погибают от фатального ранения. Может быть, и у Заставы есть своя игла, на конце которой находится смерть — на ум пришло подходящее сравнение с еще одним «бессмертным».

Макар усмехнулся. Ну что же. Раз его не хотят выпустить на волю добровольно, он будет искать у Заставы яйца. Или что там еще было у Кошечя? «И тогда посмотрим, кто кого».

Обследовав помещение, Макар обнаружил небольшую душевую комнату с привычным унитазом, и тут же воспользовался благами цивилизации. Обмотав после купания бедра полотенцем, студент с сомнением осмотрел свою одежду, повертел в руках ненужный сотовый телефон. Бай — юрн уже предупредил, что Пскопская связь на Заставе не работает. Вспомнив, что в комнате есть шкаф, направился к нему.

Полки порадовали наличием нескольких пар спортивных штанов, джинсами и майками без всякого рисунка, как Макар любил. На плечиках во втором отделении висели рубашки и деловой костюм. Макар рассеянно оглядел свой гардероб, соображая, для чего ему может понадобиться шикарная тройка с жилетом.

— Скажи спасибо Хочь — Убею, — голос Окси донесся от входной двери. — Что — что, а одежду он выбирать умеет. Привезет, какую захочешь, хоть брендовую.

Макар от неожиданности закрутился белкой, ища скинутое полотенце.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он, одной рукой придерживая сползающее полотенце, другой вытаскивая первые попавшиеся треники. Его уши пылали.

— А попка у тебя ничего такая.

Наглости девицы не было предела. Она прошла в комнату и бесцеремонно села на кровать. Сложив ногу на ногу, Окси покачивала туфелькой без задника, удерживающейся лишь на кончиках пальцев.

— Но ты не бойся, — донеслось уже из — за двери — Макар закрылся в душевой и быстро натягивал штаны. — Мне Пскопской не нужен, я принца жду. Они через Заставу табунами ходят.

Когда Макар, собрав грязные вещи, вышел, по его фигуре пополз оценивающий взгляд Окси.

— Разве что для тела могу себе позволить, — она привычно сдула упавшую на глаза прядь и облизала губы. Макар, не желая того, заметил, что Окси была без бюстгалтера. На лице нежданной гостьи появилась понимающая улыбка, а у Макара загорелись не только уши. Чтобы скрыть смущение, он отвернулся к шкафу и торопливо натянул майку.

— Где можно постирать вещи? — спросил он.

— Бугеру отдай, он утилизирует. Застава не скупится на одежду и еду. Она, можно сказать, щедрая, главное ее не злить. Иначе тоже в подвале окажешься, — Окси протяжно вздохнула. — И за что наказали? Не дают красивой девушке расслабиться. А тело молодое ласки требует.

Окси легла на кровать и, закинув вверх руки, потянулась. Короткая юбка поднялась выше. Макар впервые пожалел, что любимые розовые штаны Окси остались у гоблинского принца.

— На Хочь — Убея без слез взглянуть нельзя, — продолжила делиться Окси. — Вечно какие — то странные образы принимает. Вот я его и уговаривала хоть на полчаса Сапфиром стать. Повеселились бы. И ему приятно, и мне. Так нет, заупрямился... А Застава поступила как ревнивая жена, быстро опустила соперницу. В подвал.

— У нее с Хочем такая тесная связь?

— У Заставы со всеми тесная связь. Приноси ей пользу, будь паинькой — и жить тебе в шоколаде. А я вот никогда не была послушной девочкой, мне хочется фейерверка, страсти, чтобы жизнь кипела. Но она не может мне дать этого. Или не хочет. Как сказал гном, я не ценное приобретение Заставы, а потому максимум какая от меня польза — прислуживать в кафе. Но я и этому рада. Лучше там, где постоянно шастают проходимцы, чем убираться в комнате у того же Бугера. Замучаешься каменную крошку выметать.

— Ты не хотела бы вернуться в наш мир?

— А что я там потеряла? Вернуться на пыльный склад кирпичного завода? Там нормального мужика днем с огнем не найдешь. Одна алкашня. А на Заставе я неувядающий цветочек — не нужно бояться, что время просвистит мимо.

— Окси, извини, что прерываю, но ты зачем пришла? — Макар в десятый раз переключал вещи с полки на полку, создавая видимость занятости, лишь бы не смотреть на девушку, принимающую нелепые соблазнительные позы.

— Ах, да! — Окси резво поднялась. — Я так поняла, вчера на Пределе новенькая появилась? Ночью Застава как лихорадочная тряслась, комнатку ей сооружая.

— Странно, я ничего не почувствовал, — Макар повернулся к Окси. — Спал как убитый.

— Какая она, новенькая? Красивая? — Окси вся подалась вперед. — Хотя нет, — девушка скривила рот. — Была бы красивой, ее бы не вернули. На Заставу только страшненьких возвращают, таких как Петра, остальные своих принцев находят. Ой, не смотри на меня так, словно я тоже неудачница.

Макар опустил глаза. Он вовсе не думал о неудачницах и удачницах, он размышлял, как бы ему перевести разговор на Хоча. Хотелось бы узнать, что метаморф сделал с тем военным, что по зову Окси оказался на Заставе.

Но блондинка продолжала песню о себе прекрасной и спешащем к ней принце.

— Если ты думаешь, что меня тоже вернули, то сильно ошибаешься. Мы с моим рогатиком просто разминулись. Портал не вовремя закрылся, он не успел следом за мной проскочить. Мы же шли у родной Заставы благословение получить — так у демонов принято, раз отца — матери у меня нет. Вот увидишь, когда наши миры еще раз соприкоснутся, мой жених с той стороны дверей будет на коленях стоять и обручальное кольцо в зубах держать.

— Что — то я не понял, к чему тогда все разговоры о принцах? И почему вчера в

Гобляндию собралась, раз у тебя жених есть?

— Ой, и не вспоминай! — Окси манерно махнула рукой. — Осечка вышла. Я же думала, что на принца своего рогатика меняю, а оказалось... Шильного на мыльного. Я для себя так решила: пока мой демон ждет соприкосновения наших миров, попытаю счастья. Найду более подходящую кандидатуру — поминай, как звали, а нет — выйду замуж за рогатика. Он тоже ничего. Богатый.

Она опять заинтересованно посмотрела на Макара, облизала взглядом каждую мышцу.

— Я бы и с тобой не прочь закрутить, но жаль не принц ты, Птичка, не принц. А у меня ПРИНЦЫПЫ. — Окси пальцами показала кавычки в нужном месте. — Мне наших Пскопски за глаза на Земле хватило.

Макар скрестил на груди руки, прикрываясь от задумчивого взгляда девушки.

— Скажи, Окси, кто такой Хочь — Убей? Я понял, ты с ним близко знакома.

— Угу. Выпивали вместе. Станный мужик. Весь из себя противоречивый. То добрый, то злой. Но я уже научилась угадывать его настроение. По усам. Какой бы Хочь образ не выбрал, всегда предпочитает, чтобы у него были усы. Так вот, если они вверх закручиваются — он мировой парень. Если висят — лучше на глаза не попадаться.

Макар припомнил, что у таксиста усы свисали до самой шеи как у дореволюционного украинского хлопца.

— Значит, с ним сегодня лучше не встречаться, — задумчиво произнес студент.

— Тебя тоже у двери застукали? — хмыкнула Окси. — Ты не оригинален. Но только я удостоилась ружейной канонады. Наверное, тебе уже рассказали повесть о настоящем полковнике? Котьяра любит нравоучения читать.

— Хочь убил его?

— Пф — ф-ф, лучше бы убил. В психушке наш спаситель Рапунцель. Увидел говорящего кошака и начал с перепугу палить. Застава сразу поняла, что нам такой постоялец не нужен, вот метаморф и постарался. Всего лишь пару слов мужику на ухо шепнул, а тот слюни как дитя пускать начал. С тех пор я стараюсь не нарываться, боюсь услышать эти заветные слова.

Окси выгнула спину, потянулась, а потом похлопала по постели.

— Макарушка, а ты чего стоишь как неродной? Садись рядом, не покусаю, — но взгляд Окси говорил об обратном.

— Я пойду, меня, наверное, на кухне Гугл ждет.

— Ой, я тебя умоляю! — Окси закатила глаза. — Какой гном? С утра на кухне Петрушка с Мурзилкой командуют. А Гугл в это время инфу собирает. Так он, кажись, выражается, когда летописи Заставы штудирует. Я бы тоже хотела посмотреть, что эта маленькая какашка в них про меня записала.

— Ты о Крошке Пиу?

— О ней. О мерзавке. Это с виду она девочка — одуванчик. Вроде ничего такого не делает — калякает рисуночки да номер присваивает. А ты попробуй, приложи ладонь к тому рисуночку. Он тебе такое выдаст!

— Как это?

— Я случайно узнала. Когда меня на Заставу занесло, Крошка Пиу, как здесь водится, начала мой портрет рисовать. Мне захотелось посмотреть, вдруг она меня уродиной изображает? А эта козявка ладошкой мазню свою прикрывает и книгу отодвинуть пытается. Ага. Не на ту нарвалась. Я грассбух рукой к столу прижала, а сама на Пиу, прищуриив глаза, смотрю. Нечего, мол, со мной в гляделки играть. Я таких сопливых еще в детстве

обыгрывала. И тут меня как будто токомшибануло, а в голове живые картинки появились о жизни какой — то неудачницы. Отдернула я ладонь, когда Пиу противно так заверещала, глядь, а на той странице наша Петрушка нарисована. Прикинь, оказывается, ее по ошибке похитили! В катафалк засунули и в гробу на Заставу принесли. Сказали, что эта дева — невеста властителя Царства Вечной Тьмы, и кровью написанное письмо показали, что спящая красавица дала свое согласие на перемещение и брак.

— Наврали?

— А черт их знает! Формально согласие перейти в иной мир было. Но самое смешное, что как только их царек Петрушку узрел, его чуть не своротило. Он даже отказался к ней прикасаться, не говоря уж о том, чтобы кровушки испить. Ты же знаешь этих вампирюг — все красавцы холеные. И вот когда такой весь из себя эстет рожу кривит, поневоле первый комплекс неполноценности заработаешь. Но то было только начало. Второй удар Петрушка получила, когда ее стали передаривать чинам все ниже и ниже. Никто не хотел ее у себя оставлять. Последний — начальник стражи, решил пустить Петру по кругу. Так они привыкли пить на вечеринках. Типа из горла. Как бутылку передавая друг другу. Мало страшна Петра как моя жизнь, так еще и кровь у нее оказалась не очень вкусной. Каждый смог сделать лишь по паре глотков. Как у нас говорят «не — е-е — е, я столько не выпью». А к утру зареванная Петра обнаружила, что все, кто хлебнул ее кровушки — мертвы. С перепуга побежала, куда глаза глядят. Плутала по замку, пряталась. Поймали. А когда поняли в чем дело, даже убивать побрезговали. Это еще больше ее унизило. Их царек так и заявил: «Не хочу марать руки об эту гадюку». Велели одному из слуг сдать ее на Заставу. Так он ее всю дорогу вел за конем на привязи, как собаку. А Петрушка...

— Хватит. Прекрати.

— А что я такого сказала?

— Неужели не понимаешь?

— Что, пожалел несчастную? А чего ее жалеть? Была бы посимпатичней, давно бы в земле лежала, а так хоть жива осталась. Уродство спасет мир — это про нашу Петру.

— Уходи.

— Ой, ой, какие мы нежные. Не очень — то и хотелось лясы с тобой точить. Лучше уж с Бугером трепаться. Все веселей.

Окси встала с кровати, одернула юбку и, смерив на прощание презрительным взглядом, вышла из комнаты. Макар жалел, что не прекратил их разговор раньше. Захотелось еще раз почистить зубы.

Стоя над раковиной и полоща рот, Макар поймал себя на мысли, что ему симпатична Петра. И совсем не нравится Окси.

Глава 6. О самоварах, розовых пони и поверженных метаморфах

— А, Макарушка! Иди к нам!

Гугл сидел в кафе за длинным столом в разношерстной компании пограничников, среди которых находились совсем незнакомые Макару. На приветствие студента все дружно повернули в его сторону улыбающиеся лица, морды и хари.

На столе в центре композиции из блюд с пирожками и блинами, вазочками с вареньем, медом и сметаной стоял пузатый самовар. Наличие раритета вкупе с хромовым сапогом в руках гнома несколько озадачили Макара. Благодаря старым фильмам он имел представление, как с помощью этой мужской обуви можно раскочегарить угли в тесном нутре самовара. Но откуда об этом знали на Заставе? Уж где — где, а в Междумирье допотопный агрегат казался чудом. «А чему удивляться? — хмыкнул Макар. — Если хорошенько подумать, то за сотни лет на Заставе спокойно могли прижиться и скатерть — самобранка, и печь — самоходка. Да и говорящая емелина щука после кота Бай — юрна уже не показалась бы сказочной».

Макар сел на стул, по которому похлопал широкой ладонью гном. Тут же перед студентом появилась тарелка, которую принесла Петра. Девушка ловко свернула блины, уложив их рядком, и придвинула вазочку с клубничным вареньем. Макар поднял на нее глаза.

— Спасибо, Петра! — Макару после всего, что он услышал о судьбе попаданки, хотелось ее поддержать. И пусть он совсем не любил клубничное варенье, все же полил им блины. — М — м-м, вкусно. Сама пекла?

Петра быстро кивнула, и на ее щеках заиграл румянец смущения.

Мурила, сидящая напротив, протянула Макару граненый стакан в кружевном подстаканнике, наполненный ароматным чаем.

— А я люблю пить чай из блюдца и вприкуску, — гном положил на язык кусочек сахара и шумно отхлебнул из блюдца, которое держал на четырех растопыренных пальцах. — Так кипяток быстрее остывает.

— Этому нас первые Пскопские научили, — Крошка Пиу ложечкой мешала чай с молоком. — И самовар мы у них прикупили. Зачем он им на Йеллопукской стороне?

— Туда ушли?

— Да. Лучшей доли искать. Тогда на Руси жизнь и гроша ломанного не стоила, вот мы и подобрали им более — менее подходящий мир. Они потом на соприкосновение не раз приходили.

— Наверное, ностальгия по родной сторонке мучила, — Гугл вытер вспотевший лоб клетчатый платком. — Но против правил не попрешь.

— Мы их чайком с их же самовара угощали, о житье говорили, песни русские вместе пели, — Пиу откусила пирожок и печально вздохнула. — И вместе плакали. Хорошие дяденьки были. Лошадку мне смастерили. Она до сих пор целая, правда, скрипит, когда я на ней качаюсь.

Послышался камнепад и Макар, наклонившись вперед, заметил, что в конце стола скалой возвышается Бугер. Студент кивнул ему в знак приветствия.

— Ты чего? — удивился гном. — Бугер же спиной стоит. Он нам демонстрирует свои

наколки. Смотри, там и Пскопские отметились.

И действительно, приглядевшись, Макар заметил корявую надпись «Здесь был Вася». Чуть ниже красовалось сердце, пронзенное стрелой и арифметическое выражение, $A+B=L$, содержащее лишь одну известную Макару букву. Под второй, видимо, подразумевался тот самый Вася.

— Это, Макар, ритуал у нас такой, — Пиу аккуратно собрала с передника крошки и стряхнула их на салфетку. — Если кто из наших влюбится в Йеллопухца и решит уйти с ним, то Бугер позволяет на себе выцарапать надпись. Влюбленные верят, что после этого обязательно будут счастливы.

Рассматривая сидящих за столом, Макар остановил взгляд на девушке, в которой признал возвращенную Надежду. Выглядела она чуть лучше, чем вчера. Во всяком случае, уже не была лохматой и чумазой, но лицо хранило следы пролитых слез: глаза покраснели, нос припух. Надя так и не притронулась к еде, лишь крутила в тонких пальцах чайную ложечку, задумчиво уставившись в одну точку.

Макар вспомнил мыслеграмму, где Надежда целовалась с мужчиной в мантии. Сейчас перед ним сидела совсем иная женщина: та полыхала огнем любви, а эта была задутой свечой.

— Надюша, выпей хотя бы чай. Он уже остыл, — прекрасный голос Мурилы выдернул новенькую из того мира, где она пропадала. Надежда растерянно подняла глаза и взяла протянутую чашку. Пригубила ее, сделала пару глотков и отставила. И опять ложечка завертелась в пальцах, выдавая навязчивые думы хозяйки.

Гном что — то говорил, пихал плечом Макара, но тот не слышал. Для него вселенная сошлась в одной точке.

Новенькая не была красавицей — в толпе на такую сразу внимание не обратишь. Но какие у нее оказались замечательные глаза! Пусть сейчас ресницы слиплись от набегающих слез, веки покраснели, но это только подчеркивало изумительный темно — серый цвет и хрустальную ясность глаз.

— Да, жалко девчонку, — вздохнул гном, и Макар, наконец, очнулся. — Напрасно страдает бедняга. И ничего поделать нельзя. Ректор Эльфийской магической академии никогда не узнает, куда делась его любимая студентка. А эти заразы уж постараются, чтобы он забыл о попаданке.

— А может, он придет за ней на Заставу? — Макар вспомнил Окси, которая ждала появления своего рогатика. — В следующее соприкосновение.

— Не в интересах соперниц дорожку ректору указывать, — гном внимательно посмотрел на застывшую в своем горе девушку. — Да и с этим княжеством соприкосновения весьма редки. Полгода ждать придется. А за это время всякое произойти может. Так что нашей Надежде лучше не тешить себя надеждой.

— Я бы такую и год подождал, — задумавшись, вслух произнес Макар. Гугл сделал вид, что ничего не услышал, хотя его глаза озорно сверкнули.

— Бугер, а у тебя на спине найдется местечко для еще одной любовной формулы? Вдруг и мне посчастливится?

Валун с грохотом повернулся другой стороной, на ней раскрылась тонкая щель, и послышался рокот, отдаленно похожий на смех.

— На груди, говоришь, места навалом? — понял гном. — Ты, Бугер, грудь — то побереги. Она хоть и широкая, но нашим только подставь, всякие похабные словечки

напишут. Забей для меня кусок в пару ладоней. Очень прошу.

Надя низко опустила голову и на скатерть упала крупная слеза. Брови на лице гнома сошлись в одну линию.

— Так, девоньки! — скомандовал он, поймав за руку Петру, которая тянулась, чтобы забрать грязную тарелку. — Сводите — ка новеньких в наш сад. Там сейчас птички чирикают, солнышко припекает, цветы медом пахнут. А посуду другие соберут. Вон, Окси, например.

— Я не могу, у меня лак еще не высох! — Появившаяся в кафе Окси демонстративно подула на покрашенные под цвет красной помады ногти. — Я лучше тоже птичек послушаю.

— Стоять! — Гном успел схватить ее за край юбки. — Выбери: сейчас моешь посуду или вечером прислуживаешь вервульфам.

Окси поморщилась, но направилась на кухню с подносом грязных тарелок, который ей тут же сунули в руки.

— А что не так с вервульфами? — спросил Макар, следуя за Петрой, на ходу снимающей с себя фартук.

— Все так. Хорошие ребята. Они приходят поиграть в футбол с Пскопскими. Просто Окси им однажды нахамила — заявила, что от них псиной пахнет. А вервульфы сравнения с собаками не прощают. Их насилу Сапфир отогнал, когда они Окси покусать грозились. Весь бар перебили.

У выхода из кафе к ним присоединились Мурила с безучастной Надеждой.

— С Оксаной рядом и так непросто жить, а если бы она еще оборотнем стала? — приятный голос Мурилы буквально обволакивал. — С собой бы ее вервульфы не взяли, у них трепетные отношения с парами — любовь раз и навсегда, а Заставе пришлось бы новообращенную на цепь посадить.

— Когда Окси объяснили, чем она рисковала, то она поклялась и на шаг к оборотням не приближаться.

— А у повара появился строгий ошейник, — глаза Мурилы потеплели, и Макар понял, что она улыбается. — Гугл чуть что грозит ее в Вервульфию отправить, а Оксана боится.

— Наверное, это единственное, чего она боится, — Макар вспомнил, как блондинку передернуло только при упоминании об оборотнях.

— Нет, теперь добавь в ее черный список Аравай — абу. Принц через неделю заявится, свое потребует. Гоблины данное им обещание не забывают. — Петра поправила волосы, и Макар заметил, что у нее красивые руки. Длинные пальцы, тонкие запястья.

— Если так пойдет дальше, то скоро Оксана вообще в кафе выходить не будет. — Мурила взяла под локоть Надежду, которая, увлеченная своими мыслями, не заметила, что компания направилась в коридор, сворачивающий налево.

— Петра, ты сказала, что гоблины появятся на Заставе через неделю. Соприкосновения происходят по какому — то расписанию? — Макар уже не думал о взбалмошной Окси.

— Да, есть система: порталы в некоторые миры открываются чаще, в другие реже, а в такие как Эльфийское княжество — от силы раз в полгода.

Надежда всхлипнула. Макар заметил, как у нее заострились плечи, и в этот момент какая — то щемящая тоска коснулась его сердца.

Вопреки ожиданиям, что сад должен находиться где — то на открытом месте, новичков повели к лестнице, уходящей штопором вниз. Круглая лестничная шахта освещалась лишь неярким серебристым светом, льющим из кварцевых вкраплений в грубом отделочном

камне.

— Почему мы идем под землю?

Эхо, полетевшее вверх, разбавило гул шагов, но резануло по нервам. Долгий спуск и легкое сотрясение ажурной металлической лестницы тревожили. Даже Надя время от времени оглядывалась на Макара. Петра, заметив волнение новичков, остановилась, пропуская Мурилу вперед.

— Ой, простите, мне надо было сразу объяснить. Я столько раз спускалась в сад, что забыла свои первые впечатления. Застава — странное... м — м—м... существо. Здесь многое не укладывается в голове. Порой трудно понять, где верх, а где низ. Множество переходов, лестниц. Поднимаясь, вы можете попасть в мрачное подземелье, а спускаясь — очутиться под лучами жаркого солнца. Но обещаю, как только мы придем в сад, вы забудете свои страхи и тревоги.

Основание лестницы заливал солнечный свет. Стоило выйти из небольшого грота, как на путешественников обрушились волны света, звуков и запахов. Перед взором раскинулся удивительный сад: то тут, то там виднелись группы цветущих деревьев, но чаще встречались те, что радовали глаз яркостью зрелых плодов. Краснобокие яблоки, почти черная черешня, желтые груши. Вдаль уходили арочные проходы, увитые виноградной лозой, щедро плодоносящей гроздьями полупрозрачных ягод, а совсем на горизонте — куда хватало глаз, лежали поля, тоже щедро расцвеченные природными красками.

Небо казалось бездонным, но пролетающий мимо жук, испуганный взмахом руки Мурилы, взвился вверх и тут же ударился о невидимую преграду.

— Я не знаю, как это работает, но солнце кажется таким настоящим, — Петра подставила лицо под солнечные лучи и зажмурилась. Налетевший легкий ветер отбросил ее длинные волосы за спину, и на мгновение Макару показалось, что перед ним стоит чернокрылый ангел. Кожа Петры светилась, а легкая улыбка на губах делала черты мягче. Она была почти красива.

Надежда тоже очнулась. Она присела и провела ладонью по шелковистой траве, ровным ковром устилающей поляну. Девушка расстегнула сандалии и ступила босыми ногами на бархатистую зелень.

— Хорошая идея, — поддержала ее Петра и тоже скинула туфли.

Совсем недавно прошел дождь и на траве бриллиантовой россыпью блестели капли воды. Макар наклонился, поймал пальцем одну и поднес ее к лицу. Вода как вода.

— Солнце и дождь — это магия, — произнесла Мурила, предугадав вопрос Макара. — Как только саду требуется влага, тут же небесный свод затягивают тучи. Нам повезло, что дождь уже прошел.

— А мне хотелось бы побегать под дождем, — Петра широко улыбалась. Она расстегнула первые две пуговицы своего строгого платья и уже не выглядела, как монашка. Когда она наклонилась сорвать малюсенький синий цветок, едва видный среди густой травы, Макар заметил под оттопырившимся воротом безобразные шрамы от укусов, оставленных вампирами, и непроизвольно сжал кулаки.

— Почему Застава позволяет твориться злу? — и опять пронизательная Мурила поняла Макара, уловив его взгляд. — Застава не считает вампиров злом. Она воспринимает их такими, какие они есть. Если человек охотится или рыбачит, чтобы испытать удовольствие или азарт, то почему бы вампирам не отправиться на Пскопскую сторону за тем же.

Человеческая кровь для них деликатес.

— А я оказалась чем — то вроде ядовитой рыбы фугу, — грустно улыбнулась Петра, а Мурила по — дружески приобняла ее. Девушки обменялись взглядами, за которыми читался молчаливый диалог.

Они шли по саду, который вполне мог оказаться райским, такое разнообразие деревьев и кустов встречалось на пути. Прав был Гугл, отправив их сюда — постоянно находиться в закрытом помещении тяжело, и пусть небосвод оказался магическим фокусом, но свежий ветер, многоголосье птиц, созревающие фрукты и ягоды дарили чувство свободы. Макар взглянул на Надежду. Она заметно успокоилась и тоже наслаждалась прогулкой.

— Ой, смотрите! — Мурила выпростала руку из — под своего одеяния и указала куда — то вдаль.

— Единорог! — Макар впервые услышал голос Надежды. Он был по — девичьи чист и звонок. — Смотрите, единорог! Пойдемте туда!

— Хочь — Убей не разрешает подходить к нему, — предупредила Петра, но Надежда уже бежала между деревьями в сторону поляны, на которой щипал траву рогатый исполинский конь, мало напоминающий белогривых животных, чей облик так идеализирует Голливуд. Этот монстр отличался от киношных собратьев также сильно, как розовый пони Барби от злобного африканского носорога.

— Надя, остановись! — Мурила заволновалась и как — то неловко, словно никогда этого не делала, побежала следом. Она подхватила подол длинной хламиды и, боясь наступить на нее, оголила босые ступни с длинными когтями.

Черный как смоль единорог, услышав шум, резко поднял голову.

Ни минуты не сомневаясь, что чудовище растопчет новенькую, Макар припустился за ней. Он почти настиг Надежду, но та оказалась шустрее, ловко лавируя между деревьями, и буквально вырвалась из его рук.

— Надя, не смей! Не трогай его! — умоляюще закричала Мурила, видя, что та уже в шаге от коня и тянет к нему руки.

— Макар, стой! — Петра сзади вцепилась в Макара, не давая ему выйти на поляну. — Ты его еще больше разозлишь.

— Тише, мой хороший, тише, — между тем шептала единорогу Надежда, не обращая внимания на крики. Ее фигура выглядела такой хрупкой против мощи вороного коня, но новенькая вела себя как безумная, словно не единорог, а она могла нанести ему вред. — Я не сделаю тебе больно. Я только поглажу.

Единорог тряхнул черной гривой и громко заржал.

— Ну, все. Сейчас появится Хочь — Убей! — Петра расцепила объятия, в которых удерживала Макара, не позволяя подойти к волнующемуся коню. — Он грозился оторвать голову всякому, кто дотронется до Войта.

— Вы не понимаете! — Надежда обернулась, и Макар поразился изменениям, произошедшим с ней. Она вся светилась от радости. — Благодаря единорогу Дагар получит послание и придет за мной!

Девушка запустила пальцы в длинную гриву и что — то торопливо проговорила косящему на нее глаз животному.

Вдруг конь низко опустил тяжелую голову, и Надя смогла дотянуться до его рога. Она кончиками пальцев провела по его длине и счастливо засмеялась.

— Спасибо, мой хороший! — девушка чмокнула коня в нос, а он опять заржал, на этот

раз как — то ласково, игриво.

— А ну, пошла прочь! — громкий окрик ударом хлыста разрезал воздух. На поляне появился разъяренный мужчина. Его лицо искажала гримаса гнева, а кончики длинных усов от быстрого шага задувало за плечи. Надя нерешительно попятилась, беспомощно оглянувшись на оставшихся у границы поляны товарищей. Она справилась с монстром — единорогом, но хозяин явно был опаснее. Хочь, а это без сомнения был он, приближался со скоростью тарана, грозящего снести любую преграду.

— Ой, ой, ой, — тоненько запищала Мурила, отступая за деревья. Макар заметил, что и Петра сделала несколько шагов назад, готовясь бежать в любой момент. А растерявшаяся Надежда стояла на пути разъяренного мужчины, который изменялся на глазах. Он становился крупнее и уже напоминал чемпиона мира по метанию молота. Макару это сравнение пришло на ум, стоило лишь взглянуть на хочубеевские руки — кувалды.

И время остановилось.

Макар в несколько мгновений преодолел расстояние до Надежды и встал между ней и метаморфом. Он сгруппировался, готовясь к тому, что сейчас в него не хило врежутся.

Когда время с громким хлопком вернулось, лежащий Хочь, не понимая, что случилось, ошалело смотрел на Макара, потом его взгляд переместился куда — то за спину студента. К удивлению Макара удар получился не сильным, каким — то скользким, что позволило ему удержаться на ногах.

— Умница, родненький! Какой же ты хороший!

Макар самодовольно улыбнулся. Что ж, ему было приятно слышать похвалу Надежды, ведь он прикрыл ее от взбесившегося метаморфа собственной грудью. А благодарная девушка прижалась к его спине и громко фыркнула в ухо...

— Не надо, не трогай этих дяденек. Пусть подерутся, пар выпустят.

Надежда, стоя по другую сторону от единорога, ласково хлопала его по шее. Монстр легонько ткнул мордой обернувшегося Макара и, фыркнув еще раз, пошел за девушкой, как послушный пес.

— Войт, это что такое! — возмущенно закричал Хочь, поднимаясь с травы. Он взялся за протянутую Макаром руку. Его сейчас совсем не заботили разборки с людьми. Метаморфа, в одно мгновение принявшего вид субтильного очкарика с жидкими усиками, до глубины души возмутил поступок коня. — Смотри на меня, зверюга! Бодаться? И из — за кого? Бракованной попаданки?

— Сам ты бракованный, — огрызнулась Петра, видя, как единорог ластится к Надежде. — Мы — люди, плохие или хорошие, но люди. Запомни это, Хочь.

И, гордо подняв голову, пошла за Надеждой. Мурила, робко высунувшись из — за ствола дерева и оценив обстановку, тоже двинулась следом, неся в руках брошенную подругами обувь.

— Нет, Ловец, ты это видел? По плечу рогом и со всего маха! — Хочь растерянно потирал ушибленное место. — Ни одной женщине верить нельзя. Предательницы. Спелись.

Макар посмотрел вслед удаляющимся фигурам.

— И что Войт нашла в этой новенькой? — не унимался Хочь. — Всегда вела себя как зверюга, а тут на тебе...

— Войт? Вела? Простите, Войт — женщина?

— Можно и так сказать. Кобыла она.

— Ей, наверное, ласки не хватало. Какой женщине понравится, что ее называют

зверюгой?

— Да уж, — подтвердил метаморф и, прихрамывая, отправился к беседке, что возвышалась за лугом. Туда же вошли их спутницы, а Войт принялась ощипывать зелень, вьюном оплетающую ажурное строение.

Глава 7. Единорог как средство связи. Шпионские игры главнокомандующего Заставы

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что Дагар — эльфийский возлюбленный Нади, но Макара заинтересовала другая часть фразы, произнесенная новенькой: «получит послание и придет за мной».

— Хоть, скажите, единорог может исполнять желания?

— Ты веришь в такую чушь, Ловец?

— Я уже не знаю чему верить, — Макар вздохнул. Еще в детстве он смотрел сказку, где зло охотилось за рогом сказочного коня. — А послание отправить может?

— Новенькая просветила? — резко остановившись, вопросом на вопрос ответил Хоть. В его голосе слышалась не только досада. Там присутствовало едва скрываемое подозрение. Получив утвердительный кивок, Хоть прищурил глаза, а его усы заметно удлинились.

— И откуда она знает? Попаданка вроде в Эльфийском княжестве училась, а не в царстве фей. Но даже на родине единорогов феи неохотно делятся своими секретами, а уж эльфы... — Хоть рассуждал вслух, забыв о присутствии Макара.

Метаморф долго посмотрел на смеющуюся и активно жестикулирующую Надежду, которая что — то рассказывала подругам, усевшимся на широкую скамью в беседке. Макар тоже отметил, что новенькая находилась в прекрасном настроении, отличном от того плаксивого, что подвергало в уныние каждого пограничника за столом.

— И кому Надежда передала послание?

— Какому — то Дагару, — Макар намеренно произнес «какому — то», чтобы не озвучивать свои догадки. А вдруг он не прав, и вовсе не Дагар возлюбленный Надежды?

— Значит, и у ректора есть свой единорог, — Хоть в задумчивости покрутил ус. — Интересненько...

И, как будто приняв важное решение, ускорил шаг.

— Нужно срочно предупредить Исиду о возможном вторжении.

— Срочно? К чему такая спешка? — с сарказмом спросил Макар. — Как я слышал, соприкосновение с княжеством случится только через полгода. Или есть иные пути на Заставу?

Но Хоть не ответил, лишь скривил рот в усмешке, чем сильно разозлил студента.

— Хоть, мне надоело чувствовать себя дураком. Все вокруг темнят, не договаривают, но в тоже время намекают на мою исключительную миссию. Или ты открываешь мне карты, или ... — Черт. Макар не подумал, какой выставить ультиматум.

Быстро перебрав в голове возможные варианты (от голодной забастовки до харакири), решил остановиться на самом простом:

— Или я уйду с первым же Йеллопухцем.

Ну да. Так себе шантаж.

Хоть фыркнул не хуже Войт.

— Ловец, неужели ты из этих...

— С первой же Йеллопухшей.

Усы метаморфа вытянулись в струнку, а потом резко поднялись вверх, и он стал похож на Сальвадора Дали. Хорошо, что Окси предупредила, теперь Макар хотя бы знал, что своим протестом поднял Хочу настроение.

— Ладно, Ловец, спрашивай.

— Как через единорога можно передать послание? И не отделяйся словом «магия».

— Магия и есть, — метаморфа не задела горячность Макара и резкий переход на «ты». — Все дело в роге.

— Антенна что ли?

— Почти. Единороги — очень редкие животные. Чтобы суметь предупредить об опасности весь род, они развили сильную телепатическую связь между собой. Феи первые догадались, как можно ее использовать. Вот, к примеру, сегодня новенькая дотронулась до рога Войт и произнесла что — то типа: «Дагар, спаси. Я на Пскопской Заставе», и ректор, только прикоснувшись к рогу своего коня, будет знать, где искать попаданку. А раз он посвятил ее в тайну, которой пользуются лишь межмировые дипломаты и шпионы, то он точно за ней явится. А ректор, как пить дать, не просто ректор...

— Выходит, я тоже не просто Ловец, а Ух — Какой — Ловец, если теперь посвящен в тайну единорогов? Да и ты...

— Да и я не просто Кого — Хошь — Того — И-Убей. — Метаморф изменил внешность и стал похож на сталинского чекиста: коротко стриженные волосы, щеточка усов, взгляд, пронизывающий насквозь. — Мы с тобой — пограничники с особыми полномочиями. И ты, Капец, еще сыграешь свою роль в судьбе Заставы.

Макар с сомнением покачал головой, не сумев скрыть улыбку. Столько пафоса, а передача шпионских посланий происходит через рогатую кобылу.

— Значит, стоит дотронуться до Войт, и я узнаю всю межмировую секретную информацию? Как — то слабовато для диппочты.

— Без магического ключа ты ничего не узнаешь. Это специальная фраза, открывающая доступ только к своей почте.

— Пароль, что ли?

— Что ли.

Хочь сунул два пальца в рот и свистнул. Единорог заржал в ответ и галопом понесся через лужайку.

— Ты в саду остаешься или поедешь со мной? — ловко заскочив на кобылу, Хочь протянул руку Макару. Новоиспеченный чекист, не раздумывая, ухватился за нее и вскоре сидел за спиной метаморфа, моля бога, чтобы не свалиться с несущегося по полям единорога.

— А по поводу срочности скажу так, — перекрикивая ветер, произнес Хочь, — до нашей Заставы можно добраться гораздо быстрее, если не ждать соприкосновения, а прыгать по мирам.

Гараж Хочь — Убея разместился в пещере, поражающей своими размерами, наличием животных и коллекцией причудливых автомобилей.

— Теперь ты можешь представить, сколько существует миров, — Хочь спрыгнул с единорога и даже не обернулся, когда на пол хряпнулся Макар. Он впервые сел на лошадь и теперь испытывал определенные трудности. Пятая точка напоминала о себе вспышками боли, ноги не слушались.

Войт сама направилась в стойло, откуда доносился храп еще какого — то мощного животного. В глубине загона кто — то захлопал крыльями и издал гортанный птичий крик. Судя по звуку и поднятому в воздух мелкому сору, эта птичка тоже была исполинских размеров.

«Не смотреть, не смотреть, — уговаривал себя Макар, едва поспевая за Хочем. — На сегодня хватит монстров».

— И заметь, не всякий мир техногенный! — Метаморф для усиления фразы поднял вверх указательный палец. — За углом находятся кареты и брички, а с правой стороны ангар. Я еще и пилот, ты не знал? Летчик — вертолетчик. Подожди здесь, я переоденусь. Прости, не приглашаю в свою берлогу.

Хочь почти бегом поднялся по металлической лесенке, ведущей к жилой пристройке, окна которой выходили в гараж.

Макар сел на ступени и вытянул ноги. «Сейчас бы покурить», — мелькнуло в голове. За время пребывания на Заставе Макар ни разу не вспомнил о сигаретах. Но и это желание быстро ушло, как только он услышал женский надрывный плач и бормотание Хоча, который явно оправдывался. Звонкий звук пощечины заставил Макара встать и с тревогой посмотреть на окна жилища метаморфа, но они были плотно зашторены.

Когда Хочь вышел, его усы свисали так низко, что их можно было заправить за ремень. Не говоря ни слова, он прошел мимо Макара. На его щеке алел след от пятерни, а в глазах поселилась смертельная тоска. Студенту ничего не оставалось, как двинуться следом.

Дверь из гаража вывела их через кафе в порталный коридор. В самом его конце, там, где коридор сворачивал на винтовую лестницу, ведущую в сад, приложив ладонь к стене, Хочь открыл портал. Замерцав, он проявился в виде круглой бронированной двери. Похожую Макар видел в фильме об ограблении банковского сейфа.

Переступив высокий порог, мужчины оказались в полутемном помещении, сплошь испещренном тонкими лазерными лучами. Макар только представил, как он будет корячиться, преодолевая смертельную паутину, как по хлопку метаморфа она исчезла. Почувствовав легкое разочарование, студент пересек промежуточную комнату и попал в каюту, напоминающую пункт управления космическим кораблем. В центре размещался огромный круглый стол, над которым в воздухе плыли десятки разноцветных огоньков.

В черных креслах, лицом к столу, сидели Исида и Галатея. Их взгляд был строг, губы сжаты.

— Дамы, — Хочь, теперь выглядевший как Джеймс Бонд, галантно склонил набриолиненную голову.

Ни одна мышца на лице женщин не дрогнула. Никаких эмоций.

Вдруг кресло, стоявшее к вошедшим спинкой, развернулось. В нем сидел высокий человек с белыми длинными волосами, тонкими аристократичными чертами лица и холодными, почти бесцветными глазами.

Макар сразу ощутил разницу между чекистским пронизывающим взглядом метаморфа и убивающим взглядом незнакомца, едва тот прошелся по его лицу.

— Сторк Игеворг! — Хочь сложился пополам. Его Джеймс Бонд сразу утратил лоск и блеск. В голосе метаморфа звучало неприкрытое удивление, что позволило Макару сделать вывод: длинноволосый мужчина — редкий гость на Заставе, а значит, случилось нечто вон выходящее.

— Почему Войт оказалась без присмотра? — голос сторка Игеворга был тих, но лучше бы он кричал. Метаморф на глазах превратился в мелкого банковского клерка: серенького, невзрачного, с безусым лицом.

— Виноват, сторк Игеворг.

Макар взял на заметку, что Хочь не стал оправдываться. По знаку незнакомца Хочь быстро покинул помещение.

— Я так понимаю, если бы новичок случайно, — на этом слове сторк сделал ударение, — не упомянул о передаче информации, мы о визите ректора Дагар — Вель — Самэна узнали бы только тогда, когда он предстал бы перед ясными очами Исида. Уже здесь, на Заставе.

Ресницы красивой блондинки дрогнули, но эмоции на лице так и не отразились.

— Правда, как я слышал, наша белая королева не всегда является на соприкосновение. Поэтому, скорее всего, мы узнали бы о вторжении ректора Дагара только тогда, когда он заказал бы нашему шеф — повару мозги под татарским соусом. А, Галатея? Скажите, вы часто бываете в кафе, которым руководите? Или всем заправляют Гугельгогенн и Бай — юрн? Я слышал о скандале с гоблинами. Где в этот момент находились вы? Или Аравай — аба похож на хомячка, поэтому можно не обращать на него внимание?

Из раскосых глаз Галатеи пролилась одинокая слеза, но лицо продолжало походить на каменную маску.

Сторк Игеворг встал. Его движения были плавны и тягучи, каждый жест отточен, никакой суеты. Серебристый сюртук подчеркивал стройность и грациозность фигуры довольно высокого человека. Или не человека. Макар не знал, к какой расе отнести незнакомца.

Приблизившись к Макару, сторк придирчиво рассматривал его — так, наверное, археолог изучает осколок допотопной керамики, оценивая свою находку.

— Тебе предстоит великая миссия. Теперь я это точно знаю, — тем же тихим голосом произнес главнокомандующий, глядя в глаза Макара. Студент не имел такой выдержки, как Галатея и Исида, поэтому его ресницы дрогнули. И не раз. И слезы кровавые чуть не потекли. Но только плотно сжатые зубы позволили смолчать. А так хотелось послать на хрен этого сторка Игеворга со всей его Заставой.

— Если бы не ты, я уверен, ни Мурила, ни Петра даже не додумались бы поставить нас в известность о происшествии в саду. Застава отметит твой поступок. Она щедра к тем, кто блюдет ее интересы.

Макар не стал вытягиваться по струнке и выпячивать грудь для навешивания орденов. Он не нанимался на службу к сторку Игеворгу. И если он был похищен лишь для того, чтобы выполнить «великую миссию», то вовсе не обязан трепетать и падать ниц перед тюремщиками.

— Чем я могу помочь, сэр? — Деловые отношения и только.

Уголки губ сторка поднялись вверх, хотя глаза остались ледяными. Игеворг сделал шаг в сторону и вытянул ладонь в сторону одного из кресел.

— Прощу.

Когда все расселись, заговорила Исида.

— Мне разрешили открыть перед тобой все карты. Мало того, отныне ты, Ловец времени — ключевая фигура на Заставе. В чем заключается твоя миссия? Ты, именно ты, спасешь нашу Заставу.

«Вот это фокус!» — Макар чуть не рассмеялся. Тот, кто мечтал обрести свободу, уничтожив тюрьму, оказывается, должен ее беречь. А как же он сам? Век свободы не видать?

— Посмотри на эту карту миров, — Исида показала на десятки разноцветных искр,

плывущих над черным пространством стола. — Вот твой мир, — она дотронулась тонким лучом — указкой до голубой искры. — А вот Вержульфия. Она красная. Смотри, она так близко, что вот — вот прилипнет к человеческому миру. Это и есть соприкосновение. Застава притягивает Заставу. А здесь Гобляндия — она еще далеко, и должно пройти не меньше недели, прежде чем она приблизится к нашей Заставе вновь. А вот эта желтая точка — Эльфийское княжество. Путь этого мира от соприкосновения до соприкосновения с нашей Заставой долог, не меньше полугода по земному исчислению. Но есть и такие миры, с которыми соприкосновение исключено, — Исида показала несколько тусклых, словно покрытых пеплом, точек. — Это дикие миры. Такие миры Застава отталкивает. Неизвестно, какая тварь может вырваться оттуда. Тебе может показаться, что миры движутся хаотически, но поверь, в этом мироздании существует строгий порядок. И только катастрофа может изменить его. После гибели какой — нибудь из Застав, сильнейшие маги, такие как сторк Игеворг, объединяют свои усилия, чтобы вновь упорядочить систему соприкосновений.

— А зачем вообще нужны эти Заставы? Пусть бы каждый мир существовал сам по себе, — Макару давно хотелось задать этот вопрос. — Нет Застав, нет соприкосновений, нет хаоса.

— Когда — то так и было, — в беседу вступил сторк Игеворг. Он положил локти на стол и сомкнул пальцы рук. Его прямой взгляд вызывал озноб, но Макар не опустил глаза. Он запретил себе бояться. Хватит. — Застав не существовало, но миры все равно задевали друг друга. Если сейчас ведется строгий учет перемещениям и приняты законы мирного сосуществования, то в былые времена сильные магические миры обескровливали слабые. Войны, мор, природные катаклизмы. И Исида не зря упомянула дикие миры. Возьми любой земной миф, и ты найдешь в нем следы тварей из дикого мира. Древнегреческий или японский эпос пестрят именами героев, победивших какую — нибудь Годзиллу или Гидру. Заставы — это порядок.

Сторк откинулся на спинку кресла. Макар тоже принял расслабленную позу. От напряжения и невольной задержки дыхания ныла грудь. Не переставала болеть и отбитая задница.

— Но ты прав. Некоторым сильным магам не нравится, что происходит обмен магией, которая шлейфом тянется за проходимцами, их возмущают самоуверенные попаданки — эти сподвижницы от науки, начинающие учить всех и вся. Они не хотят, чтобы ваши ткачихи вставали у руля государства, добираясь до этого руля через магические академии, а чаще всего через постель. И эти маги не только задаются вопросом, зачем нужны Заставы, они еще и действуют. Засылают шпионов, вербуют агентов внутри Заставы, обещая им власть и богатство, а потом ... Лучше тебе все увидеть собственными глазами. Я распоряжусь, чтобы Крошка Пиу дала тебе почитать свою книгу. А пока мы займемся более важными делами.

И последовал долгий допрос, во время которого сторк Игеворг попеременно с Исидой и Галатеей задавали вопросы о Надежде. Не показалась ли она Макару неискренней в своем горе, кто предложил подойти к единорогу, как она вела себя после передачи информации ректору Дагару, почему Макар встал на защиту девушки, испытывает ли он к ней особые чувства. Макар опять и опять рассказывал о минутах общения с новенькой, догадываясь, что руководители Заставы хотят выяснить, не является ли Надежда посланным казачком, ловко разыгравшим легенду влюбленной дурочки.

— Не интересовалась ли она книгой Крошки Пиу?

Этот вопрос поставил Макара в тупик. Он сам совсем недавно узнал о чудесных

свойствах картинок, нарисованных Дюймовочкой, но что они могли дать шпионке, если Надежда таковой является? Узнать, как попала на Заставу Окси? Или как Вася полюбил ту, чье имя начинается на букву А? Какие еще секреты хранит книга? Может шпионам интересно, почему проходимцы из иных миров называются Йеллопухцами?

«Надо бы внимательнее почитать замечательную книгу Крошки Пиу», — подумал Макар, а вслух сказал:

— Сдается мне, что все дело в этой книге. Она — ключ ко всему?

Исида переглянулась со сторком Игеворгом. Он прищурил глаза, будто бы решая, стоит ли вообще давать ответ, потом кивнул.

— Да. С «Книги судеб» начинается Застава, ею и заканчивается. Стоит уничтожить или похитить книгу — Застава погибнет. Случай, о котором я говорил, начался именно с того, что книгу украли. Причем воры не подозревали о ценности книги — заказчик скрыл от них, что книга дарует бессмертие тем, кто ею владеет. Достаточно вписать в нее свое имя.

— И что? Все, кто жил на той Заставе, умерли?

— Нет. Они утратили бессмертие и вновь подчинились законам природы. А вот новый владелец книги будет жить долго. Пока мы, сторки, его не найдем.

Макар и без объяснений понял, какая судьба ждет возжелавшего жить долго, достаточно было услышать, как произнес последнюю фразу сторк Игеворг.

— Я все понял о мирах, порядке и книгах, но какова моя роль? Чем я могу помочь Заставе? Разве что задержу ректора, явившегося за своей любовницей, на несколько минут? И кто вообще решил, что я спасу Заставу?

— Это первая запись в книге Крошки Пиу. «Ловец времени спасет меня», — процитировала Исида.

— И все?

— И все, — подала голос молчавшая до сих пор Галатея. — Поэтому я так обрадовалась, когда ты остановил время, прикрывая Исиду от летящего подноса.

— А сносok мелкими буквами в конце страницы вы не заметили? Вы хорошо посмотрели? Может, там говорится о каком — нибудь сильном маге, способном управлять временем? С чего вы решили, что простой Пскопской парень — супер — герой? Ведь в нашем мире нет магии.

— То — то и оно! — Галатея аж подпрыгнула. — Отсутствие магии на Пскопской стороне как раз и говорит о том, что ты редкий самородок. Сумел остановить время на несколько секунд в совершенно отсталом мире. Представляешь, что ты можешь сделать с ним здесь, где магия от переизбытка закручивается в воронки?

— Пусть все идет своим чередом, — остановил поток слов сторк Игеворг. — Будем действовать по ситуации. Может быть, в случае с ректором Дагаром мы дуем на холодное молоко. Но предпочитаю быть готовым ко всему, а потому хочу знать, сколько осталось времени до его визита.

— Эльфийское княжество через неделю соприкоснется с Драконьими землями. Если ректор Дагар поторопится, то перейдя на драконью Заставу и подождя три дня, сможет перепрыгнуть в Морской мир, а оттуда постучаться к вампирам, — указка Исиды оставляла светящийся путь, соединяющий цветные точки.

— А вампиры на нашу Заставу пожалуют через месяц, — подытожил сторк. — Более короткого пути нет?

— Этот самый короткий, — Исида трижды тронула желтую точку Эльфийского княжества, и от нее в разные стороны полетели ломаные линии, концы которых неизменно приходили в голубую точку земной Заставы.

— Мы должны установить наблюдение за новенькой, знать каждый ее шаг. Она наверняка захочет получить ответ от ректора Дагара, поэтому попытается найти единорога.

— Я могу последить за ней, — Галатея нажала на одну из кнопок, и из круглого стола выдвинулся ящик, в котором лежала небольшая круглая шапочка, напоминающая традиционный еврейский головной убор — ермолку.

— Нет, займись кафе, а шапку отдайте Макару. Проконсультируйте его. Только, пожалуйста, на этот раз без всякого ми — ми — ми. Застава мне показала, как вы проводили его осмотр.

И не попрощавшись, сторк Игеворг растворился за одной из зеркальных панелей, установленных по периметру комнаты.

Обе женщины выдохнули.

— Милый, бери шапку — невидимку и ветром лети в сад, наши барышни еще там. — В воздухе появилась проекция беседки с тремя смеющимися девушками. — Будут вопросы, приходи, — Исида встала, оправила юбку и, подойдя к зеркальной панели, всмотрелась в свое лицо. — Не нравится мне эта губная помада, надо было розовую купить.

— Я говорила, что ты на Окси станешь похожа, а ты — красный, красный, — Галатея передразнила Исиду. — Красавчик, сунь сюда руку.

Она поднесла к Макару какое — то устройство, похожее на рыцарскую перчатку.

— Что это?

— Мне нужен отпечаток твоей ладони, чтобы ты в любое время смог пройти в командный пункт.

— Ты попадаешь в список любимчиков Заставы, милый. А она, как настоящая женщина, никогда не забудет твои нежные прикосновения.

Стоило сунуть руку, как перчатка плотно обхватила кисть. Яркий серебристый свет волной прошелся от запястья до кончиков пальцев, слегка разогрев странное беспроводное устройство.

— Ну все, теперь ты обручен с Заставой, — хихикнула Галатея.

— Можешь идти в сад, — было заметно, что Исиде не терпится выпроводить Макара. — Не забудь надеть шапку, милый. И не отходи от новенькой ни на шаг.

— Ни днем, ни ночью, — Галатея подтолкнула Макара к выходу, но он успел заметить, как над столом поплыла картинка — нагой Сапфир купался в водопаде.

А за дверью студента ждал грустный Хочь.

Глава 8. Немного о любви и странном тумане

— Я выведу тебя в сад короткой дорогой, — Хочь шел чуть впереди, его усы опять можно было заправить за пояс брюк, тем более что на этот раз он находился в образе неудачника, штаны которого начинались сразу под грудью. Туфли со скособоченными носами, шаркающие шаги, сторбленная спина, словно на ней лежало все горе мира. Макар вспомнил, как Хочь — Убей смотрел на него, когда ему вздумалось звать на помощь. Взгляд рассерженного таксиста нравился студенту гораздо больше.

— Не вешай нос, друг. У каждого из нас бывают плохие дни.

Хочь не оглянулся, но по напрягшимся плечам было видно, что услышал.

— Сторк Игеворг отчитал не только тебя, досталось всем.

— Сторк Игеворг? — Хочь даже притормозил. — Ты думаешь, что я едва не наступаю на свои усы из — за сторка Игеворга? Да пусть бы он сжег меня взглядом, но, даже осыпаясь пеплом, я бы не почувствовал и доли того, что ощущаю сейчас. Я видел слезы любимой женщины. Я подвел ее! И я рад, что она не сдержалась. Пощечина — это проявление равнодушия. Я бы не пережил, если бы она развернулась и ушла.

— Так любишь? — Макара поразила откровенность и сила чувств Хочь — Убея.

— Я же сказал, что не смог бы жить без нее, — произнес он.

Как же быстро меняется метаморф! Только что он был неудачником, готовым расплакаться, а теперь рядом с Макаром шел мужчина, который выглядел, как самый романтичный принц из диснеевских сказок. Стройная фигура, гордо поднятая голова, мягкий голос, затуманенный взор.

— Она замечательная, — тихо проговорил Хочь. — Она такая разная, что каждый раз удивляет меня.

— Тоже метаморф?

— Нет. Я смотрю на нее и не могу понять, почему она выбрала меня?

— Наверное, ей нужен мужчина, который и сам все время разный.

Хочь растеряно посмотрел на свои руки, ставшие аристократическими и холеными, тряхнул золотистыми волосами до плеч.

— Проклятье! — Безусое лицо пошло красными пятнами. Хочь прибавил ходу, и теперь Макар видел человека, который всю жизнь служил в армии. Ровная спина, чеканный шаг.

— Я не хотел бы, чтобы ты распространялся о моей минутной слабости, — кинул он через плечо, поправив неизвестно откуда взявшийся берет. Макар не успел разглядеть, была ли на нем эмблема ВДВ. — Тебе сюда. — И растворился в дымке цветущего сада.

Макар расправил ермолку. Как такая маленькая шапочка удержится на голове? Но она не только удержалась, кипа будто бы находилась там с рождения.

Макар ошарашенно оглядел себя. Он ожидал, что станет невидимым, но ничего не изменилось. Вот руки, вот ноги.

— Не работает, что ли? Или неправильно надел?

Но в ближайшей луже он не отразился, а потому сразу успокоился. В теле появилась необычайная легкость, душа запела от свободы. Куда хочу — туда иду, что хочу — то делаю. Но тут же заговорила совесть. Никогда Макар не подслушивал и не подглядывал. Ну, разве что в детском саду, когда ему было интересно узнать, как выглядят девочки без трусиков. Знать, как выглядит Мурилла, даже в нижнем белье, ему совсем не хотелось. Поэтому через

сад он пробирался с осторожностью, глядя в виднеющуюся за деревьями беседку.

Но как же странно устроена Застава! Макар вышел к ажурному строению совсем не с той стороны, с какой ожидал — луг, на котором утром пасся единорог, оказался впереди, а за спиной раскинулись красные, желтые и сиреневые поля: цветы подсолнуха, мака и лаванды колыхались волнами под дуновением горячего ветра, разносящего опьяняющие ароматы. У Макара забрало дух от открывшейся красоты, и он не сразу вспомнил, зачем ему дали шапку — невидимку.

Видимо девушки уже налюбовались природными красками и теперь нашли себе более интересное занятие — они с увлечением слушали Мурилу, которая так и не сняла своего одеяния, хотя стояла летняя жара. Макар осторожно, боясь шуметь, прошел в беседку, но подруги даже бровью не повели на его появление. Он сел на скамью напротив них и прислушался к рассказу Мурилы, позволив себе рассмотреть каждую из девушек.

Мурила сидела в центре, и ее пальцы комкали ткань черного одеяния. Петра опустила голову, завесив глаза волосами, но ее напряженная поза выдавала, как ей больно слышать признания подруги. На лице Нади, сидящей слева от Мурилы, читалось искреннее сочувствие.

На этой девушке Макар не мог не задержать взгляд. Сейчас, когда Надежда пребывала в уверенности, что возлюбленный заберет ее, она светилась необыкновенным внутренним светом. И этот свет был настолько привлекателен, что Макар почувствовал себя мотыльком. Вот почему безмозглые букашки летят на огонь! Он сильнее их, он ослепляет и не дает видеть ничего вокруг. Он — магнит.

Длинные ресницы, мягкий овал лица, слегка приоткрытые губы.

Макар пожалел, что посмотрел на губы девушки. Не пухлые и не тонкие, но к ним хотелось прикоснуться, чтобы почувствовать их мягкость. А эти слегка рыжеватые волосы, что разлетаются под ветром? А рука, что ловит пряди и заправляет за ухо?

Черт.

Усилием воли Макар перевел взгляд на Мурилу. Ее глаза влажно поблескивали в прорези одеяния, видимо ей приходилось заново переживать то, о чем она рассказывала тихим, но таким прекрасным голосом.

— Мы долго готовилась ко дню, когда на Кимбу опустится туман. Родители купили мне красивое платье и положили в сумочку туфли, которые я смогла бы надеть, как только мои ноги станут нормальными. Как впрочем, и тело... Я почти всю сознательную жизнь проходила в башмаках, больше напоминающих лапти Пскопских, поэтому мне захотелось вернуться домой в туфлях на каблучке и длинном воздушном платье, через тонкую ткань которого просвечивала бы моя совершенная фигура. Я представляла, как соседи выйдут на улицу и скажут: «Посмотрите, какая красивая стала наша Мурила!», а родители заплачут от счастья.

При упоминании родителей Мурила всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

— Каждый из рожденных уродливым, а нас в Кимбу называют эна, — уточнила Мурила, — мечтает, чтобы туман оценил его правильно. Войдя в белое молоко тумана, эна должен раскрыть ему душу, показать, что в ней нет озлобленности против остального мира, которому посчастливилось быть прекрасным. Появление в семье ребенка — эна — это испытание, посланное родителям, и они должны приложить максимум усилий, чтобы через свое дитя привнести в мир добро, любовь, искренность. Мудрый туман оценит красоту души эна и обязательно наградит прекрасным телом. Я видела, как девушки и парни в

праздничном одеянии выходили из тумана. Они были счастливы. Но были и такие, что терялись в тумане, и их родители больше никогда не увидели своих чад. Говорили, что эна, не сумевшие доказать свою чистоту и искренность, оставались чудовищами на всю жизнь. Я шла в туман, веря, что мои родители — самые лучшие и добрые на свете, воспитали меня правильно. Я их бесконечно любила и даже представить не могла, что туман не вознаградит нас за перенесенные испытания.

Мурила замолчала. Макар понял, что она просто не может говорить.

— Я не могу поверить, что туман не посчитал твою душу красивой, — Петра подняла глаза. Она плакала. Тяжелая слеза скользнула по щеке, оставив влажную дорожку. Петра быстро стерла ее кончиками пальцев. — Я еще никогда не встречала более доброго, более честного, более миролюбивого человека, чем ты.

— А туман так и не узнал, какая я. Я запнулась о подол своего красивого платья и упала в десятке шагов от дома. Жители Кимбу не выходят на улицу во время тумана — нельзя мешать эна. Поэтому никто не заметил, что я лежу без сознания, сильно ударившись головой. Когда я пришла в себя, то с трудом поднялась — все вокруг кружилось. Кровь из раны намочила джаб, а платье под ним прилипло к телу. Я не знала, как много крови потеряла, пока не разделась. Но это было позже. Гораздо позже.

Поднявшийся ветер уносил туман клочьями. Собрав последние силы, я побежала за ним, надеясь, что хоть где — то он задержался, но все было напрасно. Мне казалось, что я бегу, а на самом деле меня мотало из стороны в сторону, я падала и опять поднималась. Люди, вышедшие на улицу, качали головами. На лице некоторых появилось брезгливое выражение — вот та эна, которая не смогла доказать туману, что душа ее прекрасна. И я бежала уже не за туманом, а от этих осуждающих взглядов. Бедные мои родители... Я даже представить не могу, что произошло, когда они нашли мою сумку с туфлями.

И опять Мурила замолчала.

Надя незаметно выдохнула. Она сдерживала дыхание во время эмоционального рассказа Мурилы. Никто из девушек так не решился произнести слова утешения, лишь теснее сомкнули плечи. Но Мурила вдруг распрямилась и громко, словно находилась перед незримыми судьями, произнесла:

— И вот тогда я поклялась, что обязательно еще раз окунусь в белый туман. Он должен узнать, какая я. Пусть мои родители уже никогда не увидят меня, но туман донесет до них, что я стала счастливой.

— Как несправедлив ваш мир, — Надежда положила ладонь на птичью руку Мурилы.

— Нет, отчего же? — Взгляд Мурилы потеплел. — Эна даются как испытание. Старшие должны стать примером, и тогда однажды, когда на Кимбу спустится туман, родители и их дети будут вознаграждены.

— Можно, я повторю еще раз что услышала? Я хочу знать, правильно ли все поняла, — Петра придвинулась так, чтобы быть лицом к собеседницам. — Кимбу — мир, в котором на свет появляются дети, внешне отличающиеся от остальных. Это понятно. В нашем мире тоже есть люди, родившиеся с отклонениями.

— Ваших детей заставляют носить одежды, скрывающие уродство? — Мурила освободила руку из — под ладони Надежды и спрятала под одеянием.

— Нет, но таких людей редко встретишь на улице. Стыдно признаться, но от ребенка с изъянами часто отказываются еще при рождении, и его путь лежит в интернат.

— Мы все живем в семьях, от эна нельзя отказаться. На Кимбу издавна заведено, что эна не должны выставлять свое уродство напоказ, поэтому родители живут надеждой, что однажды их подросток чадо выйдет из тумана без джаба. Это высшая награда семьи.

— Выходит, туман живой? — в голосе Петры звучало сомнение.

— Вот и мне это место не понятно! — Надежда в нетерпении поерзала на скамейке.

— Наши ученые думают, что туман — это божественное явление, чудо. Поэтому оно происходит крайне редко. Брали пробы тумана, пытались создать его подобие, но эксперименты не привели к успеху.

— Туман не только живой, но и разумный, иначе как бы он оценил красоту души?

— Ты, права, Надя. В него не только нужно войти, но и поговорить с ним, иначе он просто не заметит тебя. Как не заметил меня.

— Но ведь ты не виновата! — с горячностью произнесла Надежда. — Каждый может оступиться. В таком сильном тумане не мудрено.

— Но как объяснить соседям, что туман не услышал меня лишь потому, что я пролежала без сознания все то время, что отведено на беседу с ним? Ведь они знают, что туман не щадит только эна с черной душой, и они вынуждены до конца своих дней носить джаб! — Мурила смяла ненавистную ткань, словно хотела порвать ее.

— Может, нужно было прийти к родителям и все объяснить?

— Принести такое горе в дом? Пусть лучше считают меня заблудившейся в тумане. Такое случается. Я упустила свой шанс стать красивой. Следующий туман опустился бы на Кимбу только на исходе моей жизни. Зачем красота старухе? Зачем мне жизнь без надежды найти любовь, родить ребенка? У бывших эна всегда рождаются красивые дети, это как вознаграждение за перенесенные страдания. Кимбужцы охотно женятся на прошедших испытание. Вот чего я лишилась, всего лишь запнувшись о праздничное платье.

Петра обняла Мурилу, а та положила голову ей на плечо.

— Я случайно узнала о Междумирье. Кто — то обмолвился о Заставе, которая награждает своих жителей долголетием. И я поняла, что смогу сохранить молодость только здесь. И когда на Кимбу опустится туман, я выйду в него.

— Но ведь на нашей Заставе тумана не бывает! Как ты сможешь попасть на Кимбу? — Макар услышал беспокойство в голосе Петры.

— Поняв, что у меня есть шанс, я сначала нашла Заставу, которая находится на Кимбу. Но меня там неохотно встретили. Все ее жители знали, почему эна не проходит испытания туманом, и не захотели рисковать. Веками жить рядом с чудовищем с черной душой? Меня не пустили на Предел и с радостью спихнули на Пскопскую Заставу.

— Но как ты узнаешь, что на Кимбу опустился туман?

— Я честно обо всем рассказала Исиде. Она поверила, а Обруч истины подтвердил правдивость моих слов. И тогда я попросила ее рассчитать, когда произойдет двойное совпадение: наши Заставы соприкоснутся, а на Кимбу опустится туман. Я готова была ждать века.

— И когда? — выдохнула Петра. Макар заметил, что рассказ Мурилы взволновал ее. Это было заметно по тому, как она в задумчивости кусала губы, как крепко сжимала ладони, то сплетая, то расплетая пальцы.

— Через две недели.

— И ты молчала? — Возмущение Петры заставило ее резко подняться. — Через две недели моя подруга уйдет на испытание, а я даже не смогу ее поддержать? А вдруг ты снова

споткнешься, и туман опять не узнает, какой красивой душой ты обладаешь? Нет, я тебя одну не отпущу. Я сегодня же пойду к Исиде и попрошусь сопровождать тебя. Если нужно, я тоже надену джаб и заткну уши, чтобы не слушать твои признания, но буду стоять в этом чертовом тумане рядом. Я не позволю, чтобы и на этот раз что —нибудь помешало тебе стать красавицей.

— Спасибо, милая, — Мурила поднялась и обняла раскрасневшуюся Петру. — Я знаю, что ты настоящая подруга. Но я опасаясь, не случится ли что —нибудь с тобой? Ведь никто, кроме эна, не выходит в туман.

— Ты же сама только что называла его мудрым? — запальчиво возразила Петра. — Пусть он проверяет эна, а я проверю, насколько мудр ваш туман. Вот только есть одна загвоздка...

— Как мы сможем покинуть Междумирье и выйти в туман на Кимбу? Крошка Пиу заверила меня, что договорится с Заставами. «Они не будут против, чтобы такая чудесная девушка стала счастливой».

— Ой, девочки! Я так рада, что познакомилась с вами! Мне бы очень хотелось посмотреть, какой Мурила выйдет из тумана, но боюсь, мой любимый явится быстрее. Кто —нибудь знает, где держат единорога? Мне бы увидеть его еще раз.

— У Хоча в гараже, но туда никого не пускают, — Мурила расцепила объятия с Петрой. — Если только не пробраться туда, когда Хочь уедет на какое —нибудь задание.

— Значит, нужно ему придумать задание! — звонко рассмеялась Надежда. А Макар сдвинул брови.

Неужели сторк Игеворг был прав, и Надежда — засланный казачок? Сначала придумает задание метаморфу, а потом проберется в гараж. А вдруг в гараже есть свои тайны? Надо бы порасспросить Хочь — Убея.

— Теперь твоя очередь признаваться, — Надя опять села на скамью. Девушки последовали ее примеру, только теперь в центре оказалась смущающаяся Петра. — Как ты попала на Заставу?

— Все было очень страшно и некрасиво. Со мной всегда так — некрасиво.

Петра вздохнула, словно набиралась решимости.

— Я училась в текстильном институте, но из — за того, что была старше своих однокурсников на три года, редко куда — либо с ними ходила. Меня по большей части игнорировали. Ну вы понимаете... Но однажды общепризнанная красавица Эллочка пригласила меня на концерт.

— Мой жених будет с другом, а я вижу, ты все время одна, — щебетала Эллочка, уговаривая меня пойти с ними. — Будет здорово, я обещаю. Приходи ко мне в семь, нас оттуда заберут.

Я как — то видела жениха Элочки. Высокий, подтянутый, взгляд с поволокой. Красавец — брюнет, на фоне которого Эллочка смотрелась фарфоровой куклой. Наши девчонки писались от восторга и завидовали ее удаче, ведь она выходила за него замуж и переезжала в столицу. Я знала, что он не часто бывает в нашем городе, и их любовный роман развивался стремительно. А тут вдруг приглашение на концерт, куда он идет не один. Ну не брать же ей своих закадычных подруг, которые могли ненароком понравиться ее жениху. Я — беспроигрышный вариант.

— Фу, в каком ты пришла плаще? — Эллочка сморщила свой аккуратненький нос.

Это замечание смутило меня. Синий плащ, который я сшила сама, невероятно шел мне.

Я редко когда нравлюсь себе, а на концерт шла в приподнятом настроении. Выходило, что я ошибалась.

— Вот, надень мой! — Эллочка протянула тот плащ, в котором ходила в институт — черный с яркой желтой отделкой. Запоминающийся. Как только я переделась, Эллочка торопливо выставила меня за дверь. Только в подъезде я поняла, почему ей не понравился мой синий плащ. На ней был точно такого же цвета.

— Не можем же мы обе быть в почти одинаковых плащах, словно мы дурочки? — бросила она через плечо, торопливо спускаясь по ступеням, стуча высокими шпильками. На втором этаже открылась дверь и показалась голова соседки Элочки.

— Потом — потом, тетя Маша! — крикнула ей Эллочка, но та схватила ее за руку. Я не знаю, почему тетя Маша бульдогом вцепилась в мою «подругу», но Эллочка была сильно раздосадована. Она не хотела, чтобы я слышала их разговор, а потому крикнула мне: — Петра, спускайся вниз, я сейчас.

Когда я вышла, свет из подъезда осветил черную машину, припаркованную так близко, что я остановилась, раздумывая, как ее обойти. А потом кто — то со спины прижал к моему лицу руку, и я отключилась.

— Выходит, тебя перепутал с Эллочкой?

— Выходит.

Далее последовал рассказ, который Макар уже слышал от Окси — через какие мытарства пришлось пройти Петре, и как унижительно вампиры вернули ее на Пскопскую Заставу.

— Связали веревками и притащили на привязи? Подлецы!

— Ты не знаешь судьбу Элочки? — Надя была впечатлена откровенностью Петры. Та не скрывала свою боль. — Как я понимаю, это она должна была оказаться в гробу?

— Ее парень и был тем Властителем, которому я так не понравилась, что он отдал меня охране. Остается только гадать, действительно ли он собирался на Эллочке жениться, или просто хотел испить ее крови. Но я знаю одно — с тех пор как я вернулась на Заставу, соприкосновения с Царством Вечной Тьмы еще не было. Я до ужаса боюсь встречи с вампирами. Вдруг они опять потащат гроб, а в нем будет лежать Эллочка. Как быть? Спасать ее? Я не верю, что она написала согласие на брак кровью, скорее всего это подложное письмо, чтобы обмануть Заставу.

— Интересно, а мы можем помешать Йеллопухцам вывозить из нашего мира девушек? — Надя перебросила волосы через плечо. И опять Макар застыл, видя, как солнце рыжими искрами рассыпалось по волнистым прядям.

— Это опасно, да, Мурочка? — Петра покосилась на Мурилу. — Заставе это точно не понравится.

— Не понравится. Я слышала, как Бай — юрн рассказывал, что Застава живет благодаря обмену магией. Если мы начнем отнимать добычу, то проходимцы перестанут посещать Пскопскую сторону, а значит, не будет притока магии.

— И Застава погибнет? — Надежда задала правильный вопрос, поэтому Макар не выдержал и пересел на другую скамейку — поближе к девушкам.

— А кто из нас хочет умереть? — Мурила оглядела застывших в ожидании объяснения подруг. — Она начнет бороться за свою жизнь. И будет биться до последнего. Вспомни лейтенанта Гречишкина, который хотел вытащить из Заставы Окси. Где он сейчас?

— В дурке, — вздохнула Петра.

— И кто из вас хочет оказаться в подобной дурке в одном из миров? Никто? Тогда не стоит мешать Заставе.

— Гугл как — то сравнил Заставу с цветком, который соприкасаясь с другими, опыляется. Он так объяснял обмен магией.

— Знать бы, где корни у этого цветочка, — прошептала Надежда. — Мне становится страшно, как только представляю, что проведу всю свою бесконечную жизнь на Заставе, если Дагар не получит мое послание.

— А нам с Петрой на что надеяться?

— Мурочка, когда ты станешь красивой, первый же проходимец предложит тебе уйти с ним, а вот мне придется свой век коротать с Гуглом, — Петра озорно улыбнулась.

— Ой, Макара не забудь, — засмеялась Надя. — Я хоть и была в расстройстве, но заметила, как ты на него смотришь. Да и он на тебя взгляды бросал.

— Уж если говорить о взглядах, то мне кажется, Макар в тебя, Надюша, влюбился, — запела своим прекрасным голосом Мурила. — Он же перестает дышать, когда на тебя смотрит.

Макар выдохнул. А ведь действительно перестал дышать, любуясь ямочками, что появились на щеках новенькой. Ее милую улыбку заметили и подруги, поэтому Надя быстро сделала серьезное лицо.

— Нет, вы как хотите, а я должна найти единорога.

Глава 9. Как мстят коты и женщины

Макар уже предвкушал, как крадучись пойдет за девушками и следом за ними осмотрит каждый отсек гаража. И не шпионские игры привлекали его, нет. Предстояла самая настоящая разведывательная деятельность под надежным прикрытием шапки — невидимки. Макар предчувствовал, что непоседливая Надежда вовлечет своих новых подруг не в одно приключение, и он незримо будет принимать участие в каждом из них.

Но все планы рухнули, когда на другом конце поляны появилась группа девушек в белом. Возглавляющая процессию Галатея тоже сменила черный офисный костюм на легкомысленный сарафан. Лишь Крошка Пиу, едва поспевающая за подругами, оставалась в своей «рабочей» одежде — ее фартук как всегда украшали чернильные пятна, видимые даже с такого расстояния.

— Куда это они? — Надежда вышла из беседки и приложила руку к глазам, закрываясь от слепящего солнца.

— Может, подсолнухи опылять? — Петра тоже поднялась. — Гугл говорил, что скоро все пойдем пчелками работать.

— Как это?

— Нам выдадут мохнатые рукавицы, и мы будем ими пыльцу с цветка на цветок переносить.

— Нет, девочки, — Мурила поправила джаб, прежде чем подойти к краю беседки. — Подсолнухи опыляют в пасмурный день, а сегодня жарко. Скорее всего, они идут к водопаду.

Надя оглянулась на подруг.

— Давайте тоже пойдем! — радость и нетерпение слышались в ее голосе, но, увидев кислое лицо Петры и закрытую с ног до головы Мурилу, осеклась. — Да что я, водопад не видела? Знаете, сколько их на территории Магического университета! Пять. Нет, шесть.

— Надюш, ты иди, — Петра ласково улыбнулась ей. — С Теей познакомишься, с Крошкой Пиу, вон видишь малышку в фартуке? А мы на кухню вернемся. Скоро оборотни на очередной матч отправятся, обратно голодные прибегут. Надо бы Гуглу помочь.

Когда шумная толпа приблизилась, Макар тоже вышел из беседки и поймал колючий взгляд Окси, каким она оглядела новенькую.

— Галатея, возьмите Надюшу с собой, она водопад еще не видела, — Мурила подтолкнула сомневающуюся подругу в спину.

— Конечно, айда с нами купаться, — пропищала Пиу. С огромной панамой на голове она походила на гриб на тонкой ножке.

— А куда Макара дели? — Окси заглянула в беседку. — Или ему с вами скучно стало?

— Он нас от разгневанного Хоча спас, а потом вместе с ним куда — то на единороге ускакал, — простодушно ответила Надя. — В гараже оба, наверное.

— Наверное, — сдержанно ответила Галатея, и, проходя мимо Макара, ущипнула его за зад.

От неожиданности студент дернулся. Выходит, ведьма его видит?

Тея обернулась и послала ему ехидную улыбку.

Это было открытием. Он — то думал, что сможет тайно обследовать Заставу, а оказывается, волшебная шапочка на кого — то не действует.

Девушки разделились, и Макар пошел с той компанией, которая направилась к водопаду. Крошка Пиу не успевала за девушками, а потому плелась в самом конце. Ее сандалики путались в высокой траве, отчего она еще больше отставала. Макар пожалел, что он невидимый, иначе взял бы малышку на руки. Крошка споткнулась, и студент, не думая, кинулся, чтобы поймать ее, но девочка удержалась на ногах.

— Спасибо, Макар, — неожиданно поблагодарила она, продолжая смотреть прямо.

— Кто еще меня видит? — тихо спросил студент.

— Все, кому Застава доверяет свою жизнь. Поверь, таких немного.

— Крошка, мне неловко идти с девушками к водопаду. Это все равно, что подглядывать в замочную скважину.

— Если ты думаешь, что мы будем купаться нагишом, то я тебя успокою — не в этот раз. Там Бугер, а он хоть и камень, но все — таки холостой мужчина.

— Как холостой? А мадам Бугер? Или Гугл ... — Макар прозрел, что гном над ним пошутил.

— Он тебя тоже заставил бугеровской двери кланяться? — увидев кивок, Пиу заулыбалась. — Не тебя одного. Бай — юри год перед Бугером извинялся, что не хотел его жену ниже пояса трогать.

— И Точильщик молчал?

— Они и сейчас не разговаривают. В вашем мире кошки тоже мстительные? — Крошка скосила на Макара глаза.

— Я даже представить не хочу, что такой громадный кот мог сделать с кроссовками Бугера, если бы они у него были.

— Значит, коты везде одинаковые, — заключила Пиу. — К дверям Бугера и Гугла без прищепки на носу подойти нельзя было. Никакие Пскопские домостосы и волшебные средства Йеллопухцев не помогали. Пришлось Заставу просить, чтобы она им новые комнаты вырастила. Надеюсь, ты нашим шутникам мстить не будешь?

— Спасибо, что предупредила. Я комнату Бугера стороной обходил, не мог его жене в глаза смотреть.

Крошка звонко рассмеялась.

Она была настроена доброжелательно, поэтому Макар решил ее поспрашивать.

— Пиу, а почему проходимцы называются Йеллопухцами?

— Да из — за козла одного... — Широкие поля панамы не сумели скрыть заалевшие щеки Крошки.

— Что? И тебе мужчины досадили?

— А? — Крошка сморщила носик, на котором ярко горели веснушки. — Ах, нет. Он, конечно, тоже был мужчиной, но больше козлом. В смысле настоящим козлом. Наша Застава с их миром лишь раз в год соприкасается, как раз под Рождество.

Крошка Пиу сорвала полевой цветок и покрутила его в руках.

— Тогда так неловко вышло. Я только научилась писать, а тут портал открылся, и чья — то морда рогатая свое имя проблеяла. Вот я и сделала от испуга сразу несколько ошибок. А Застава — она такая: что написано пером, не вырубишь топором. Это потом эльфы на Рождество стали в образе седобородых старцев приходить, а в одиннадцатом веке Йоулупукки еще козлом был.

Макар поверил рассказу о рождественском козле. Как — то он приехал на новый год к украинским родственникам и видел, как хлопцы ходили колядовать, надев вывернутые

тулупы и козлиные маски.

Но ему показалось странным, что имя у первого посетителя Заставы такое же, как и у финского Деда Мороза.

— Пиу, а как далеко Йеллопухцы могут уйти от Заставы?

— Да хоть на край света! Вот вервульфы, например, сегодня в Аргентину собрались. Они любители в знойных странах мяч погонять, — Крошка вздохнула. — А как вернутся, всей Заставе жарко станет. Веры после хорошего футбола ведут себя шумно, пьют много, ни одной юбки мимо не пропускают. Поэтому в кафе на обслугу выходят только те, кто оборотней осадить может или мечтает с ними в Вервульфию отправиться.

— Есть и такие?

— Почему нет? Веры парни горячие, любвеобильные. Если почуют в ком свою пару, не отстанут. Некоторые девушки так западают, что готовы за ними хоть куда. Не остановишь.

Странно было слышать рассуждения маленькой девочки о мужчинах, хотя Макар ни на минуту не забывал, что этому «ребенку» более тысячи лет.

— Далеко до водопада?

— За полем с подсолнухами.

— Крошка, ты не устала? Может, я тебя понесу?

Дюймовочка кивнула. Она была такой маленькой, что почти ничего не весила. Макар не побоялся выдать себя — Тея с девушками ушли далеко вперед. Их белые сарафаны виднелись на другом конце макового поля.

Сад, что находился по левую сторону от тропинки, и поля, что простирались справа до самого горизонта, поражали обилием красок. Жужжание пчел, жаркий ветер, волной пригибающий цветы, пение птиц в небе — все создавало иллюзию свободы. Исчезало чувство клаустрофобии, невольно просыпающееся на Пределе, где фальшивые окна открывались в никуда.

Макар вздохнул полной грудью. Все — таки Междумирье — волшебное место.

Пиу сидела на полусогнутом локте студента и доверчиво держалась за его шею. Никогда Макара не посещало желание иметь детей, но перспектива навсегда застрять в Междумирье, лишала его и такой возможности.

— Пиу, а на Заставе могут рождаться дети? Раз жители влюбляются друг в друга, значит, существует возможность появления ребенка?

— На Заставе все застывает. Я навсегда останусь маленькой девочкой, ты — молодым парнем, гном — мужчиной в самом соку, а зародыш, если таковой и был у женщины, попавшей на Заставу, так и останется неразвитым. За долголетие приходится расплачиваться. Многие только потому и соглашаются уйти с проходимцами, чтобы иметь детей. Ты не смотри, что Йеллопухцы сильно отличаются от Пскопских. Шагнешь в их мир, и магия сделает вас совместимыми.

— Окси, попади она в Гобляндию, стала бы гоблиншей?

— Она бы даже не заметила, как изменилась.

Сад резко закончился, и Пиу оживилась.

— Ловец, смотри, водопад! Опустит меня. Дальше я сама пойду. А ты иди к Бугеру. Вон, он греет бока на солнышке.

Макар заметил знакомые очертания валуна, стоящего на берегу овального озера. Бугер органично смотрелся рядом со скалами, что с трех сторон окружали водоем. Мини — Ниагарский водопад с грохотом падал вниз, делая воду непрозрачной из — за обилия

пузырьков и воздушной пены. Вода словно кипела. Лишь небольшая полоса у самого берега была кристально — чистой и спокойной.

Девушки быстро раздевались, скидывая на песок сарафаны и обувь.

— Ой, а у меня нет купальника! — выкрикнула Надежда. — А можно я в трусиках искупаюсь?

— Рядом с нами мужчины, — предупредила Галатея, показывая на Бугера.

— Но он же каменный! — засмеялась Надя и быстро сняла платье.

«Зато я — нет», — мысленно застонал Макар. Он ожидал, что у новенькой хорошая фигура — ее мыслеграмма достаточно четко показала и открытые плечи, и гладкую спину, но все, что находилось ниже, открылось только сейчас, и напомнило Макару, что он молод и полон сил. Крошка Пиу, заметив его загоревшийся взгляд, бросила в него своей панамой и отвернулась. Кончики ее ушей ярко горели. Макару пришлось спрятаться за Бугера, который встретил его раскатом падающих камней, сильно смахивающим на смех.

— Мы еще поговорим о твоей жене, — пообещал ему Макар, понимая, что и Бугер его видит. Смех прекратился.

Студент упал на песок и привалился спиной к нагретому на солнце Бугеру. Закрыв глаза, он лениво прислушивался к разговору, гадая, узнает ли среди всех голос Нади.

— Как же! Жди! Придет он за тобой! — Окси с кем — то переругивалась. — После того, что ты отколола...

Ее язвительный голос узнать было довольно легко, как, впрочем, и писклявый — Крошки Пиу.

— Ничего я не отколола, — ответила Окси обладательница звонкого голоса. — Слишком много прыти у Захара, вот и пришлось осадить. Пусть свои лапы при себе держит, пока альфой не станет.

— Ганна, а если он не станет вожаком стаи? Неужели только из — за этого с любимым расстанешься? Ты же не Окси, — вступила в разговор Пиу. Ее сандалики полетели туда же, где уже лежала панамка. Следом приземлился фартук, из кармашка которого выкатилась чернильница — непроливайка.

«Интересно, где Крошка на этот раз свой фолиант бросила? Ей столько веков, а ведет себя беспечно, как трехлетний ребенок».

Макар выглянул из — за Бугера. Пиу в майке и трусиках робкими шагами шла по мелководью. Вода была холодной, и кожа девочки покрылась мелкими пупырышками. Прижатые к тщедушному телу локти, тонкая шейка, цыплячьи ножки делали ее особенно ранимой, беззащитной. Рядом с Дюймовочкой Окси, уткнувшая руки в крутые бока, казалась великаншей. Ярко — розовый купальник почти не прикрывал пышное тело блондинки. Макар опять спрятался за камень.

— Ой, девочки, да я так, сболтнула для острастки. Помурьжу парня еще пару недель и соглашусь замуж выйти.

— Ага, сильно он мурыжится. Что — то я не видела твоего суженого — ряженого в два последних соприкосновения с Вервильфией. Не пришел мальчик мячик погонять...

— Окси, откуда в тебе столько злости? — кто — то вступился за Ганну.

— А чего она лицемерит? Гордую из себя строит — люблю, но до тела не допущу. Будь он альфой, Ганка сразу бы своему псу на шею кинулась.

— Окси, следи за словами! — строгий голос Галатеи звучал совсем рядом. Видимо, она

сидела с другой стороны Бугера. — Еще раз назовешь вервильфов псами, и они тебя покусуют.

— Если они не покусуют, то я — наверняка. Я еще не забыла, как ты моему Захару глазки строила.

— Ой, да нужен мне твой пес! Будь он принцем, я бы еще подумала, а так... Только блох ловить.

— Оксана! Ты меня знаешь, — Галатее говорила тихо, но от звучащих в голосе зловещих нот по спине пошел озноб. — Забыла, как с зашитым ртом сутки ходила?

— Вот вы все такие. Ведьмы. Чуть что сразу рот зашивать. Вон к Ганке магию молчания примените, ей рот все равно не нужен. Захара след простыл, а больше никто к ней целоваться не полезет.

— Окси!

— Все, молчу. Эх, расступись народ! Королева купаться изволит!

Скалы эхом отражали громкое «ух» и «ах» плещущейся Окси.

Наглотившись воды, закашлялась Крошка Пиу.

— Нет, так купаться невозможно. Малышка, давай я тебе волосы отожду, — это был голос Надежды. — Меня тоже волной от Окси чуть на скалы не выбросило.

— Эй, новенькая! Я все слышу!

— Окси в воде быстро устает, — Крошка Пиу шмыгала носом. — Как выйдет на песочке позагорать, можно будет безопасно поплавать.

— Я так и сделаю, милая. Пойдешь со мной?

— Нет, спасибо, я и так нахлебалась. Я на Заставу пойду. Вервильфы вот — вот появятся. А мне нужно еще за книжкой к Хочь — Убею зайти, может, у волков новые игроки в команде появились. Надо будет портреты этих проходимцев нарисовать.

— Тебя проводить к Хочь — Убею?

— Меня Тея проводит.

В поле зрения Макара появилась Крошка Пиу, на голове которой тюрбаном было накручено полотенце. Подхватив одежду, она побежала к Галатее, которая уже поджидала ее на тропинке. С ней уходила часть девушек. Все они распустили влажные волосы, отчего стали похожи на русалок. Даже Тея выглядела иначе — не собранные в тугий пучок волосы делали ее азиатскую красоту более мягкой, утонченной. Ведьма, ласково улыбаясь подбежавшей Пиу, подхватила ее на руки и расцеловала в обе щеки.

«Сколько же на Заставе женщин, которые никогда не будут иметь детей?»

— Ох! Хороша вода, да больно холодна! — Земля дрогнула. Это на песок со всего маха бухнулась Окси.

Макар опять высунулся из — за Бугера и замер — в воду осторожно входила полуголая Надежда. Окси, обернувшись через плечо, провожала ее прищуренным взглядом.

«Еще бы, — усмехнулся Макар, заметив закусенную губу блондинки. — У новенькой фигура отпад. Рядом с такой Окси точно проиграет бой за принца».

— Ганна! Ганна! — На тропинке появилось трое парней спортивного вида. — Беги скорее на Заставу. Твой Захар явился! Он стал альфой!

— Ох, мамочки! — ахнула чернявая девушка. Путаясь в ляжках, она торопливо надела сарафан. Ее подружки тоже принялись собираться, перемигиваясь и пересмеиваясь. У Ганны от их шуток запылал румянец смущения.

Окси, брезгливо осмотрев подошедших парней, оделась и, напевая одну из

легкомысленных песен Бианки, которую Макар возненавидел после знакомства с Натой, неторопливо направилась следом за стайкой смеющихся подруг.

Макар тоже поднялся, но тревожный рокот Бугера заставил его остановиться.

— Что? Я не понимаю? — зашептал он, наблюдая, как парни снимают рубашки, намереваясь поплавать в опустевшем озере.

Рокот повторился, и Бугер дернулся. Макар никогда не видел, как передвигается валун, подозревая, что тот может скользить по поверхности, как утюг по ткани. Но Бугер тронулся с места так, словно был шагающим истуканом с острова Пасхи.

— А, Бугер! Привет! — один из парней махнул валуну рукой. — Пойдем, поплаваем?

В ответ опять раздался рокот, и валун сделал еще пару «шагов» в сторону озера, и только тут Макар заметил, что на берегу лежат чьи — то женские туфли. Валун застыл возле них, словно подавая знак бестолковому Макару.

Догадка обожгла. Макар помнил, что Надя зашла в озеро, но не заметил ее среди подруг Ганны! Быстро оглядев поверхность водоема, он нашел девушку недалеко от водопада. Она, погрузившись в пену по самые глаза, напряженно всматривалась в парней, которые уже снимали брюки. Надежда не могла выйти! Макар схватил бы ее платье, но кроме обуви на берегу ничего не оказалось. Неужели Окси специально унесла с собой одежду новенькой?

Парни переговаривались, обсуждая какой — то матч, и совсем не обращали внимания на Бугера, который подобрался к самой кромке воды. Невидимый Макар побежал в сторону скал. Ближе к водопаду он, стараясь не выдать себя плеском, спустился в озеро и, поднырнув, поплыл к девушке. Ее губы посинели от холода, но она боялась даже пошевелиться, чтобы не выдать свое присутствие.

Макар, держась за спиной Нади, прямо в воде стянул с себя майку и толкнул в сторону новенькой. Когда ткань коснулась плеча Надежды, та вздрогнула, но разглядев, что к ней приплыло, расправила майку и не без труда надела на себя.

— О! Русалка! — закричали парни выбравшейся из воды девушке и призывно замахали руками. — Иди к нам! Никак замерзла, деуля?

Но Надя, на бегу ухватив туфли, уже летела в сторону сада. Только по редким всхлипам Макар догадался, что она плачет. Боясь напугать еще больше, он следовал за ней поодаль. Только на Заставе, когда Надя забежала в свою комнату, выдохнул с облегчением. Ему и самому хотелось переодеться: мокасины хлюпали от воды, а штаны противно прилипли к телу.

Глава 10. Какая свадьба без драки? Окси — царь горы

Комната Макара оказалась открытой. Живя на Заставе почти неделю, он до сих пор не мог понять принцип работы дверей: действительно ли перед каждой нужно произносить «пожалуйста» или это очередной розыгрыш Бай — юрна и Ко?

Усомниться Макара заставил тот факт, что он, возбужденный спасением «утопающих», да и чего греха таить, соблазнительными формами Надежды, забыл произнести волшебное слово. Только зайдя в комнату, студент понял, что дверь его беспрепятственно пропустила, стоило лишь тронуть ручку.

Ну и как хранить секреты, если любой желающий может прийти к тебе в самый неурочный час? Светить голым задом при переодевании и быть беззащитным во время сна?

— Я недоволен, — вслух произнес Макар, помня, что Застава слышит каждого. — Кто хочет тот и заходит? Никакой личной жизни.

Застава ответила голосом Бай — юрна:

— Ты, Макарка, войди в положение. Где еще спрятаться несчастному коту, как не у тебя, будущего спасителя всея Заставы?

Из — под кровати появилась голова местного психолога. Уши плотно прижаты, в глазах выражение свойственное несчастным котам. «Пушистик» явно видел студента, хотя Макар еще не снял шапку — невидимку.

— Кого вы боитесь? — Сам факт того, что старожил Заставы не чувствует себя в безопасности, заставлял поразмыслить.

— Вервильфов, — Бай — юрн понизил голос. — Ну, ты понимаешь, это вечное противостояние котов и собак. Хоть они обиделись на Окси, когда та сказала, что от них пахнет псиной, но истина где — то рядом. Эти волки кругом, куда ни глянь. — Бай — юрн покосился на приоткрытую дверь. — Приперлись за новым вожаком почти всей стаей. Попробуй за такой толпой уследить. Они и в саду, и у озера, говорят, даже в гараже у Хоча их видели. А ну как на меня наткнутся?

— Но вы же находитесь на Пределе. Здесь безопасно. Никто добровольно не захочет стать пленником.

Хотя Макар и не понимал волнение кота, дверь все же прикрыл.

Огромный Бай — юрн, вылезая из — под невысокой кровати, стонал и кряхтел. Простыня, зацепившись за его плечи, потянула за собой подушку и одеяло, и вскоре вся постель оказалась на полу.

Раздраженно стряхнув с себя ношу, кот перешел на свободное место, где грузно осел, растопырив задние лапы. Его ничего не заботило, кроме своей беды.

— А вдруг кому взбредет в голову вызвать меня за границы Предела? — поднял он на Макара несчастные глаза. — Той же самой Исиде при соприкосновении с Бесовским миром или Гуглу рыбку почистить?

Бай — юрна захотелось утешить, погладив по широкой спине.

— Я сильно переживаю, что не успею добежать до Предела. Ты же видишь, какой я. Как пить дать догонят и попортят шкурку Барсику.

Кот вздохнул.

— Это волки мне такую кличку дали. Ты их видел? Футболи — с-с — с-ты, —

презрительно прошипел он. — Вот и отсиживаюсь у тебя. Здесь точно никто не станет искать. Да и научить тебя надо, как действовать, если на меня волки нападут...

Макар снял с головы шапочку и заметил, что взгляд кота стал заинтересованным.

— Что?

— Ты, оказывается, весь мокрый. Не обращай на меня внимания, переодевайся.

Макар нахмурил лоб. Выходит, тот, кому доверяет Застава, знает, кто скрывается под шапкой, но понятия не имеет, что на нем надето?

У Макара заныло в животе, когда он вспомнил, как его ущипнула за зад Тея, и как покосилась Крошка Пиу. Неужели они не видели одежды, и он зарисовался перед ними в первоизданном виде? Бугер и Хочь — мужики, они не в счет.

— Скажите, Бай — юрн, каким вы меня видите, когда я в шапке — невидимке?

— Ты прозрачный словно желе. Эдакий мармеладный человечек.

— И просвечивает все, что находится ниже пояса?

— Ты, друг, не обижайся, но чему там светиться? — у кота заметно поднялось настроение: уши вновь обрели треугольную форму, а усы превратились в упругую щетку. — Ладно — ладно. Я пошутил. Через тебя, Птичка, можно разглядывать предметы, поэтому остается только догадываться, где у тебя зад, а где перед. Я тебя успокоил?

— Слабо. Но после того как пришлось всей Заставе доказывать, что я не скопец, прозрачный зад — такие мелочи.

Бай — юрн поерзал на месте.

— Пол что — то у тебя холодный. Ты бы коврик какой у Заставы попросил.

Оглядевшись, кот направился к креслу, стоящему у окна. Запрыгнув в него, Бай — юрн покрутился, устраиваясь поудобнее. Плетеное сиденье под тяжестью кота жалобно скрипнуло.

— И что я должен сделать, когда за вами погонятся волки? — этот вопрос Макар задал, уже находясь в ванной комнате, где собирался умыться и переодеться в сухую одежду — в шкафу он нашел джинсы и светлую рубашку. С недавних пор ему стало не все равно, как он выглядит.

— Только то, что в твоих силах.

— Если вы хотите, чтобы я встал на пути волков, то тут лучше к Бугеру обратиться, — Макар вытащил зубную щетку изо рта и сплюнул. — Я видел этих парней и кубики на их животах. Легко снесут. И даже если я остановлю время, это мало поможет. Замрут все, в том числе и вы, а как отомрут, погоня продолжится.

Кот, чтобы не перекрикивать шум воды, дождался, когда Макар выйдет. Отметив причесанные на косо пробор волосы, тщательно выбритое лицо, хорошо подобранную одежду, Бай — юрн задумчиво почесал когтем переносицу.

— Куда это ты вырядился? Тебя же никто не увидит.

Макар молча сунул шапку — невидимку в карман. Подойдя к шкафу, порылся в обувных коробках, которые заметил еще утром. Выбрав полукеды, сел на кровать и принялся натягивать носки.

— Макар, я хочу, чтобы ты меня выслушал. То, что я скажу, очень важно. Это поможет сбереечь не только мою шкуру, но и чью — то жизнь.

— Я слушаю, — студент прервал свое занятия, оставаясь в одном носке.

— Если вдруг за мной погонятся волки, ты должен повернуть время вспять. До того

самого момента, когда им еще в голову не взбрело поохотиться за мной. Как только дойдешь до безопасной точки, пнешь меня под зад, чтобы я спрятался. Нет кота, нет погони, нет испорченной репутации.

— А память останется?

— А кто из нас помнит будущее? Разве что ты, да и то, пока время отматываешь. Но как только события двинутся по новому пути, ты тоже не будешь знать, что ждет впереди. Ну что? Все понял?

— Как не понять? — Макар театрально развел руками. — Схема простая: увидел, что гонятся — повернул время вспять. Но одно мне неясно: как я это сделаю? Я его едва останавливаю...

— Ты у нас кто? — кот задрал коготь и потряс им, придавая вес словам. — Ловец времени. А значит, эта эфемерная субстанция в твоих руках. Хочешь — остановишь, хочешь — назад повернешь. Главное, захотеть. На всплеске адреналина ты все что угодно со временем сделать можешь.

— И в будущее заглянуть?

— Нет, это опасно. Будущее покрыто туманом, не то, что прошлое, где все известно и понятно. А ну как этот туман ядовитый?

— Что — то я сомневаюсь, что смогу время вспять повернуть, — Макар вновь занялся носками. Натянул второй и, наклонившись, расшнуровал полукеды.

— Потренироваться бы тебе надо, и все получится. Помнишь, как ты в первый раз время остановил? Всего — то на несколько секунд. А во второй, когда гоблины Окси тащили, уже на полминуты. А когда перед злющим Хочь — Убеем в позу встал, точно гораздо больше минуты прошло. Он сам поразился, как быстро ты учишься. Так и с откатами назад. Во всем нужна сноровка, закалка, тренировка.

— А вдруг не получится?

Макар представил, как стая волков бежит за котом, а тот оглядывается и орет: «Лове — е—ец, помоги!», а у него ни одной мысли в голове.

— Как психолог советую научиться вызывать правильный настрой. Вот в какие моменты в тебе просыпается ловец?

— Когда я понимаю, что кто — то в опасности.

— Представь эту ситуацию, вспомни, кого ты хотел защитить и что при этом испытывал.

Макару не захотелось вспоминать Окси. Гораздо приятнее думать о Надежде. И чувства в этот момент были острее. И трава зеленее. И солнце ярче. И Надя в своей радости такая красивая. А Хочь — Убей несется на нее как бык на тореадора.

— Вот — вот — вот! Вижу, ты поймал! Закрепи в себе всплеск эмоций. А теперь представь часы. Стрелка замирает, дергается, и начинает двигаться назад.

Но Макар представил песочные часы, которые так поразили его в кафе. Вдруг песчинки в них застыли, и, не долетев вниз, противоестественно заструились вверх.

— Ты у нас кто? — кот задрал коготь и потряс им, придавая вес словам. — Ловец времени. А значит, эта эфемерная субстанция в твоих руках. Хочешь — остановишь, хочешь — назад повернешь. Главное, захотеть. На всплеске адреналина ты все что угодно со временем сделать можешь.

Макар сглотнул. Кот повторял слово в слово то, что он произносил совсем недавно. Посмотрев на свои ноги, студент не поверил своим глазам — на нем опять был лишь один

носок.

— В туманное будущее я, значит, заглянуть не могу? — решил уточнить студент. — И во всем нужна сноровка, закалка, тренировка?

— Д — д-а... — растерянно произнес кот.

Макар опять представил песочные часы со струящимся вверх потоком. Он даже расслышал шелест песка.

— Ты у нас кто? — кот задрал коготь и потряс им, придавая вес словам. — Ловец времени. А значит, эта эфемерная субстанция в твоих руках. Хочешь — остановишь, хочешь — назад повернешь. Главное, захотеть. На всплеске адреналина ты все что угодно со временем сделать можешь.

Макар надел второй носок, сунул ноги в полукеды, завязал шнурки и встал с кровати.

— Я понял. Я — Ловец времени. Что захочу, то с ним и сделаю. Ну, я пошел? — студент уяснил, что, отматывая короткие отрезки времени, он хорошо помнит, ушедшие события.

«Интересно, а если придется убрать целый пласт, сохранится о нем память или нет?»

Решив подумать об этой проблеме позже, когда научится смелее обращаться с «эфемерной субстанцией», Капец переступил порог своей комнаты.

— Давай, Макарка. Не подведи, — напутствовал его громким шепотом Бай — юрн, собираясь вновь втиснуться под кровать. — А я пока в твоей комнате посижу. Чтобы перед верами хвостом не крутить.

В кафе оказалось многолюдно. Или лучше сказать много — видно и много — расно. Скалой над всеми возвышался Бугер. Макар до сих пор не понимал к какому виду живых существ относится этот валун. Чуть ниже по росту были лишь вервульфы. Но они тоже выглядели каменными глыбами: черная кожаная одежда не скрывала накачанных бицепсов, трицепсов и прочих «псов». Мощные шеи украшали цепи с палец толщиной и скорее напоминали ошейники, чем мужские украшения. Из — под распахнутых воротов косух, надетых на голое тело, виднелись сложные многоцветные татуировки.

Вервульфы держались особняком. Сдвинув столы в сторону, они нечеткими рядами встали вдоль стены. В центре рокерской композиции находился самый рослый вер. Его золотая цепь весила, наверное, не меньше пяти килограммов и венчалась пятиконечной звездой. Волчий шериф скорее всего и был новым альфой стаи. Захар держался расслабленно, его загорелое лицо не выражало никаких эмоций.

На противоположной стороне — у барной стойки, где в поте лица трудился Сапфир, разливая коктейли и напитки, скопились жители Заставы. Слышался игривый женский смех, глазки так и стреляли в сторону веров, которые встречали обстрел обнаженной грудью — молнии на косухах разъезжались все шире и уже не скрывали кубики подтянутых животов, отчего смех у женской половины Заставы становился все более игривым, а обстрел набирал силу.

В центре разношерстной композиции пограничников стояла победно улыбающаяся Ганна. Как же! Ведь ее веры пришли сватать. Ради нее Захар альфой стал, значит, любит и никуда не денется, можно и покапризничать. Нарядное платье, броский макияж, веночек из роз на голове, делали Ганну яркой и выделяющейся. Вокруг нее хороводились подружки в венках небольшого размера и с менее широкими улыбками. Кое — кто даже закусывал от зависти губу. Когда девица сдула упавшую на лицо прядь, Макар узнал Окси. Тонны косметики сделали блондинку почти неузнаваемой. Даже боязнь мести вервульфов не смогла оставить Окси в стороне от праздника жизни.

«Кто же знал, что рядовой пес станет альфой стаи? По сути, Захар сейчас равен даже не принцу — королю. Да, Окси. Прогодала», — Макар наблюдал за ней со стороны и видел, как она злилась. Если бы взглядом можно было сжечь, Ганна полыхала бы как средневековая ведьма на костре.

Кто — то из веров кашлянул, и гомонящая толпа заставских стихла. Ганна только двинула плечом, и подруги перед ней расступились. Сделав пару шагов вперед, девушка гордо задрала подбородок и устала руки в бока. Ее бровь взметнулась вверх, говоря о том, что хозяйка ждет выступления жениха.

Жених остался на месте и, вопреки чаяниям строптивой девушки, не припал к ее ногам. Бровь Ганны медленно заняла привычную позицию, но подбородок задрался еще на пару сантиметров выше.

— Я, Захар, из рода Снежных волков, — рокочущий голос жениха окончательно утихомирил пограничников, — хочу взять в свою стаю одну из вас.

Ресницы Ганны дрогнули.

— Как в стаю? Не замуж, а в стаю? — зашептались подруги за ее спиной, но Ганна повела плечом и шепот прекратился.

— Я готов позвать за собой Ганну и стану ей верным мужем, если она немедленно и без выпендрежа ответит «да». Если она продолжит ломаться, то моей волчицей станет первая попавшаяся среди вас. Я сказал.

Да, шанс стать царицей волков Окси упустить не могла. Словно ледокол, ломающий вечные льды Арктики, пробивала она локтями путь в первые ряды — до того сильно было ее желание сделаться той самой первой попавшейся.

Подруги Ганны, растерявшиеся поначалу, крепче сомкнули свой строй, и не дали пробиться Окси вперед. Та же, в стремлении получить желаемое, пошла тараном. Ведь не простой волчара готов замуж взять, а самый настоящий волчий король!

Ничто не устоит под натиском блондинки. В итоге, невеста была похоронена под телами попадавших, как костяшки домино, подруг, а сверху, словно царь горы, стояла Окси, не хуже Ганны упирая руки в крутые бока.

— Время вышло! — возвестила она. — Ганна не сказала своего «да». Давай лапу, альфа! Я — твоя избранница!

На кухне Гул трижды нажал на звонок. Сапфир побросал бутылки и достал из — за барной стойки цепь. Жители Заставы начали отступать, стараясь сделаться незаметными. Бугер резко стал популярен, и за его спиной скопилась уйма народа. Все это происходило в тишине, нарушаемой лишь стонами подмятых под пятой блондинки подруг.

Макар напрягся. Он видел, что Окси напрочь выкинула из головы, как обзывала вервульфов псами, но те точно не страдали короткой девичьей памятью. Их не обманул и чрезмерный макияж блондинки — они потянули носами, и глаза их разгорелись. Но не огнем вожделения полыхали они. В них читалась ненависть.

Послышался шум расстегиваемых молний, и на пол полетели косухи. Все веры, исключая вожака, у которого не дрогнул ни мускул на лице, приняли высокий старт.

— Окси, беги! — словно выстрел пистолета прозвучал голос гнома.

— Батюшки! — охнула глупая девица, враз осознав, что сейчас произойдет страшное, и рванула в сторону Предела. Волки полуголой лавиной кинулись следом. Их ничто не могло остановить. Бугер, попытавшийся упасть набок, чтобы преградить путь в коридор, только подмял под себя незадачливых пограничников — веры же легко его перепрыгнули.

Оказавшись в самой гуще событий, Макар как ни старался, не смог быстро проскочить все препятствия, вдруг оказавшиеся на его пути. Запрыгнув на поваленного Бугера, он успел заметить, как Окси метнулась к лестнице, ведущей на Предел, но преследователи были лишь в шаге от нее. Их лапищи, украшенные татуировками, хватали воздух, когда блондинка, желая остаться непокусанной, то пригибалась, то отскакивала в сторону.

С громким криком «Мя — у—у — у!» откуда — то сверху выпрыгнул Бай — юрн и повалил преследователей. С неожиданной для такого тяжеловеса сноровкой, он быстро поднялся и кинулся по коридору вдаль, надеясь увести оборотней в сад, но Окси как добыча была для вервульфов более желанной, и поток полуголых тел все — таки устремился за ней.

— А — а—а! — заверещала блондинка, когда чья — то лапища схватила ее за ногу и повалила на лестницу.

Макар, с бешено колотящимся сердцем, постарался сосредоточиться и представить песочные часы. Но песчинки в его кривых часах, лишь неловко подпрыгивали, пытаясь достигнуть узкого зева, и скатывались назад, не в силах противостоять льющемуся сверху потоку.

И только когда Макар увидел в толпе растерявшуюся Надежду с глазами полными слез, песчинки в эфемерных часах превратились в жужжащий рой пчел, который устремился в верхнюю колбу, словно она была густо измазана медом.

Тональность крика Окси изменилась. Вроде тоже самое долгое «а — а—а», но звук как — то странно обрывался. Волосатая рука, схватившая ее за щиколотку, отпрянула, а Окси, как восстающий мертвец (бледное лицо с потекшим гримом соответствовало пришедшему на ум сравнению), резко оттолкнулась от лестницы и побежала спиной вперед.

Все пришло в обратное движение. Чем быстрее летел песчинки в часах, тем быстрее двигались фигуры. Иногда скорость оказывалась такой большой, что мимо Макара проносились тени. Вот качнулся Бугер и от него отхлынула толпа, вот девушки, поднявшиеся после бегства Окси, вдруг опять повалились в кучу, и на нее все также спиной вперед вбежала блондинка. Она что — то провякала каркающим голосом и скатилась с горы тел, которые тут же выстроились стеной, отделив Ганну от соперницы. Сапфир спрятал под прилавок цепь, а тишину трижды разрезал неправильный звонок.

Как только Окси отошла к задним рядам, а Захар выступил с короткой и какой — то гавкающей речью, Макар накинул на голову блондинки снятую со стола скатерть и с подскочившими помощниками потащил на кухню. Мурила плотно закрыла за собой дверь.

Между тем, Захар заканчивал свой спич, который хорошо слышала через раздаточное окно завернутая в скатерть Окси.

— Я готов позвать за собой Ганну и стану ей верным мужем, если она немедленно и без выпендрежа ответит «да». Если она продолжит ломаться, то моей волчицей станет первая попавшаяся среди вас. Я сказал.

— Да! — выкрикнула Ганна и полетела в объятия будущего мужа, который, видя радость на лице невесты, широко развел руки. Подхватив ее, Захар закружился по залу, а все находящиеся в кафе начали хлопать.

— Да здравствуют наш альфа и его невеста! — гаркнули хором веры, а Сапфир нажал на кнопку стереосистемы, и зазвучала громкая музыка, приглашающая праздновать столь важное событие.

Никто кроме Макара, гнома и двух подруг — Мурилы и Петры, не знал, как им пришлось тяжело на кухне, когда они сняли с Окси скатерть. Она сыпала проклятиями, била

посуду, швырялась кастрюлями, обвиняя похитителей в том, что они лишили ее шанса стать царицей волков. И все четверо «похитителей» озадаченно смотрели друг на друга, не понимая, чего это им вздумалось накинуться на Окси и потащить ее на кухню.

— Ведь покусали бы, собаки! — подытожил гном, уклоняясь от летящих в его сторону вилок. Мурила и Петра держали оборону за посудным шкафом, прикрываясь крышками от больших кастрюль.

— Точно! От этого и спасали! — успел поддержать друга Макар и встретил лицом половник, отчего жизнь его окрасилась радужными красками.

А на Заставе между тем произошло еще одно соприкосновение. Пожаловали бесы. Хитрые и лживые твари.

Глава 11. Нашествие бесов. Поцелуй как спасение

Сигнал тревоги прервал истерику Окси. Рев гудка рвал воздух и заставлял сердца выпрыгивать от страха. Петра, бросив крышку от кастрюли, зажала уши ладонями. Крышка, покотившись по полу, прибавила к какофонии звуков дребезжание, что еще больше ударило по нервам.

— Что это? — Макар обернулся на побледневшего гнома.

— Бесы, — коротко ответил тот и нырнул куда — то вниз.

— Ой! — взвизгнула Мурила, и, взглянув на песочные часы, потянула Петру за подол платья. Когда та присела, крепко обняла подругу.

Часы словно сошли с ума. Колба вращалась так быстро, что гравитация разметала песчинки, и их движение прекратилось.

— Да объясните же толком! — не выдержал студент, хлопнув по металлическому столу подобранным половником.

— Тише, Птичка! Нельзя шуметь. Иначе всем капец... — Гном вынырнул у раздаточного окна и потянулся, чтобы его закрыть. — Ну вот, теперь сидим тихо, никуда не высовываемся.

Когда он повернул защелку и на полусогнутых ногах двинулся в сторону застывших друзей, Окси вскрикнула и схватилась за сердце — Гугл был в противогазе.

— Это что за спектакль? — Макар даже растерялся.

— Несанкционированное касание бесовского мира! — шепотом произнес Гугл и задрал вверх толстый палец. — Кто не спрятался, рискует жизнью.

— А противогаз зачем?

— Чтобы бес не вселился, если сюда просочится.

Гугл подхватил с крючков кухонные полотенца и начал подтыкать ими щель под дверь, что вела в порталный коридор.

— Чего замерли как каменные изваяния? — цыкнул он на женщин. — А ну марш в холодильник. Да скатерти не забудьте прихватить, обмотаетесь ими, чтобы не замерзнуть. Мурила, крутани регулятор на плюс. А ты, Макарка, иди сюда.

Проследив, что женщины выполнили его приказ, и дверь в холодильник закрылась, гном зашептал:

— Надевай шапку — невидимку и дуй в кафе, может, кому из наших помощь понадобится. Надо будет проследить, чтобы не сидели с разинутыми ртами.

— Я не понимаю, — так же шепотом ответил Макар, но шапку из кармана достал. — Кто такие бесы, и причем тут разинутые рты?

— А как еще они могут вселиться в тело? Только через рот. Давай, иди, не тяни. А я здесь женщин постерегу. Мало ли, решат сдуру, что опасность миновала и вылезут.

Макар вспомнил, как в их поселке столетняя баба Дуся при зевании крестила рот.

— И что делать, если рот открыт? — поинтересовался Макар, напяливая шапку. Ему вдруг представилось, что он будет бегать от одного разинутого рта к другому и осенять их крестным знаменем.

— Просто закрыть! — рывкнул гном и, резко распахнув дверь, ведущую к барной стойке, вытолкнул Макара в кафе.

За спиной щелкнула задвижка, и послышался шорох — гном законопачивал щель под

дверью очередным полотенцем.

На барной стойке стоял Сапфир и внимательно смотрел вниз. Услышав шаги Макара, обернулся и прижал палец к губам.

«Вот еще один, кому доверяет Застава. Тоже меня видит», — подумал Макар и, старясь не шуметь, забрался на стойку.

В кафе царила такая тишина, что можно было расслышать муху, бьющуюся в плафоне светильника.

Вдоль стены за перевернутыми столами стояли несколько пограничников и пара вервульфов. Видимо, в кафе остались только те, кто не сумел выбежать на Пскопскую сторону или скрыться на Пределе. Предводитель веров тоже не покинул Заставу. Он крепко прижимал к себе Ганну, венок которой сполз на бок, но девушка даже не пыталась его поправить. В ее глазах застыл ужас. Все напряженно вглядывались в ту сторону, где был проход в порталный коридор.

По полу пошел сквозняк — лепестки цветов закружило и понесло по залу. Одна из девушек всхлипнула, но тут же чья — то рука взметнулась и закрыла ей рот.

Сапфир тронул Макара за плечо и показал вниз. Под барной стойкой на корточках сидела Надежда. Даже отсюда было заметно, как ее трясет. Она с тоской смотрела туда, где сгрудились веры и пограничники, как никогда ощущая свое одиночество. Макар жестом показал, мол, давай поднимем новенькую на стойку, но Сапфир одними губами произнес: «Не успеем».

Действительно, не успели бы. Из коридора появилась голова какой — то мерзкой твари. Совершенно безволосое существо со склизкой кожей землистого цвета выползло на четырех конечностях из — за угла и внимательно оглядело кафе. От ее прищуренного взгляда не скрылись ни стоящие у стены люди, ни Надежда, ни Сапфир. Потянув плоским носом воздух, тварь сделала несколько шагов вперед. Ее длинные ноги сгибались под неправильным углом, что делало нечисть еще более отвратительной. Когда она застывала, в ход приходили тонкие руки, которые, скользя по полу, ощупывали все, что попадалось на пути. С долей фантазии можно было представить, что по залу неспешно движется огромная мягкотелая саранча.

Первый бес оглянулся, послышалось шипение, и из порталного коридора показались еще двое. Они двигались так же бесшумно, как и первая особь. Разделившись, бесы поползли вдоль стен, ловко проскальзывая между ножками поставленных на бок столов и стульев. Страшные существа легко меняли пропорции тела, в случае необходимыми становясь плоскими и гибкими как ленточные черви. Теперь Макар понял, почему гном затыкал щели — такое мерзкое создание легко могло пролезть не только под дверь, но и в любую дыру.

Макар отметил, как напряглись веры, стоявшие с краю, как женщины плотно сомкнули губы или даже закрыли руками, боясь закричать от страха.

Одна из тварей, поравнявшись с Надеждой, резко развернулась, и девушка от неожиданности села на пол, но к счастью не вскрикнула, так как по примеру остальных закрыла рот ладонями.

Макар, не зная, чего ожидать, осторожно соскользнул со стойки и встал перед новенькой. Тварь, по чьим черным без белков глазам невозможно было определить, видит она его или нет, потянула носом и сделала еще один шаг к барной стойке, но в этот момент резко открылась дверь на Пскопскую сторону, и все три беса, как по команде, развернули головы к выходу.

Запахло недавно прошедшим дождем. Лепестки цветов закружило и понесло по полу. Не по — летнему свежий ветер качнул подола платьев девушек, тронул волосы замершей Надежды.

Бесы, ускоряя шаг, направились к двери.

«На охоту пошли, сволочи», — подумал Макар. Он с удивлением увидел, что, перешагивая порог, бесы становились абсолютно прозрачными.

Отвлекаясь на них, Макар упустил из виду Надежду. Только по напрягшимся верам он понял, что она делает что — то не то. Резко развернувшись, студент сглотнул комок, появившийся в горле. Новенькая уже поднялась и стояла, отряхивая платье. Ее душили слезы, и она шумно дышала через рот. А из портального коридора вылезло еще несколько тварей, и одна из них так близко подкралась к Наде, что Макар мог увидеть в черных мерцающих зрачках свое отражение. Бес стоял на задних ногах и всем телом тянулся к новенькой, замороженно глядя той в рот.

Надя, наконец — то заметив шевеление, подняла глаза на тварь и открыла рот, чтобы закричать. Бес метнулся в ее сторону, становясь тонким и прозрачным, словно струя воздуха.

Макар не нашел ничего лучшего как прикинуть к губам девушки в глубоком поцелуе, лишь на секунду опережая беса. Надя, не соображая, что происходит, беззвучно забилась в тесных мужских объятиях. Тварь же, обретая видимую форму, резко потеряла интерес к неудавшейся жертве и поспешила в сторону двери, куда бежали и ее соплеменницы.

Когда последний из бесов растаял за порогом, а из портального коридора появилась Исида в сопровождении возбужденных происшествием пограничников, Надежда закрыла пальцами Макару нос, и он вынужден был прервать долгий поцелуй.

— Отпусти меня, — произнесла она, выворачиваясь из объятий, и краснея до кончиков ушей.

На барной стойке хмыкнул Сапфир. Под аплодисменты веров и пограничников, проходящая мимо Исида сунула что — то в руки ничего не понимающему Макару. Это что — то оказалось шапкой — невидимкой, которая слетела с головы студента во время поцелуя.

— Поздравляю, — шепнула ведьма. — Зарисовался во всей красе. И не смей отматывать время назад. Я во второй раз вторжение бесов не переживу.

Через полчаса Макар сидел в «тайном кабинете» — так он назвал командный пункт, для входа в который пришлось приложить руку к стене в определенном месте.

На этот раз сбор обошелся без сторка Игеворга. За столом сидели обе шахматные королевы — Исида и Галатея, а еще Хочь — Убей и Сапфир. У ведьм лица были напряжены, эльф развалился в кресле с таким выражением, словно все произошедшее его не касалось, а вот метаморф чувствовал себя иначе — он выглядел как кот, объевшийся сметаны, но внезапно пойманный на месте преступления.

— Если бы не система аварийного оповещения, сейчас половина жителей Заставы была бы бесноватой, — Исида положила ладони на стол, ее взгляд метнулся к той искре в трехмерном изображении, что представляла собой Пскопскую Заставу. Макар посмотрел туда же и увидел, что возле нее находятся две другие: ярко зеленая — явно Вервульфья, а вторая, уже удалившаяся на некоторое расстояние — блекло коричневая, полупрозрачная. Как пятно от кофе.

— Виноват, — Хочь опустил глаза на свои руки, в которых мял вышитый женский платочек. Под усами появилась мечтательная улыбка, которая скрылась, стоило Исиде тяжело вздохнуть. Метаморф попытался оправдаться: — Мы отвлеклись, забылись...

— Вот ты гигант, Хочь! — эльф цокнул языком. — Так увлечь женщину, что она ничего не почувствовала!

— Ну почему, ничего не почувствовала... — начал Хочь, но после смешка Сапфира замолчал.

— Как она могла не заметить надвигающийся мир, от которого даже у меня по коже пошла мурашки? — эльф передернул плечами, припоминая ощущения.

— А у меня заболела голова, — Тея нахмурилась и потерла виски, будто мигрень ее так и не отпустила.

Исида резко поднялась, отодвинула кресло и пошла вокруг стола, сцепив руки за спиной в замок.

— А меня затошнило, — негромко произнесла она. — Я решила, что Гугл опять испек булочки на маргарине, поэтому направилась на кухню. Если бы не мое желание разобраться с поваром, я бы не оказалась в порталном коридоре во время соприкосновения, и неизвестно, чем бы закончился визит бесов. Когда стена порвалась так, словно она была соткана из паутины, я сразу поняла, кто пожаловал, и успела нажать кнопку аварийного оповещения. Резкий сигнал спугнул тварей, и на Заставу прорвались лишь самые наглые из них.

— А откуда остальные узнали, что пожаловали бесы? — Макар вспомнил, как гном при первом ревушем звуке произнес короткое «бесы».

— А кто еще будет блуждать в пространстве, кроме пожирателей душ? Только эти убийцы не подписали Межмировую конвенцию. Ни одна Застава добровольно им не откроется, поэтому они всегда действуют исподтишка. Выплывают внезапно и рвут стены.

— А что теперь? Раз бесы ушли на Пскопскую сторону, значит, стоит ожидать их возвращения и еще одного соприкосновения, чтобы они убралась в свой мир? — Макару страшно было представить, что твари вновь пролезут на их Заставу.

— Нет. Их соприкосновения случайны, и бесы не могут знать, когда произойдет следующее, — Сапфир отвечал лениво, крутя кубик льда во рту. Он принес с собой бутылку замороженной минеральной воды.

— Бесовский мир никогда не возвращается за своими, — вступила в разговор Галатая. — Он словно кукушка, откладывающая яйца в чужом гнезде.

— И бесы навсегда останутся в моем мире?

— Наверд ли, — Сапфир сделал глоток из высокого стакана. — На Пскопской стороне им, скорее всего, не понравится. У вас скучно. Одно дело захватить тело мага, другое — обыкновенного человека. Если бы Сиды их не заметила, они поселились бы в телах веров или кого — то из нас, а потом перешли бы в понравившийся им магический мир в теле проходимца. И так до бесконечности — из тела в тело.

— Их невозможно убить?

— Можно, — эльф откинулся на спинку кресла. Он поднял глаза на Макара и тот понял, что ответ ему не понравится. — Только если убить само тело. До того, как из него выберется бес. Носителя лучше всего утопить или удушить. Так что, поверь мне, если бы бесу удалось опередить тебя, пришлось бы убить Надежду.

Убить Надежду звучало так чуждо и грубо, что Макар едва сам не задохнулся, только представив страшную картину смерти девушки. Он почему — то ни минуты не сомневался, что не Хочь, а именно Сапфир привел бы приговор в исполнение. Тут же, у барной стойки. Настолько холодны были его глаза. Длинные пальцы, обхватывающие стакан, всего полчаса

назад могли сомкнуться на горле несчастной девушки.

А Макар считал палачом Хоча. Сапфир — вот кто убьет и глазом не моргнет.

— Бесы обязательно вернутся на Заставу. К этому нужно быть готовыми. Сколько их было? Шесть? Семь? — Сапфир обернулся на стоящую за его спиной Исиду.

— Семь, — подтвердила она.

— Нужно будет обращать внимание на тех, кто входит в кафе с Пскопской стороны. Если мы увидим только Пскопских, без сопровождения Йеллопухцев — это бесы. И перед нами тут же встанет выбор — убить их немедленно или позволить дожидаться соприкосновения с одним из миров и выпустить их туда. Для общего спокойствия лучше убить.

Макар посмотрел на лица ведьм и Хочь — Убея. На них не отразился ужас от того, что предложил Сапфир. Убить семерых ни в чем не повинных землян только из — за того, что кто — то допустил выход бесов на Заставу? И этот кто — то, как понял студент — женщина Хочь — Убея. Видимо, она отвечает за несанкционированные касания, и так халатно отнеслась к своим обязанностям, развлекаясь в постели с метаморфом. А теперь должны погибнуть семеро землян.

— А как же межмировое соглашение о неприкосновенности попаданцев?

— Ты считаешь попаданцами бесов в чужих телах? — Сапфир ожег ледяным взглядом.

— А нельзя бесов как — то иначе изгнать? — не сдавался Макар. — Я слышал об экзорцизме.

— Очередная легенда, — поморщился Сапфир. — Я не знаю ни одного реального случая изгнания беса. Эти твари живут в чужом теле до тех пор, пока оно не износится. Но поверь мне, оно очень быстро приходит в негодность. Чем больше времени проходит с момента заселения, тем меньше существо похоже на то, что было вначале. Я понимаю, тебе хочется, чтобы была хоть какая — то надежда.

Макар не желал соглашаться. Хоть ему было неизвестно, в кого вселятся бесы, сам факт того, что человек обречен, заставлял искать выход.

— А если повернуть время вспять? И ждать появления бесов? Не дать женщине Хоча отвлечься?

Хочь с удивлением посмотрел на Макара, а Сапфир чуть не подавился водой.

— Ты еще слишком неопытен для такого большого отрезка времени, — Исиде оставалась серьезна. Тебе нужно набраться мастерства, чтобы делать все быстро и точно.

— Я попробую! — Макар решил не отступаться.

— Нет, я запрещаю! — хлопнул по столу Сапфир, и в его голосе послышались знакомые властные интонации, но Макар никак не мог вспомнить, где он их слышал. Как ни странно, никто из присутствующих не стал возражать Сапфиру, хотя тот исполнял на Заставе лишь роль бармена. «И убийцы», — напомнил себе студент.

— У меня же получилось вернуть время, когда веры бросились за Окси? — Макар посмотрел на каждого, но видел лишь недоумение в их глазах. — Это было, просто вы не помните.

— И ты не должен бы... — с сомнением произнес Хочь.

— Не знаю, как это работает, но я почему — то помню то, что должен был забыть, — начал оправдываться Макар. — И я помню, что спас Окси, повернув время вспять.

— Я догадываюсь, как это работает, — Сапфир опять вперил свой взгляд в студента. — Я видел, КАК ты целовал Надежду. Ты влюблен в нее, Ловец?

— И совсем недавно мы говорили о новенькой и о надежде, которая тебе нужна, — подхватила Галатея.

— Выходит, упоминание слова «надежда» запускает твою память, — задумчиво произнесла Исида. — Интересно.

— Но я все равно против, чтобы Ловец вернул события до момента вторжения бесов, — упрямо мотнул головой Сапфир. — У него получилось лишь раз, и риск был минимален. Разве что веры все — таки покусали бы Окси. А здесь мы рискуем тем, что у Макара не хватит сил вернуть все к исходной точке, и мы окажемся в середине процесса. Ты знаешь, что Ловцы времени не всегда сразу после работы со временем приходят в форму? Что будет, если ты сможешь вернуть время лишь до того момента, где стоишь перед Надеждой и смотришь, как бес тянется к ее рту? А у тебя и мысли не мелькнет ее поцеловать? Да что мысли? Ты и шагу не сможешь сделать и от бессилия рухнешь на пол. И как итог, мы останемся с двумя большими проблемами: бесноватой Надеждой и не менее бесноватым Ловцом времени. Бесы не упустят случая воспользоваться твоей беспомощностью, а у меня просто не будет времени запечатать твой рот поцелуем.

— Но что же делать? — временно сдался Макар.

— Ждать бесов и быть бдительными. На Пскопскую сторону никому не выходить. Это и тебя касается, Хочь. И твоей женщины, — с улыбкой закончил Сапфир.

— Мне шапку — невидимку вернуть? — Макар достал ее из кармана.

— Оставь, — вяло махнула рукой Исида. — Мало кто понял, что произошло, и откуда ты появился. Люди пребывали в шоке. Продолжай следить за Надеждой. Кстати, кто — нибудь ею занялся?

— Я послала к ней Бай — юрна, — Галатея достала зеркальце и коротко взглянула в него, облизав губы, понимая, что экстренное заседание закончено. — Сейчас пойду, вывешу график дежурств у входной двери, чтобы не прозевать появление семерых Пскопских.

— И ты не зевай, — обращаясь к Хочу, Сапфир легко поднялся и подхватил со стола пустую бутылку. — Следи за гаражной дверью. Бесы — очень хитрые твари.

Глава 12. Как пережить блокаду или для чего Наде лопата

Сил никаких не было. Аппетита тоже. Макар рухнул на кровать как подкошенный, и только хруст бумаги заставил его посмотреть, на что же он улегся.

«Спасибо» было написано круглым женским почерком на страничке, вырванной из блокнота. Под запиской лежала выстиранная майка. Та самая, которую Макар снял с себя, сидя по шею в озере.

«Выходит, Надя догадалась, кто выручил ее у водопада? Конспирации конец», — устало подумал он, перед тем как провалиться в сон.

И снился ему долгий поцелуй с Надеждой, который прерывался лишь для глотка воздуха. Тело девушки было податливым и нежным. Скользя по нему ладонями, Макар чувствовал упругую кожу — одежда, которая только что сминалась под пальцами, куда — то пропала, как исчезла и преграда, сдерживающая желание. У Макара сносило крышу, а ответный стон Нади подтверждал, что и она находится на грани.

Но вдруг чья — то рука в черной перчатке грубо схватила его за плечо и оторвала от девушки.

— Она моя! — властный голос хлестнул по оголенным чувствам.

Макар с болью наблюдал, как в Надежде гаснет огонь страсти, сменяясь равнодушием и холодностью.

— Разве тебе с ним так же хорошо? — выдохнул Макар в ее губы, пытаясь вернуть жар пламени. Но девушка его уже не слышала, на глазах превращаясь в марионетку, подвластную лишь хозяину. Даже волосы утратили свой золотистый цвет, словно солнце, только что играющее с красивыми прядями, в одно мгновение закрыли тучи. Медленный поворот головы испугал ненатуральностью, как будто бы перед Макаром стоял не человек, а оживший манекен.

Надя подняла пустые, бесчувственные глаза на того, кто находился за спиной Макара.

— Я люблю вас, мой лорд, — механическим голосом произнесла она. И эти слова не казались искренними. Они были какими — то заученными, записанными на спрятанный где — то в ее теле носитель, который включался нажатием кнопки. Так обычно отвечают говорящие куклы, и только дети могут верить, что куклы что — то чувствуют. Но Макар давно не ребенок. Он схватил Надежду за плечи и встряхнул, ожидая, что эта встряска поможет вернуть человека, но услышал лишь заученную фразу, произнесенную не для него: «Я люблю вас, мой лорд».

Рука в черной перчатке сделала повелевающий жест, и Надежда повернулась к разверзнувшейся в стене щели, за которой клубился туман.

Макар попытался помешать, встать перед ней, но рука незнакомца больно сжала плечо, не позволяя шевелиться.

Надя между тем уже занесла ногу, чтобы переступить призрачный порог. Кричи — не кричи, чужая марионетка не услышит.

Мысли лихорадочно метались, пытаясь найти выход, боль в плече отвлекала, но Макар не сдавался. Он не мог позволить Надежде уйти туда, где нет чувств, и где любовь заменяет магия. Что — то должно остановить игрушку, вновь сделать ее живой!

— Останься со мной, — прошептал Макар. И заметил, как порозовела щека девушки. —

Никто и никогда не будет любить тебя так, как люблю я...

Она обернулась, и в ее глазах появилась такая нежность, что Макару стало трудно дышать. Но рука в черной перчатке толкнула девушку, и она полетела во тьму.

— Помни меня! — донеслось откуда — то издалека. — Найди свою надежду...

Макар выплыл из сна так, будто вынырнул из воды. Задыхаясь, положил руку на грудь, где от нехватки воздуха болели легкие, а сердце заходило в бешеном ритме.

— Я найду тебя! — пообещал он, не соображая, что дает клятву ушедшему видению. Тоска от потери еще съедала его, когда Макар понял, что странное происшествие — всего лишь сон. Наступило утро.

На самом деле наступает на Заставе утро или нет, никто не знал, но за окном вновь пели птицы, а призрачный ветер трепал занавеску. Слышался лай собаки. Привычный гул просыпающегося города и шум машин немного успокоили, но завывание сирены скорой помощи вернули мысли о маме.

Как она? Выдержит ли разлуку с сыном ее больное сердце? Сейчас, когда он узнал, что может повернуть время вспять, все его желания были направлены лишь на то, чтобы научиться управлять этим даром.

Что там говорили ведьмы и Сапфир о его способности возвращать время? Существует опасность, что силы кончатся на полпути и будущее обретет новые черты, еще более страшные, чем были до того.

Макару стало не по себе, когда он всего лишь представил, что не успел поцеловать Надежду, и в нее вселился бес. Он понимал, что любой эксперимент со временем может закончиться неудачей, а то и трагедией. Он не имеет права подвергать риску тех, кто стал ему близок. Гугл, Бай — юрн, Хочь — Убей, Петра, Мурила, Надежда...

Надежда... Как быстро рождается любовь? Всего лишь один поцелуй и та девушка, которая до этого только нравилась, становится чем — то большим.

Он включил ледяной душ, чтобы смыть мысли о Надежде. Два месяца пролетят быстро, и она навсегда уйдет в мир эльфов. Макар помнил, как светилось счастьем ее лицо, когда она обрела надежду на встречу с любимым.

И опять перед глазами предстал человек в черной одежде. Не его ли рука больно сжимала во сне плечо? И почему Надя вдруг стала похожей на бездушную куклу, если она искренне любит ректора Дагара?

— Эй, очнись! — сам себе сказал Макар. — Так ты скоро будешь сны принимать за действительность. Оттуда недалеко и до дурки.

В кафе после вчерашнего нашествия бесов царила необычная тишина. Нет, зал не был пустым, за большим столом сидели все те же. Но пограничники не бросались шутками, никто шумно не дул на горячий чай, налитый в блюдечко, не вел разговоры ни о чем. Даже Бугер смотрелся черным утесом, а не парнем — рубахой, позволяющем писать на своем каменном боку все, что взбредет в голову какому —нибудь Васе.

Макар сел на привычное место возле Гугла. Тот сосредоточенно пытался откусить сахар от большого куска, мусоля его в коротких пальцах, пробуя его то на один зуб, то на другой. Услужливая Мурила положила рядом с гномом щипцы, но тот проигнорировал их, думая о чем — то своем.

Почти все пограничники были хмуры и ели молча.

— С кем сегодня ожидается соприкосновение? — тихо спросил Макар у Гугла.

Тот, прежде чем ответить, тяжело вздохнул, положил не поддавшийся зубам кусок

сахара на тарелку и вытер пальцы о скатерть.

— Трудно сказать. Вервульфы разнесли по всем мирам, что через нашу заставу прошли бесы, и теперь проходимцы боятся сунуться к нам. Блокада продлится как минимум неделю, а то и месяц, пока бесы не уйдут в какой — нибудь мир, сдуру прикоснувшийся к нашей Заставе.

— И что это значит?

— А значит это, Макарушка, то, что притока магии в ближайшее время ждать не придется. А нет притока — Застава посадит всех на голодный паек. Тем более что бесы, явившись вчера, знатно повысасывали запасы магии на Заставе.

— Дышат они ей, что ли?

— У них в истинном виде обмен веществ такой должно быть. Вдыхают магию, выдыхают черт знает что. Вот как поселятся в каком — нибудь Пскопском, начнут, как и все мы, вдыхать кислород, а выдыхать углерод. Верно говорю? Не силен в химии. Я больше по мозгам. Под татарским соусом.

Макар рассеянно кивнул.

— Так что, Макарка, отныне чудес будет поменьше, работы руками побольше. Сад — огород, гараж Хочь — Убея и прочие приобретения Заставы требуют постоянного ухода. Поливать, полоть, опылять, выгребать, кормить и чистить будем все вместе. Сейчас появится Исида и составит списки, кто и куда отправится служить. Да — да, Окси, нечего морщить нос. Надо будет, и в конюшни пойдешь.

— О, только не конюшни! — взмолился кто — то из пограничников. — Навоз дракона...

— Дай людям поесть, — цыкнул на него Гугл, взглянув, как побледнела Петра при упоминании о драконе. — Не бойся, найдутся желающие, а нет — заставим.

— Запишите меня в конюшни, — вдруг подняла руку Надежда. — Я там еще не была. Мне интересно.

Макар, как только зашел в зал, сразу заметил ее, но она упорно не отрывала взгляд от тарелки, хотя ничего не ела.

— И меня запишите, — помня о своем задании следить за новенькой, подхватил не совсем приятное предложение Макар. — Мне тоже интересно.

Встретившись с ним взглядом, Надя густо покраснела.

— Вот и ладненько! — кивнул гном, глядя на улыбающуюся во весь рот Окси. — Раз Надя пойдет к драконам, Окси останется на кухне чистить овощи и... — выдержав паузу, Гугл закончил фразу, — кормить лапундриев.

Петра, прижав руку ко рту, побежала в сторону туалетов. Улыбка с лица Окси тут же сползла.

— Нет, лучше к драконам, — простонала она.

— Кто такие лапундрии? — Макар наблюдал, как морщатся пограничники.

— Смрадные черви, — Гугл улыбнулся, когда из — за стола соскочили и убежали следом за Петрой еще несколько женщин. — Санитары Заставы, живущие в подземных коллекторах. Свою работу выполняют охотно, но время от времени их нужно подкармливать не отработанной пищей. И поаккуратнее с унитазами! — крикнул Гугл вслед мужчинам — пограничникам, захотевшим в те же комнаты, куда убежали женщины. — Их тоже придется чистить ручками! Магия на вес золота!

— Блокада даже полезна для профилактики брожения в умах, — промурлыкал Бай —

юрн, появившийся в сопровождении Крошки Пиу. Он нес подмышкой ее фолиант, который, как теперь знал Макар, называется «Книгой судеб». — Тяжелая и неприятная работа охладит горячие головы, думающие, что жить будет спокойнее, если Заставу закрыть и не позволять проходимцам шастать туда — сюда.

— Все не так просто, — прокряхтела Крошка Пиу, забираясь на высокий детский стульчик. — Застава без магии проживет долго, но вот сколько выдержат ее обитатели? Жизнь в коммуналках вместо нынешних удобных комнат, скудная еда, тяжелая работа, вши и тараканы. Кто из жалости к попаданкам, уведенным с Пскопской стороны, согласится на такое существование? Макар, налей мне, пожалуйста, молочка, пока оно еще есть.

— Всем внимание! — В кафе вошли обе шахматные королевы: Исида как всегда была в белом, Галатея — в черном. — Бугер, ты сегодня встанешь у двери на Пскопскую сторону. Наглухо ее закрыть мы не можем, мало ли какому Йеллопухцу нужно будет укрыться в «Приюте проходимцев». Но для предупреждения, что у нас не все ладно, вывесим объявление «Санитарный день».

— А давайте напишем «Ушла на базу» и прикрепим фотографию Мурилы в джабе, — Окси повязывала вокруг полной талии фартук, который ей кинул Гугл. — Посетители просто побоятся сунуться к нам, ведь неизвестно кто и когда придет с этой базы.

— Лучше написать «Осторожно, злая собака», — гном загнал за щеку кусок сахара и многозначительно посмотрел на Окси.

— Сам ты собака. Пекинес.

— Все, прекратили разговоры, — оборвала не начавшуюся речь гнома Исида, который только и успел, что открыть рот. — Сегодня не будет солнца. Пчелами — опылителями на поля подсолнечника пойдут...

Появился лес рук, и Окси шустро сняла фартук, швырнув его назад Гуглу.

Далее Макар наблюдал картину из фильма «Операция Ы», где герой выкрикивал «я!» и делал шаг вперед. Окси готова была чистить озеро от ила (водопад на время блокады бездействовал), бегать по маковому полю голой (оказывается, и в иных мирах маковый продукт высоко ценился, особенно у демонов), пропалывать грядки, собирать шиповник и прочее — прочее — прочее. По какой — то непонятной причине, ее рвение не оценивалось ровно до тех пор, пока список не закончился словами «кормить лапундриев».

«А говорят, магия в дефиците», — хмыкнул Макар, наблюдая фокус передачи мысли на расстоянии. А как иначе Исида узнала о том, что Гугл пообещал Окси? Да, бедняга так и не отвертелась от кормежки смрадных червей, для чего ей придется разбросать в коллекторе очистки от овощей и фруктов, которые гном ласково назвал «витаминчиками».

Услышав полный список, Макар понял, почему Застава терпит даже самого мерзкого проходимца, тащащего за собой в качестве оплаты за проход на Пскопскую сторону магию.

— Милая, раз ты вызвалась убирать навоз за драконами, придется тебе надеть специальную амуницию, — гном вытащил из подсобки большой мешок, содержимое которого тут же вывалил на пол. Вокруг их небольшой группы тут же скопились любопытные, которые еще не отправились на общественные работы. Всем хотелось посмотреть, как будут снаряжать добровольцев.

Из мешка с грохотом вывалились четыре больших пластмассовых ведра, две пары резиновых охотничьих сапог, две совковые лопаты и один противогаз.

— А почему противогаз один? — спросил Макар, для себя уже решив, что отдаст его Надежде. Сам как — нибудь потерпит.

— Второй я приготовил для Окси, как впрочем и сапоги, — Гугл отобрал из кучи одну пару и бросил под ноги побледневшей блондинке. — В коллекторе хоть и не такая вонь, как в драконьем загоне, но негоже нашим нежнейшим дамам вдыхать вредные миазмы. Ну — ка, Надюшка, примерь обувку.

Надя скинула балетки и сунула ногу в сапог.

— Здесь две мои поместятся, — вздохнула она.

— Ты платье — то подбери, а сапоги подтяни, чтобы голенища гораздо выше колена оказались. Да — да, девонька, а ты чего думала? Хорошо, что совсем недавно загон очищали, навоза как раз по колено будет. Чего стоишь? Одевайся.

Надя расправила голенища и пристегнула их к ремню, что шел в комплекте с сапогами, предварительно завязав узлом подол платья. Скрутила волосы в фигу и сунула голову в противогаз, печально выдохнув напоследок.

— Готова? — получив утвердительный ответ, гном сунул ей в руки лопату. — Не передумала, милая? Может, в маковое поле пойдешь гольшом бегать?

— Нет, — твердо ответила Надежда. Ее голос доносился глухо.

«Только сильно любящий человек способен отправиться работать в конюшни, лишь бы найти единорога и получить весточку от дорогого мужчины», — подумал Макар, глядя на нелепо одетую Надежду с огромной лопатой в руках. Что говорить, он где — то даже завидовал ректору Дагару. Еще ни одна девушка ради него не решилась на такой отчаянный поступок — разгребать драконье говно.

— А можно я пойду гольшом бегать? — Окси не теряла надежды. Но гном лишь ткнул пальцем в сторону кухни, и блондинка, тряхнув свежесвитыми кудрями, гордой поступью отправилась туда, где ей предстояло собрать гору очисток.

— Давай лопату, — Макар взял ее у Надежды, которая никак не могла приноровиться к шагу в огромных болотных сапогах. — Зачем сейчас — то заставил ее одеться? — спросил он у гнома, семенящего рядом.

— Чтобы прочувствовала всю важность порученной работы.

— Она идет — то с трудом. Какой из нее работник?

— Сама напросилась. — Парни отстали, немного пропустив вперед пыхтящую Надежду. — Укатаем нашу Сивку, чтобы не добралась до Бурки.

— Я бы наоборот, позволил ей сходить к единорогу. Хотя бы точную дату прибытия лорда Дагара узнали. У меня и шапка — невидимка с собой.

— Вот поэтому я не выдал тебе рабочую одежду, — согласился гном. — Лопату откинул, шапку надел и вперед — следить за дамочкой.

У входа в гараж маленькую процессию встречал Хочь. Увидев Надежду, он скривил лицо в усмешке.

— На этот раз кого приволокли?

— Не узнаешь? То Надежда наша. Ну, давай, показывай свои авгиевы конюшни.

Гном свернул направо следом за Хочем, который шел медленно, поддерживая девушку под локоток, не давал ей упасть. Надежда упорно наступала на собственные сапоги.

— Чего, Макарушка, брови задрал? Мои знания мифологии удивили? Надо знать сказки того мира, в котором живешь. Тем более что большинство и не мифы вовсе. Про пантеон греческих богов скажу одно — это наши проходимцы пошалили, застряв на Олимпе, когда тамошняя Застава долго жить приказала. Назвали себя богами, как и те первопроходцы, что когда — то северную Африку осваивали. Имена новые придумали, биографии. Читал о Ра с

Анубисом и прочей египетской божественной братии?

— Наша Застава не первая?

— Она последней быть не хочет. А так, да, не первая. Ты у Исида спроси, она знатно в свое время с Осирисом повеселилась. Одна история с пропавшим членом чего стоит. Не читал? Так почитай. Начальство нужно знать в лицо.

— А как же Исида на нашей Заставе оказалась?

— Какой выход у тех, кто остался без собственной Заставы? Ждать появления следующей. Когда Застава гибнет, существует всего два варианта спасения — перепрыгнуть в один из миров, который войдет в соприкосновение, или остаться и ждать, когда появится новая.

— Но насколько я понял, только на Заставе мы можем жить веками. Как же, оказавшись в чужом мире без защиты Заставы, проходимцы продолжали оставаться бессмертными?

— А «Книга Судеб»? Она же никуда не девалась. Если в этот артефакт вписано твое имя, живи в радиусе его действия, и смерть тебе не грозит. Вот смотри, первую «Книгу Судеб» хранили в Египте, а потому все застрявшие на Земле проходимцы тусовались только там. Вторую держали на Олимпе, и опять иномирцы кучковались вокруг сторка, назвавшего себя богом Зевсом.

— Выходит, египетский бог Ра тоже был сторком?

— Почему был? Он и поныне жив — здоров. Это наш сторк Игеворг. А Осирис — его родной брат Сэмвилль. Он сейчас обитает на Заставе Вервульфий. Именно туда почти полным составом перешел египетский пантеон богов.

— Так они оборотни?

— Ну да, многие. Вспомни, как изображены египетские боги? Шакал, змея, цапля, сокол. Конечно, на Египетской Заставе жили не только оборотни. Как говорится, каждой твари по паре. Несколько демонов, ведьм, эльфов, котов — родственников нашего Бай — юрна. Отсюда любовь египтян к кошкам. Вспомни, их изображения и скульптуры в стране пирамид повсюду.

— Я не был в Египте.

— А чего туда ходить? Попроси Исиду рассказать об их жизни. Только о члене Осириса не спрашивай. Кстати, это она изобретатель первого протеза. Ведьма смастерила его из глины и даже умудрилась зачать. Правда, в эту байку я точно не верю. Наверняка, какой — то проходимец помог.

— У нее есть ребенок?

— Сын. Ты его знаешь. Сейчас его зовут Сапфиром, а в Египте он носил имя Гор.

«Уж не сторк ли Игеворг был тем самым проходимцем, что помог забеременеть Исиде, распустившей миф о чудесном зачатии с помощью глиняного пениса?»

— Гул, а почему сторк Игеворг с братом разбежались по разным мирам? Ведь на первых двух Заставах они жили вместе?

— Есть причина. Они полюбили одну женщину. Исиду. Почему ведьма с сыном остались с Игеворгом, лучше и не спрашивай. Дело запутанное. — Гном поднял голову на собеседника. — Чего вздыхаешь, Макарушка?

— Я видел, как Исида с Теей наблюдали за купающимся голым Сапфиром. Как — то это все неправильно.

— Исида прочит сыну большое будущее. Он когда —нибудь тоже станет сторком какой

— нибудь Заставы. Она боится, как бы кто из местных девиц ему карьеру не испортил. Вот они с Теей и следят, с кем из жительниц Заставы он развлекается. Водопад его любимое место встреч. Как ты думаешь, почему вдруг Захар стал альфой? — Гугл оживился. — Ведьмы помогли. Им нужно было срочно от бойкой Ганны избавиться.

— Сколько же Исиде с Галатеей лет?

— Тысячи, как и нашему сторку. Только женщины всегда остаются женщинами. Даже если они всемогущие ведьмы. Они везде пишут лишь последние три цифры, чтобы их возраст никого не пугал. Здесь мало кто говорит правду, и, как видишь, мало кто называется настоящим именем. И на то есть разные причины. — Гном остановился. — Что — то разговорился я. Пришли уже, Макарушка.

Они стояли перед огромным крытым загоном, стены которого уходили ввысь и пропадали в темноте.

Макар потянул носом, но никакого особого запаха не почувствовал.

Входя в небольшую дверцу, через которую вряд ли пролезет огромный дракон, Макар на всякий случай зажал нос пальцами.

— Отдай девушке лопату, — толкнул его в бок Гугл.

— А где драконы? — спросила Надя, боязливо оглядываясь.

— Так вот он, перед тобой, — спокойно произнес Хочь, спрятав руки в карманы.

— Я кроме птички никого не вижу.

— Это ты про Макара?

— Нет, я про вон ту птичку, — Надя показала пальцем на скалистый уступ, на котором сидел кто — то похожий на черную куропатку. Курочка завозилась, повернулась к людям хвостом, и вниз упало что — то блестящее размером с бусину.

— Ну, Надюша, бери лопату, ведро и делай то, зачем пришла.

— Это что, стекло? — Макар поднял одну из бусин и посмотрел ее на просвет.

— Не трогай драконьи какашки руками, — поморщился Хочь.

— Это для тебя они какашки, — назидательно проговорил Гугл, заметив, как Макар брезгливо отбросил бусину. — А на Пскопской стороне их называют алмазами.

В этот момент курочка дыхнула огнем, и из — под хвоста вывалилась еще одна бусина.

— Перекормил ты его, Хочь, — заметил Гугл, наблюдая как бусина скатилась вниз к основанию кучи ей подобных. — Чего застыла, Надюша? Перед тобой и есть тот самый дракон и продукт его жизнедеятельности. А ты кого ожидала увидеть? Динозавра?

Надя резко сняла противогаз.

— Шуточки, значит, шутим? — прищутив глаза, она стукнула лопатой об пол. Звук получился таким громким, что из — под хвоста курочки вывалилось сразу несколько бусин. — Противогаз, сапоги, лопата. Ходи, Надя, пугалом огородным, а мы посмеемся?

— Ты чего разошлась, девонька? — Гугл на всякий случай спрятался за спиной Макара. — Тебя привели, можно сказать, в святая святых Заставы, куда доступ имеют только избранные, а ты кричать вздумала? Наших малышей пугаешь? Да мы с тебя еще честное слово возьмем, что ты никому тайну драконьего навоза не откроешь.

Надя упрямо ударила лопатой о каменный пол, высекая яркую искру.

— А как иначе сделать так, чтобы пограничники держались отсюда подальше? — Хочь протянул руку, и испуганный дракончик, неловко ворочаясь, перелез на нее. Теперь Макар разглядел и чешую, и маленькую головку с острыми зубами, и перепончатые крылья. — За эти алмазы на Пскопской стороне большие деньги выручить можно, а значит соблазн

воровства велик. Но увидев, как тебя готовили к грязной работе, не каждый из наших решится проникнуть туда, где навоза по колено, а рядом бродит огромный хищник.

— А если я правду расскажу?

— А кто тебе поверит? — спросил Хочь, сажая дракончика на место. — Гугл, давай.

Гном вытащил из кармана фотоаппарат и навел объектив на Надежду, которая застыла, с ужасом глядя на того, кто только что был Хочь — Убеем. Вместо него рядом с ней стоял огромный дракон с разинутой пастью.

— Готово! — Гном ослепил вспышкой, запечатлев испуганные лица Макара и Нади.

— А если все — таки начнешь болтать, кормить тебе в коллекторе лапундриев, — спокойно продолжил Хочь, вновь становясь дядькой с пышными усами. — Уж поверь, эти твари алмазами не какают.

Глава 13. Рамштайн форева. Трудности безответной любви

Они стояли как скала, которую не обойти, не перемахнуть. Черные майки обтягивали мощные торсы, бычьи шеи уверенно держали лобастые головы, ирокезы воинственно топорщились над выбритыми висками, бороды лопатой свисали до самой груди или рельефно украшали выпяченные подбородки. Армейские ботинки на шнуровке, широко расставленные ноги, руки, сжатые в кулаки, довершали образ самых brutальных самцов всех миров.

— Красавцы, — на выдохе произнес Гугл, роняя из рук охотничьи сапоги.

— О, рокеры! — Надя, не ожидая, что гном остановится, налетела на него и тоже замерла, с восхищением глядя на семерых мужчин, перекрывших своими телами порталный коридор. В спокойствии и мелькающей в глазах прищельцев иронии чувствовалась такая сила, что никто из собравшихся вокруг этой группы не сомневался — на Заставу пришли спасители, не боящиеся ни бесов, ни лапундриев. В чем тут же убедились.

В коридоре появилась Окси. Грязные охотничьи сапоги, руки в резиновых перчатках, два пустых ведра, измученный взгляд в пол говорили о том, что она уже побывала в коллекторе. Недогадливые, что по какой — то причине могли не заметить характерные атрибуты кормилицы лапундриев, добирали впечатление сногсшибательным запахом.

Только дойдя до стоящей монолитом группы, Окси, наконец, подняла глаза, в которых мелькнуло то же восхищение, что испытывал каждый пограничник в радиусе двадцати метров. Но первое впечатление вскоре сменил испуг. Ведра с грохотом упали на пол, с рук в одно мгновение снялись резиновые перчатки, а пальцы взметнулись вверх с инспекцией того, что творится на голове. Пока Окси взбивала прилипшие ко лбу кудри, любой из присутствующих безошибочно мог определить, какие ее обуревали мысли.

— Девка, пойдешь с нами? — пророкотал самый огромный рокер, заметивший блеск в глазах Окси. Он повел плечами, красуясь своей силой перед ней.

— Я... Мне... — впервые бойкая блондинка не находила слов.

— Что? — он поднял бровь, побуждая ее к более связной речи, но добился обратного — Окси покраснела и окончательно сникла.

— А вы куда ее зовете? — вмешался гном, решив протянуть руку помощи растерявшейся блондинке. — Если на Пскопскую сторону, то ей туда нельзя.

— Я ее вообще зову, — рокер даже не посмотрел на гнома. Его взгляд скользил по фигуре Окси. Сначала остановился на бисеринках пота над верхней губой, потом спустился к вырезу мокрой майкой, который открывал ложбинку между грудями, оттуда к розовым шортикам — слишком коротким, чтобы полностью прикрывать пышный зад. Получив удовольствие от того, что увидел, главарь повторил вопрос, сделав уточнение: — На обратном пути пойдешь с нами?

Окси медленно подняла голову, облизав взглядом мощные ноги незнакомца, его пресс, который даже через майку поражал четкими кубиками, широкие плечи и остановился на темных губах, изогнувшихся в полуулыбке.

— С вами? — прежняя Окси вернулась, подняв кокетливо бровь.

— Со мной, — поправился незнакомец, прожигая Окси взглядом. Даже Надя, находящаяся от блондинки в трех шагах, перестала дышать, почувствовав магнетизм черных

глаз мужчины.

— Чувак, — гном встал перед Окси. — Ты просишь невозможного. Мы не дадим подвергнуть опасности нашего человека. Выйдя на Пскопскую сторону, ты рискуешь привести на хвосте семерых бесов, которые или останутся на нашей Заставе, или уйдут в твой мир. В любом случае, ты подвергаешься опасности ту, что зовешь с собой.

— Бесы? — Все словно присутствовали на соревновании бровей. Бровь рокера взметнулась так высоко, и ее изгиб был столь ироничен, что Окси в этой битве явно проигрывала. — Я сломаю любого из них. Здесь или в своем мире. Так ты идешь со мной, девка?

— Смотря, зачем ты меня зовешь, — Окси пустила в ход артиллерию — обе брови изогнулись в сложной линии. — Если как девку, то нет, нам не по пути.

— А если как будущую королеву? — спокойный голос, легкая усмешка.

— А наш папа точно король?

— Пока король.

Оба замолчали, но их глаза красноречиво говорили за них. Окси хотела и боялась прогадать. Рокер хотел. Все пограничники видели, как сильно он хотел.

Окси в раздумье провела языком по губам. Желание рокера получило толчок, и вскоре блондинка оказалась в его руках, а ее губы в плену его рта.

Поцелуй был столь хорош, что уже все пограничники, включая мужскую половину, перестали дышать, переживая любовную страсть ничуть не меньше растаявшей Окси.

— О, да! — выдохнула она, как только рокер выпустил ее.

— Смотри, девка, ты обещала. — Суровый взгляд, взмах рукой и все рокеры двинулись за своим предводителем к выходу на Пскопскую сторону. Легко отодвинув Бугера, они по одному скрылись за дверью.

— Когда вас ждать назад? — вместо Окси, находящейся от поцелуя в полуобморочном состоянии, спросил Гугл.

— Сразу после концерта Рамштайн, — ответил шедший последним рокер, показав всем козу. — Жди нас, Белоснежка.

В воздухе поплыл узнаваемый голос фронтмена Рамштайн, а над дверью развернулась голограмма, где Белоснежка хлестала по голым попам семерых гномов.

— Какое счастье! — в кафе влетела возбужденная Исида, следом зашла улыбающаяся Галатя.

— Спасибо за поздравления, — зарделась довольная Окси, уже чувствуя себя невестой. Но Исида прошла к барной стойке, миновав стоящую рядом с пустыми ведрами Окси. Налил себе и подруге чего — то крепкого, белая шахматная королева одним глотком осушила стопку.

— Хо! — выдохнула она, и, повернувшись ко всем, громко сообщила: — Блокада будет снята! Раз принц Аравай — аба не побоялся шагнуть на Пскопскую сторону и пообещал увести бесов в Гобляндию, то не пройдет и недели, как все остальные миры возобновят соприкосновения с нашей Заставой! Ура!

Крики и хлопки пограничников едва не заглушили полный ярости крик Окси.

— Гоблины?! Аравай — аба?! — Она согнулась пополам, словно ее тошнило. — Это был он?!

— Гоблинский принц известный меломан и всегда принимает соответствующий вид,

посещая музыкальные события на Пскопской стороне, — Галатее, не присутствующая при соблазнении Окси, не понимала, чем вызвано ее недовольство. — В оперу он идет как лондонский денди, на Рамштайн — как рокер. Что тебе не нравится?

— Я только что целовалась с зеленой жабой, а вы спрашивает, что мне не нравится?

Окси, подхватив ведро, побежала к выходу на Пскопскую сторону и со всей силой, словно пытаясь достать ненавистную «жабу», швырнула его в открытую дверь. Пластмассовая емкость, перемахнув порог, ударил по голове высокого человека в джинсовой куртке, намеревающегося войти в кафе. От удара он упал замертво, во всяком случае, так решил Макар. Убедиться в своей правоте, он не смог — Бугер заступил на временно покинутый пост и закрыл обзор. Единственное, что заметил Макар, к пострадавшему подбежали люди. Если бы не Бугер с висящей на его спине табличкой «Санитарный день», студент успел бы заметить, что вместе с поверженным их было семеро.

— Будем ждать возвращения Аравая — абы с товарищами. Как только он уведет бесов, заживем по — старому, — гном складывал сапоги в мешок. Окси отказалась мыть их, поэтому Гугл, понимая постигшее ее разочарование, не стал настаивать — очистил ее пару от грязи сам.

Если кому — то, радостно кричащему «Ура!», казалось, что все ограничения отменены, и Застава вновь возьмет на себя обязанности по уборке, прополке, поливке и выгребанию навоза в конюшнях, то он ошибался. Магию продолжали беречь.

— Все правильно, — ворочая половником в кастрюле, рассуждал Гугл. — Всякое может случиться: гоблинам Пскопские набьют хари, и им будет не до бесов, Аравай — аба, увидев, что Окси от него нос воротит, передумает совершать подвиг, или, не приведи боги, сам подцепит беса и станет одержимым, а мы всю магию за неделю угробим для подглядывания за Надюшкой и прочей ерунды.

Макара забыли предупредить, что из — за экономии магии, шапка — невидимка превратилась в обыкновенную. Ночью, снедаемый приступом неразделенной любви, он пробрался в комнату Нади «просто посмотреть», ведь рядом с любимыми всегда становится легче, а она, почувствовав чужое присутствие, подняла крик. И теперь все знали, что Макар — капец — какой — маньяк.

Посвященные в его тайную миссию делали вид, что верят в историю о «засаде, дабы не упустить момента, если Надежде вздумается пойти искать единорога». Она и на самом деле несколько раз порывалась, но видя, как все заняты появившейся работой, отказалась от своей затеи, утешившись тем, что ректор обязательно появится, если по — настоящему ее любит.

Продолжая собирать драконий навоз, Надежда с Макаром виделась каждый день. После неудачной «засады», когда он не нашел ничего лучшего, как ляпнуть, что «просто перепутал комнаты», смотреть друг на друга открыто они перестали. Каждый понимал, что Макара привело в спальню Нади.

— Кто теперь кормит лапундриев? — спросил Макар у Хоча, услышав, что Окси наотрез отказалась выходить из своей комнаты, решив, что ее приготовили на заклятие гоблинскому принцу, лишь бы избавиться от бесов.

— Сама Застава кормит, — вздохнул Хочь — Убей. Его усы висели так низко, что ему пришлось связать их узлом на затылке, лишь бы они не мешали орудовать лопатой. Макар знал, что таинственная женщина метаморфа находится в сильнейшей депрессии из — за ограничения в магии. «Видно дамочка не привыкла себе ни в чем отказывать», — рассуждал студент, жалея Хоча.

— А ведь Надя на тебя поглядывает, — вдруг сообщил ему метморф, подставляя пустое ведро. Девушку посадили сортировать бусины по размеру и цвету. Иногда среди алмазов встречались розовые. Как пояснил Хочь, для этого драконов кормили яйцами фламинго. — Может, ты ей нравишься?

— Надя? О, нет, — как можно безразличнее ответил Макар. — Она думает только о своем ректоре.

— А ты? Ты точно не собираешься становиться между ними? — допытывался Хочь.

— Зачем мне это? — Макар надеялся, что отросшие волосы скроют, как загорелись уши.

— Вот и ладно, вот и хорошо, — миролюбиво произнес метморф. — Нам на Заставе не нужны любовные треугольники. Лорд Дагар не из тех, кто откажется от своего. Я точно знаю.

— Даже если Надежда разлюбит его?

— А ведь она не разлюбит? — Хочь опять стал похож на чекиста — усы щеточкой, волосы — колючим ежиком.

— Нет, конечно, нет, — Макар вспомнил, как на мыслеграмме ректор целовал Надежду. Ревность обожгла крапивой.

В драконий вольер забежал гном.

— Гоблины вернулись. Аравай — аба требует Окси, — пытаюсь отдышаться, сообщил он. — Скандалит. Говорит, что разнесет кафе, но вытащит ее с Заставы. Она ему слово дала.

— А Сапфир где?

— Он и послал. Вместе с гоблинами с Пскопской стороны вошла уйма народа. Попробуй, разбери, кто из них с бесом внутри, а кто нет.

Умывшись и закрыв загон, все четверо поспешили в кафе.

— Как жаль, что шапка — невидимка не работает! — успел шепнуть Макар Хочь — Убею. — Сейчас бы пригодилась.

— Уже работает, — так же тихо ответил метморф, но увидев удивленный взгляд, пояснил: — В опасные моменты Застава задействует все ресурсы. Удачи! — Хлопнул он Макара по плечу, когда тот достал из кармана ермолку. Студент на всякий случай всегда носил ее с собой. И вот этот случай настал.

Глава 14. Невероятная встреча. Говорят ли бесы правду?

— Надюша, иди к себе. Здесь опасно, — гном кивнул девушке и та, лавируя между гостями кафе, поспешила в сторону Предела.

— А ты проследи, чтобы она спокойно добралась. Шапку, шапку надень! — Хочь подтолкнул Макара, застывшего на входе в кафе. Студента поразило количество людей, пришедших с Пскопской стороны. Он жил на Заставе более двух недель и ни разу не видел, чтобы земляне могли приходить сюда без сопровождения проходимцев. Да и вообще, это были первые соотечественники, которых он видел с момента похищения.

— Неужели бесы специально согнали столько людей? — он обернулся на гнома.

— Я же говорил, хитрые твари. Как среди этой толпы определить тех, кто одержим?

Убедившись, что Надя в надежной компании Мурилы и Петры, Макар быстро вернулся в зал и встал за Сапфиром. Тот сделал вид, что не замечает студента. Налив апельсиновый сок в высокий стакан, наполненный колотым льдом, Сапфир потянулся за соломинкой и, оттеснив Макара к задней стенке, заставленной бутылками и украшенной неоновой вывеской «Приют проходимцев», прошептал:

— Ловец, следи за теми, кто держится одной группой. Бесы всегда стараются находиться рядом. Даже если кому — то нужно сходить в туалет, идут сразу все.

Засунув в сок соломинку, протянул стакан сидящему за барной стойкой рокеру.

— Сегодня, друг, без гоблинской настойки?

— Принц запретил. Должны быть как стеклышко, — шумно втянув порцию сока, ответил рокер, чью лоснящуюся от пота физиономию обрамляла борода — лопата. — Сейчас поговорит с Исидой и, если Окси опять его прокатит, устроит светопреставление.

Бородач отбросил соломинку и залпом втянул ледяное крошево. Гулко проглотив, рыгнул.

— Еще! — он толкнул стакан, и тот заскользил по барной стойке к Сапфиру. — Сегодня будет жарко.

Гоблин повернулся в сторону зала, где сидели, стояли или танцевали люди. Он с интересом разглядывал разношерстную публику. Его прищуренный взгляд цепко выхватывал дамочек в коротких или сильно открытых платьях и замирал на мгновение на выступающих прелестях какой — нибудь из них, а потом также неспешно перемещался к другой.

«А ведь он точно знает, что среди них есть бесы, но ни черта не боится. Поза расслаблена, взгляд спокоен. Кто же вы такие, гоблины? Пофигисты или воины без страха и упрека?»

Макар напряженно всматривался в разгоряченные лица. На улице от аномальной жары плавился асфальт. Беспреданно хлопающая дверь гоняла по кафе горячий воздух, и сплит — система едва справлялась с его охлаждением.

— Пекло. Твари знают, как загнать людей в прохладное кафе, — Сапфир опять развернулся за соломинкой для сока. — Ты бы походил по залу. Бесы между собой почти не разговаривают.

Макар понял. Сапфир подсказал ему два важных признака: семерка бесов держится кучно, но практически не общается. Оно и понятно. О чем говорить, когда люди, чьи тела они заняли, наверняка не знакомы друг с другом? Разговоры только отвлекут от оценки

обстановки и помешают незаметно проникнуть в первый же мир, с которым соприкоснется Застава. А как Макару подсказало появление Аравай — абы со свитой — на подходе Гобляндия.

Прохаживаясь между столиками, Макар никак не мог определить, какая из компаний заражена бесами. Люди, хотя и попали в кафе добровольно, вели себя странно. Они озирались, вздрагивали от прикосновений, громкой музыки, даже порывались уйти, но что — то неизменно возвращало их назад. То девушка забудет сумочку на спинке стула, то ее друг закашляется и ему захочется промочить горло, и он станет терпеливо дожидаться официанта, то кому — то из незваных гостей приспичит сходить в туалет, и он застрянет в большой очереди.

— Приготовься, — шепнул гном, пронося мимо студента поднос с грязными тарелками. Очевидно, что Гугл вышел из кухни только для того, чтобы предупредить его. — Гобляндия вот — вот соприкоснется с Заставой. Увидел кого — нибудь подозрительного?

Макар отрицательно покачал головой.

«Да они все ведут себя подозрительно», — подумал он и двинулся в сторону порталного коридора, заметив, что рокер, пьющий сок, поднялся, а Сапфир достал из — под барной стойки цепь и намотал себе на руку.

— Две текилы, пожалуйста, — устало произнес грузный мужчина, усаживаясь на освободившееся место. Он вытер со лба пот несвежим носовым платком. Макар обратил внимание, что его руки дрожат. Рядом с ним встала брюнетка, нервно теребящая ремешок маленькой сумки.

— Пожалуйста, — Сапфир толкнул к ним бутылку и две стопки и тут же покинул рабочее место. За барную стойку переместился кто — то из пограничников и, дежурно улыбнувшись, пододвинул парочке тарелку с дольками лайма и солонку.

«Сейчас начнется», — Макар беспокойно огляделся, чувствуя себя бесполезным. Только время зря потерял, выискивая бесовскую семерку среди людей, ведущих себя как стадо баранов, оказавшееся на крутом горном склоне. И спускаться страшно, и собаки за зад кусают.

Песочные часы дрогнули и сделали разворот. По залу пронесся ветер, и посетители, которые только что ели, пили, танцевали, разом хлынули в сторону порталного коридора, создавая толчею и сумятицу.

— Вот что бесовские хари вытворяют! — Хочь локтями расталкивал людей, пробиваясь вперед, став для этого мускулистее и значительно выше ростом. Макар сумел пробиться к нему и теперь шел шаг в шаг за широкой спиной метаморфа, не боясь, что на него невидимого кто — нибудь налетит. — Гонят Пскопских к порталу, как мотыльков к огню. Знают, что Застава не решится перебить столько народа. Пока суть да дело, твари будут прыгать из тела в тело.

— Может, обойдется?

— Как же, жди. Сейчас Аравай — аба свой истинный вид примет, и все сразу поймут, что за чертовщина здесь творится. Застава просто не сможет людей назад выпустить. Ладно, один — два человека. А если десяток — второй одно и то же твердит о «нечистом месте»? Всех в дурку? Как пить дать Пскопские органы сюда заявятся. Придется гоблинам людей с собой уводить, или Предел до завязочки пополнится новыми пограничниками.

— Что же делать?

— Будем по ходу решать.

Людской поток нес Хоча по широкому коридору, как река щепку, и как бы он ни старался, прибиться к «берегу» не получалось. Ничто не могло остановить прущую в порталный коридор толпу.

Всматриваясь в идущих рядом людей, Макар читал на их лицах недоумение и страх. Сейчас как никогда люди напоминали стадо, которое гонят на скотобойню.

Повернув голову в сторону кухни, студент успел заметить, что Гугл, не решаясь шагнуть в водоворот, застыл у приоткрытой двери, не видя, что за ним расползлся черный дым. Это на сковороде горело забытое поваром мясо.

«Огонь! Вот что может остановить людей и направить в нужную сторону!» — мелькнула запоздалая мысль. Но в шапке — невидимке или без нее Макар рисковал быть растоптанным при попытке пробиться на кухню. И кричать что — либо Гуглу казалось бесполезным: со стороны лестницы, ведущей к Пределу, доносился рокошующий голос Аравай — абы, переорать который не смог бы и фронтмен Рамштайн.

— Окси! Что еще я должен сделать, чтобы ты пошла со мной? — ревел огромный рокер, держа что — то большое в протянутой руке. Приглядевшись, Макар чуть не упал, налетев на притормозившего Хоча: Аравай — аба потрясал телом мертвого человека.

— Один бес минус, — оглянулся на студента Хочь. — Осталось шестеро. Они где — то там.

И тут же Макар выделил несколько человек, что стояли, прижавшись к стене, по которой уже ползли светящиеся трещины открывающегося портала. Вроде бы люди как люди, но лютая ненависть искажала их лица до безобразности.

— Давай больше трупов! — дерзко отвечала гоблинскому принцу Окси, стоящая на самой вершине лестницы. Блондинку от Предела отделял лишь шаг, поэтому она чувствовала себя в безопасности. — Ведь все девушки любят, чтобы к их ногам падали мертвецы, а не цветы!

— Все для тебя, дорогая! Если я не сделаю этого подарка, то первый, в кого вселится бес, будешь ты! Ведь ты, Окси, не умеешь держать рот закрытым!

Принц, то ли не слыша иронии в голосе избранницы, то ли действительно веря, что труп у ног девушки может ее покорить, швырнул мертвеца на лестницу, едва не задев стоящую там Исиду. Аравай — аба, не отрывая взгляда от Окси, потянулся за следующим бесом, пытавшимся слиться со стеной. Стало очевидно, что твари прогадали: надеясь смешаться с загнанными в коридор людьми, сами попали в ловушку. Единственное их спасение — постараться выжить до открытия портала.

— Ага, всегда мечтала выйти замуж за подтаявший шарик фисташкового мороженого! — Окси, стараясь задеть побольнее, на этот раз попала в точку. Началось превращение. Кожа принца позеленела, череп утратил ирокез и заблестел лысиной. Шея стала широкой и плавно перешла в огромные, бугрящиеся мышцами плечи. Макар, на этот раз рассматривая гоблинов без помех, с удивлением обнаружил, что они очень похожи на земных качков. Покрась любого культуриста в зеленый цвет, и он легко впишется в компанию Аравай — абы.

Между тем, второй жертвой, выбранной принцем, был тот самый мужчина в джинсовой куртке, в голову которого неделю назад прилетело ведро Окси. Бес завизжал от страха и выставил перед собой какую — то женщину. Сердце Макара чуть не остановилось. На гоблинскую морду во все глаза смотрела Ната — его бывшая любовница, полетом подноса запустившая роковую цепь событий.

— Нет! — закричал Макар, когда лапища Аравай — абы сомкнулась на тонкой шее девушки. Полет ее мертвого тела к ногам Окси запустил цепь непредсказуемых событий.

Вдруг в воздухе повисли огромные песочные часы, которые никто, кроме Макара, не видел. Стеклянная колба сделала оборот, и песчинки, приобретшие отчего — то людские лица, заструились снизу вверх.

Аравай — аба опять держал Нату за шею. Потом он прорычал что — то нечленораздельное в ответ Окси, и в его руки прилетел первый мертвец. Людская масса двинулась назад в кафе, и вскоре Макар обнаружил себя у Сапфировской барной стойки, где грузный мужчина вытер со лба пот несвежим носовым платком и произнес:

— Две текилы, пожалуйста!

Стараясь не забыть, что должен сделать, Макар как молитву твердил одну и ту же фразу: «Огонь, иди за мной!»

Он вложил в нее все воспоминания о будущем, чтобы успеть спасти девушку, которая будет задушена, как и небезызвестная Лора Палмер из Твин Пикс.

Когда Хочь кинулся во вновь тронувшийся людской поток, невидимый Макар перепрыгнул барную стойку, чем до смерти напугал пограничника, заменившего Сапфира. Студент ворвался на кухню, где Гугл дожаривал заказанный ростбиф.

— Огонь! Нам нужен огонь! — прокричал Макар поднявшему голову повару. — Только пожар заставит толпу двигаться к выходу!

К счастью, Гугл сразу сообразил, как нужно действовать. В пышущую жаром духовку полетели кухонные полотенца. Подхватив их щипцами, гном открыл дверь и заорал во все горло:

— Горим! Пожар!

И швырнул горящие тряпки в людской поток. Толпа дрогнула и перестала двигаться в сторону портала. Началась сумятица. Хочь, поняв, что происходит, моментально превратился в пожарного — на его голове засияла каска, какую носили еще в начале прошлого столетия.

— Всем срочно покинуть здание! — проорал метаморф в неизвестно откуда появившийся рупор и рукой в большой перчатке указал нужное направление. Ростбиф, забытый поваром на сильном огне, подыграл едким запахом горелого мяса и поползшим по потолку густым черным дымом, отчего сработала пожарная сигнализация, и на людей хлынули потоки воды, разбрызгиваемые сверху.

Исида, услышавшая вопли «Горим, пожар, бежим!», догадалась нажать на тревожную кнопку, и по Заставе разнесся пугающий вой сирены. Все Пскопские, за исключением семерки, прижатой гоблинами к стене, покинули кафе. Как только последний посетитель выбежал за порог, проход закрыла мощная спина каменного Бугера, на которой так и висела забытая всеми картонка с надписью «Санитарный день».

Никто из «спасшихся» не рискнул вернуться и помочь в тушении пожара. Люди разбежались в разные стороны, не понимая, какой черт вообще дернул их зайти в кафе. Ни плавящегося асфальта, ни жары, ни желанья смочить горло, только стремление как можно быстрее покинуть странное заведение.

Когда Макар, Хочь и Гугл подлетели в лестнице, ведущей на Предел, то застали там все те же действующие лица, вступившие в дискуссию «Что предпочтительнее для девушки: увидеть у своих ног мертвого врага или ворох цветов?»

Аравай — аба остался при своем мнении, и первый труп занял место на лестнице, едва

не сбив Исиду.

— Остановитесь! — крикнул Макар. Он еще на кухне снял шапку — невидимку, понимая, что ему все равно придется открыться, чтобы отбить у принца Нату. — Это же люди!

Откуда взялись силы? Он вырвал из лап Аравай — абы свою бывшую любовницу, и та повисла на нем, пытаясь отдышаться. Из ее глаз потекли слезы, и она прохрипела:

— Умоляю, спаси...

— Кто она тебе? — правильно понял порыв Макара Хочь.

— Невеста, — пусть будет ложь, Макар на все пойдет, лишь бы спасти Нату.

— Мне жаль, парень, — пророкотал принц, на глазах превращаясь в зеленого гоблина. — Но это уже не твоя невеста, вернее, не та, что была когда — то. Внутри нее сидит бес.

Ната жалобно всхлипнула и сильнее прижалась к Макару. Только сейчас студент почувствовал, что от девушки не пахнет духами, без которых она себя не мыслила. Создавалось впечатление, что последние дни Ната провела в мусорном баке. Грязная, с растекшейся тушью, вся в синяках, она пыталась поцеловать Макара, шепча невнятные слова.

— Спроси, как ее зовут? — гном стоял наготове, выставив вперед щипцы, словно собирался поймать ими мерзкую тварь, если та вздумает покинуть тело. — Бесы не знают, ведь жертва редко называет себя по имени.

— Назови свое имя, милая, — произнес Макар, молясь всем богам, чтобы она произнесла его.

— Не ве — с — с — та, — прошипела девушка и, понимая, что проиграла, вцепилась ладонями в лицо Макара, желая завладеть губами, чтобы присосаться к ним.

— Бес сейчас перепрыгнет в его тело! — закричала Исиды, и Аравай — аба рывком оторвал девушку от Макара. На лице студента остались кровавые полосы от ее ногтей, а бесовка завывала, чувствуя близкую смерть.

— Ты где броди — ш — ш — шь, Макар? — произнесла закатывающая глаза Ната, когда гоблинский принц сжал на ее горле пальцы. Страшная усмешка исказила ее лицо. — Даже мать не приш — ш — ш — шел хоронить...

— Стойте! — Макар кинулся к гоблину, но тот уже перешагнул закрывающийся портал. Трупы остальных пяти бесов лежали вдоль стены.

— Что она сказала? — Макар обернулся к Исиде, но та отвела глаза. Гугл склонил голову, а Хочь, все еще оставаясь в костюме пожарного, обнял Макара за плечи.

— Это правда? — губы у Макара тряслись.

— Эй, Ловец! — крикнула Окси, обходя труп, лежащий на лестнице. — Ты кому поверил? Бесы никогда не говорят правду. Не зря их называю лживыми тварями.

Откуда — то из лифчика она достала нагретую дородным телом плоскую флягу и протянула Макару.

— На, плотни. Хоть что — то умеют гоблины делать правильно. Мордovorотка просто люкс.

Макар послушно поднес бутылку к губам и задохнулся от сивушного спирта.

Закашлялся.

Голова пошла кругом.

Чьи — то мягкие лапы подхватили его и понесли вверх.

— Слабак! — услышал Макар вздох Окси и уплыл в страну грез.

Глава 15. Печальная

Ходят кони над рекою,
Ищут кони водопоя,
А к речке не идут —
Больно берег крут.

Макар сидел на кровати и, закрыв ладонями лицо, пел.

Эта песня из фильма «Бумбараш» как никогда подходила к его настроению. Нехитрая мелодия с такими же нехитрыми словами всегда получала отклик в его сердце, а сегодня не позволила опуститься до животного состояния и начать выть. От тоски, от невозможности что — либо изменить. Две женщины, пусть и неравноценные по значимости, ведь любовь к подруге трудно сравнить с любовью к матери, но обе занимали место в его жизни, и вот теперь обеих нет.

Ни ложбиночки пологой,
Ни тропиночки убогой.
А как же коням быть?
Кони хотят пить.

Макар пел, потому что не мог плакать. Он не плакал, наверное, лет с девяти, с тех самых пор как отец ушел от них. Собрал чемодан, достав из комода документы, торопливо сунул их во внутренний карман пиджака, переступил через сына, который лежал на ковре с книгой в руках, подошел к двери и, не оглядываясь, произнес: «Прощайте!»

«Пап, ты куда? В командировку?» — спросил Макар, еще не понимая, что с этого момента к нему навсегда прилепится слово «безотцовщина».

«Мать все объяснит».

На тумбочку полетели ключи от дома.

Мама сидела на кровати и плакала в кухонное полотенце. А на плите выкипал суп, который поставили разогревать к приходу отца. Макар до сих пор помнит запах переварившихся капусты и свеклы. И больше не ест борщи.

Вот и прыгнул конь буланой
С этой кручи окаянной.
А синяя река
Больно глубока.

Он чувствовал себя как тот конь, что умирает от жажды, но утолить ее сможет, лишь сиганув в омут. Он ненавидел всех тех, кто вырвал его из привычного мира, заставил жить по своим правилам, сделал пленником.

Макар выдохнул, медленно огляделся. Шкаф перевернут, у кресла выломаны ножки, всюду раскидано белье и одежда. На окне висит лишь одна занавеска, вторая валяется под ногами. Он топтал ее, не сумев порвать.

В минуту, когда он очнулся, в него товарным поездом врзалась правда, произнесенная шипящим голосом то ли беса, то ли Наты.

«Даже мать не приш — ш—ш — шел хоронить...».

Он ходил собирать драконье дерьмо, он как послушный бычок выполнял все мыслимые и немыслимые задания безумных жителей Заставы, а мама и его девушка, пусть бывшая, в это время находились в беде. А его не было рядом.

А синяя река

Больно глубока.

— Макар... Макарушка... — Надя неслышно прошла в комнату, села рядом и крепко обняла. Он продолжал смотреть перед собой, с упорством маньяка выискивая следы повреждения на стене, ведь об нее он бился головой, пытаясь заглушить душевную боль физической.

— Ты зачем пришла? — он не узнал свой голос. Минуту назад пел и вот уже сипит.

— Я почувствовала, что тебе больно...

— Ты бы поверила бесу?

— Бесу? Наверное, нет...

— А я поверил. Бес не мог знать, что меня зовут Макаром. Только Ната. Это она говорила со мной перед смертью.

— Мне жаль твою невесту...

— Мы расстались. Хотя теперь не важно...

Объятия Надежды успокаивали. Ступор, телесное окаменение, в которые впал Макар после разгрома комнаты, проходили. Его начало трясти.

— Ну, тише, тише, — она гладила его по руке, а он чувствовал, что его рубашка в том месте на плече, к которому девушка прикоснулась щекой, намочла. Надя плакала.

Он как — то неловко повернулся к ней, расцепив их объятия, обхватил ладонями лицо и заглянул в глаза, в которых плескалось море эмоций. Он не мог бы с точностью назвать, что прочел в них, но ему до боли захотелось почувствовать тепло губ.

Надя не сопротивлялась. Она сама потянулась, прижав его руки своими ладонями.

Этот поцелуй был другой. Не такой как тот, первый, когда Макар просто закрывал губами Надин рот, стремясь опередить беса. В том поцелуе сквозила неловкость, какая — то неправильность, как будто бы он воровал чужое. И вкус у него был другой. Там был страх, а здесь ...

А что было здесь?

Что изменилось?

Почему появилась уверенность, что он может сделать большее, и Надя позволит?

Он заставил себя оторваться от ее губ.

Надя опустила глаза.

— Мне самой не понять, — произнесла она. Дрожащими пальцами заправила волосы за ухо. — Что — то произошло после того поцелуя. Я стала тебя чувствовать.

— Все чувствовать?

— Все. И твой интерес ко мне.

— Любовь.

— Любовь. И твою боль. И все во мне отвечает. Ты как будто разбудил меня. Поцелуем.

— Как спящую красавицу...

— Да, — Надя подняла глаза. — Я все чувствую. Даже когда ты возвращаешь время.

Макар удивленно посмотрел на нее.

— Ты не могла знать, что я откатывал время назад на свадьбе Захара и Ганны. Я поцеловал тебя после.

— А я и не знала. Я говорю о вчерашнем вечере, когда случился пожар...

— Ты что — то путаешь.

— Нет. Я могла бы сказать, что испытала дежа вю, но вчера я точно знала, что

произнесет Петра, и что ответит ей Мурилла. Явидела, как все отматывается назад, а потом запускается заново.

— Я не уверен, что твое дежа вю имеет к моим способностям отношение...

— Сделай это. Откати время назад. Прямо сейчас.

— Я не хочу вновь громить комнату.

— Верни нас к поцелую.

Незримые песочные часы сделали оборот.

— Ну, тише, тише, — она гладила его по руке, а он чувствовал, что его рубашка в том месте на плече, к которому девушка прикоснулась щекой, намокла. Надя плакала.

Потом случился поцелуй, за которым последовал их диалог. Но прежде чем Макар отвечал Наде, она говорила слова и за него.

Макар, не веря, несколько раз возвращал поцелуй, и каждый раз убеждался, что Надя помнит, что происходило во время отката. А он, увы, забывал все гораздо быстрее. Оставалась лишь тень воспоминаний, которая тут же таяла, стоило лишь напрячь память. Как невозможно поймать сновидение, которое не вспомнил сразу. Сколько не напрягайся, оно уходит навсегда.

Макар еще не привык, что может манипулировать временем, а потому терялся. Может быть, стоит набраться больше опыта, и он перестанет забывать те события, что стер, отмотав время назад. Но пока не прекращал удивляться, как странно работает его память. То помнит все повторы до мелочей, как тогда, когда Бай — юрн только учил его возвращать время, то тает словно снег, когда рядом девушка, что нравится безумно, то держится за киношные слова «Огонь, иди за мной!».

Все нестабильно. Его жизнь, умение пользоваться даром, память об ушедших будущих событиях, отношения с любимой.

Макар не хотел ее отпускать, но Надя ушла, сказав, что им обоим есть о чем подумать.

«Дагар. Между нами стоит лорд Дагар».

Макар ненавидел лорда, хотя понимал, что ненавидеть не за что. Тот придет за своим, как он сам пришел бы за Надей, знай, что она ждет и любит.

«Может, он рубаха — парень?»

И тут же усмехнулся нелепому предположению. Могущественный лорд и рубаха — парень...

«А как же мы?»

Да, между ними установилась какая — то связь — Надя чувствует его любовь, его боль. Но очень сомнительно, что локатор, улавливающий сигнал, говорящий о чувствах, сам испытывает их.

«А поцелуй?»

На пике чувств всякое случается. Люди делают и большие глупости.

***

— Эх, паря! Ну чего ты раскис?

Макар стоял у открытого окна и смотрел на бегающего по палисаднику Грушевича. Беззаботность собаки немного успокаивала. Желание верить, что бес, вселившийся в тело Наты, солгал, боролось с голосом разума.

— Она ведь правду сказала. О маме. Бес не мог знать моего имени. А Ната назвала меня Макаром.

Гном встал рядом со студентом и вдохнул полной грудью пахнувший летними цветами

воздух.

— Я даже не знаю, как тебя утешать, Макарушка. Увидеть беса в теле невесты — большой удар. Но Окси правильно сказала. Бесы — лживые твари. Поняв, что минуты его поганой жизни сочтены, он и не такое мог придумать. Лишь бы напакостить. Давай верить, что с мамой все хорошо, а?

— Гугл, мне бы с Хочем поговорить. Пусть бы смотался ко мне домой, одним глазком посмотрел, все ли в порядке.

— Эх, паря! Правилами Заставы запрещено интересоваться жизнью родственников. Переступил порог — стал отрезанным ломтем. Хоть на такое не решится, ему Застава дорога, он против нее не пойдет. Поэтому возьми себя в руки, и считай, что бес тебе просто в душу нагадил.

— Где ее похоронили?

— Опять ты за свое! — Гугл хлопнул ладонями по бедрам.

— Нет, я о Нате.

— Дык, я не уверен, что она умерла. После того, что Окси заявила принцу, он с тела твоей невесты пылинки сдувать будет. Чего смотришь?

— Я опять ничего не понимаю.

— Угу. Это у Пскопских шоком называется. Тут помню — тут не помню. А ты сам подумай — с чего бы Аравай — абе беса уносить с собой?

Макар как наяву увидел закрывающийся портал и гоблинского принца, с трудом просовывающегося в него с телом Наты в руках. Ведь не бросил, как остальные. С собой зачем — то потащил...

— Что? На самом деле ничего не помнишь? — Гном покачал головой, с беспокойством глядя на Макара. — Так я развею туман: принц прихватил беса с собой только потому, что Окси его на слабо взяла. Больно уж дуре — девке не хотелось отправляться с Абой в Гобляндию. Вот ведь мастерица кишки на руку наматывать!

— И что она ему сказала?

— Когда принц схватил бесовку за горло, она выкрикнула: «Что? Еще один цветочек к моим ногам? Ваше тупое высочество иного и делать не умеет, как только убивать? Слабо найти другой способ изгнания беса?»

«Тогда будешь моей?»

«Сначала сделай!»

«Ну, смотри, девка! В третий раз обещаешь!»

Макар от неожиданности сел на кровать.

Ната жива и находится в руках у принца. Еще не все потеряно! Он может узнать, что случилось с мамой.

Гугл сел рядом.

— Ты, Макарушка, большие надежды не строй. Окси такой ловкий ход придумала, чтобы Абу отшить, а на самом деле она знает, что останется безнаказанной. Нет другого способа избавления от беса, как только убить носителя. Об этом во всех мирах известно. Дни твоей невесты сочтены. Не гоблин, так сам бес ее уничтожит.

— Мне не кажется, что все так плохо. Вот ответ мне, Гугл, почему Исида открыто нарушила права Аравай — абы? Попаданка дважды сказала «да», но до сих пор находится среди нас. Ведь ведьма за уничтожение бесов должна быть принцу благодарна. А она, при всей нелюбви Заставы к Окси, не подтолкнула ее в спину, чтобы та ласточкой влетела в

гобляндский портал. С чего бы это?

— Да, надежда умирает последней, — сокрушенно цокнул языком Гугл, видя, как заблестели глаза Макара.

— Я знаю, Исида не вмешалась только из — за того, что в их споре есть рациональное зерно, — студент не унимался, горячо убеждая гнома в том, во что хотел верить сам. Ему нужно было вынуть застрявшую в сердце пулю — такую боль он ощущал, думая о матери. Гадания жива — не жива сводили его с ума, и он цеплялся за любую соломинку. — Окси для Заставы стала важной персоной. Можно сказать, заложницей. Желая ее заполучить, упертый Аравай — аба найдет способ изгнания бесов. И я узнаю, соврал бес или нет.

— Какой же ты романтик, Макарушка. И фантазер, — Гугл поднялся, поправил жилет, достал из кармашка брегет на длинной цепочке. Глянув на часы, вздохнул. — Ну, я пойду. Выпей, вон, киселек. И ватрушку съешь. Сегодня они особо удались. Даже Исида похвалила.

Макар не стал есть. Были дела поважнее. Вернее, думы.

Когда гном произнес «большие надежды не строй», Макара словно током ударило — он вспомнил, как вчера отматывал время. Он ясно увидел, что стоило гоблинскому принцу бросить труп Наты на лестницу, как тут же окружающие его фигуры пустились вскачь. Перемотка времени происходила на высокой скорости, словно он смотрел черно — белый фильм начала двадцатого века, с той лишь разницей, что все актеры двигались задом — наперед.

Почему его мозг уже второй раз реагирует на слово «надежда»? Почему именно оно стало ключом к открытию дверей с надписью «память об измененном будущем»? Как связана кнопка «Пуск» с самой Надеждой?

Когда на совещании в секретной комнате было упомянуто, что слово «надежда» будит его воспоминания, Макар в это слабо верил. Простое совпадение и ничего более, так думал он. Но теперь все меняется — достаточно рассказать о найденном «ключе» Надежде, и она поможет вернуть утраченные воспоминания. Тогда он будет знать, совершил ли ошибку или поступил правильно, переделав будущее.

Но как долго Надежда останется рядом с ним? Месяц — два и она уйдет следом за лордом Дагаром. Посвятить в тайну возврата памяти еще кого — то, чтобы ему чаще напоминали о надежде?

Макар вздрогнул, вдруг поняв, что находится в комнате не один.

У двери в углу стояла фигура женщины. Ее длинные волосы песочного цвета струились по обнаженным плечам. Макар резко отвернулся. Оказалось, волосы — это единственное, что прикрывает ее тело.

Дуновение ветра и таинственная незнакомка стоит уже возле кровати.

— К — к—кто вы?

— Мэя. Не бойся, — прошептала она и склонилась над Макаром. Ее волосы пахли летом — скошенной травой, медом, грушами. Взглянув в глаза Мэи, он ощутил прохладу реки, объявшей тело и плавно несущей в своих водах. Он едва заметно отшатнулся, когда она потянулась к нему губами, но, увидев печальную улыбку, в которой читался укор, устыдился.

Она поцеловала его в лоб.

Он, падая на кровать, успел почувствовать, как женщина провела пальцем по его запястью, и кожу опалило болью.

Глава 16. На Кимбу опустился туман

— С возвращением, Макарка!

В кресле сидел Бай — юрн. Его рот растянулся в противоестественной для земных кошек улыбке. Усы, на кончиках которых плясало солнце, задрались как антенны.

— Сколько я спал? — Макар потянулся, чувствуя, как занемело тело.

— Четыре дня и четыре ночи. Кушать хочешь?

— Вот как, — только и смог сказать студент, мысленно сканируя свое состояние. Бока явно отлежал, но в сознании ощущалась такая легкость и чистота, словно он только что появился на свет. Ни плохих мыслей, ни хороших. Ничего, что могло бы задеть и всколыхнуть страшные воспоминания. Да, он знал, что в Нату вселился бес, и что этот бес прошипел о смерти мамы. Но после сна, оказавшегося целительным, Макар не чувствовал едва не сведшей с ума боли. Лишь слабые ее отголоски, как рябь от брошенного в море камешка. Может ли он потревожить водную стихию? Нет. Море столь велико, что просто не заметит его появления.

Комната находилась в идеальном порядке — ни сломанной мебели, ни рваных занавесей.

— Мы по очереди дежурили у твоей кровати, — посчитал нужным сообщить кот. — И Гугл, и Мурила с Петрой. И Надежда.

Он выделил последнее имя.

— Все было так плохо? — студент сел и повел затекшими плечами, хрустнул шеей.

— Мы боялись, что ты не проснешься. Мурила с Петрой хотели с тобой попрощаться.

— Я был похож на мертвеца? — удивился Макар. Он представил, как у его кровати стоят две скорбные фигуры в черном и произносят в унисон: «Прощай, дорогой товарищ». А потом кладут на его грудь две гвоздики.

— Нет. Настал день икс. Сегодня произойдет долгожданное соприкосновение с миром Мурилы. Туман Кимбу ждет ее. Петра взялась сопровождать подругу. Так и заявила, что не оставит ее, помня, как был немилостив Кимбу к Муриле. Обе переживают и не знают, чем закончится поход.

— А Застава? Разве она их выпустит?

— Почему нет? Мурила добровольно пришла на нашу Заставу и сразу же оговорила, что когда —нибудь покинет ее ради чудодейственного тумана. Вот условия пребывания Петры в мире Кимбу пришлось согласовывать. Кимбужцы разрешили, чтобы Петра пересекла их Заставу, но запретила ей входить в туман. Они трясутся над ним, как над богом, соизволившим спуститься к мертвым.

— Разве Мурила в этом случае не выступает, как Йеллопухец, согласный взять на себя опеку над попаданкой?

— Да, все так и было бы, если бы Мурила оказалась мужчиной. Только разнополюсные пары могут следовать правилам перемещения в иные миры. Ну, или гаремы, если в мире главенствует такая система отношений.

— Получается, Мурила вступит в туман Кимбу, а Петра будет ждать ее на пороге?

— Все так. Я полагаю, что Петра где — то в глубине души надеялась на туман Кимбу. Кому не захочется стать красивой, всего лишь открыв душу мудрому существу? Но туман не так прост. Награждает только своих. Да и, честно говоря, я не уверен, что все рассказанное

кимбужцами не байки, лишь бы оправдать наличие в их мире уродов. Придумали сказочку и верят в нее. А когда урод так и остался уродом, всего лишь раз в жизни вступив в туман, сразу же находятся оправдания. Мол, не чист душой. Сколько таких как Мурила не вернулись домой, лишь бы их родители не испытали за них стыд?

— Думаешь, надежды нет?

— Все — таки хорошо, что Петра не отказалась от своей затеи. Будет кому поддержать разочаровавшуюся в «мудром» тумане Мурилу.

— Когда они пойдут на Заставу Кимбу?

— Вот — вот.

— Я хочу проводить их, — сказал Макар, доставая рубашку с длинным рукавом. Бай — юрн усмехнулся, понимая, почему Капец сделал такой выбор. На его запястье красным горела татуировка с единственным словом «Надежда».

В порталном коридоре скопилось много пограничников. Все ждали, когда откроется проход на Заставу Кимбу. Кто — то, как Надежда, Исида, Крошка Пиу, пришли проводить подруг, соперезживая им, а кто — то, в частности Окси, заявился из любопытства. С лица блондинки не сходила ехидная улыбка. Гордый поворот головы и упертые в бока руки кричали: «Вот она я, Владычица заставская и сама Застава у меня на побегушках». Да гоблинский принц, сам того не ведая, поднял статус пышнотелой девушки. Ее комната переехала из подвала наверх, и теперь живущие на Пределе частенько вздрагивали от ора и громкого смеха «почти гоблинской королевы», поставившей самого Аравай — абу на колени.

— Через недельку я спрошу с него, — хвасталась Окси, собрав вокруг себя любителей сплетен, — выполнил ли он мой приказ. И если нет, не видать подтаявшему куску фисташкового мороженого моего благоволения!

— Тьфу, что за дура! — плевался повар, проходя мимо. — Посмотри на себя, хабалка! С кем вздумала шутки шутить! Он же тебя в бараний рог скрутит.

— Да мой рогатик ему ножки на шее бантиком завяжет! — парировала Окси. — Пусть только попробует сунуться! А ты, недомерок, иди, куда шел. Котлы и черпаки ждут тебя.

— Совсем ум потеряла, — качал головой Гугл. Если бы кто в этот момент видел прищуренные глаза Икиды, понял бы, что шахматная королева знает об Окси гораздо больше, чем она сама о себе ведает. Но Окси купалась в лучах славы, свалившейся на нее, и не замечала недовольства ведьмы.

Вот и сейчас Окси закатила глаза, когда взволнованные подружки появились в порталном коридоре. Они держались за руки. Петра была бледнее обычного, а Мурила, стоя у стены, переступала с ноги на ногу. Ее прекрасные глаза с тревогой поглядывали на подружку. Казалась, скажи Петра хоть слово против, и Мурила откажется от своей затеи. Но Петра время от времени сжимала птичью ладонь кимбужки, стараясь подбодрить ее.

Когда проход начал открываться, Мурила заплакала. Крошка Пиу обняла ее колени, и ладонь Мурилы погладила малышку по голове. Чем шире становился портал, тем короче были пожелания пограничников, по очереди обнимающих девушек.

— Все будет хорошо!

— Ждем вас на Заставе!

— Возвращайся красоткой!

— Ты заслужила!

— Замолви слово за Петру, вдруг туман согласится и ее выслушать? — Крошка Пиу

подняла на Мурилу свои огромные глаза.

— Обязательно, — кивнула Мурила.

— Нет, не надо. Мне и так не плохо, — застенчиво улыbnулась Петра.

Пограничники не уходили из порталного коридора все два часа, что Мурила и Петра находились на Заставе Кимбу.

— Сейчас появятся, почти весь песок осыпался вниз, — произнес гном, вернувшись из кухни с бидончиком прохладного компота и стопкой одноразовых стаканчиков. Это был уже третий его поход за напитками. Пограничники сидели вдоль стен и тихо беседовали. Поначалу царило оживление.

— Они быстро вернутся, — пророчил Бай — юрн. — Мурила девушка хорошая, туман, если он божественного происхождения, как уверяют кимбужцы, сразу поймет, что она достойна красоты. Вот попомните мои слова.

Попомнили. Окси раз пять передразнила его, называя «блохастым оракулом».

Кот уже перестал обращать на нее внимание и, устав сидеть, растянулся на полу, позволив Крошке Пиу и Надежде прикорнуть на его теплом бочке.

— А ты иди, на лестнице посиди, — поднял он голову, когда Окси захотела присоединиться к ним. — Там место царицы гоблинской горы.

— Да Аравай — аба еще в ногах моих будет валяться и молить, чтобы я ему задание полегче придумала! — фыркала Окси, ворочаясь на каменной лестнице. — Вот я ему и прикажу, чтобы всех блохастых на Заставе извел. А что им здесь делать, если мышей не ловят? Развелось бездельников...

— Давай доживем до конца недели, — лениво отвечал ей Бай — юрн. — Посмотрим, с чем зайвится гоблинский принц, а потом и планы будем строить. А ну как он найдет способ извести бесов, а, Окси? И придется тебе выйти замуж за подтаявший кусок фисташкового мороженого. Если он еще позовет. Такое открытие сделает его самым могущественным во всех мирах, и ему настоящая королева потребуется, а не какая — то сисястая хабалка.

Окси поджала губы и задумалась.

Портал начал уменьшаться в размерах. Крошка Пиу, не выдержав, подскочила к нему и крикнула:

— Петра! Мурила! Вы где?

— Идут, идут! — такой же тоненький голосок ответил с той стороны.

— Привет, Кроха Юн, как поживаешь?

— Да нормально все, — с небольшой заминкой произнес мальчик — с-пальчик, показавшийся с другой стороны портала. — А как ты, Пиу?

— Живем. Мне послышалось или на самом деле в твоем голосе тревога?

— Сама сейчас все поймешь, — ответил он, сжав в прощальном жесте руку Пиу.

У прохода появились две черные фигуры. Заплаканное лицо Петры пряталось за включенными волосами, шаг Мурилы, одетой в джаб, был таким неуверенным, словно она вот — вот упадет в обморок.

— Помогите им, — воскликнула Крошка Пиу, и подскочивший Макар успел подхватить Мурилу. Петра, облокотившись на плечо Надежды, достала смятый носовой платок и вытерла лицо.

Никто не стал сыпать вопросами. Девушек отвели в комнату Петры, как она того пожелала.

Петра легла на кровать рядом с безучастной Мурилой и крепко обняла ее.

— Спасибо! — поблагодарила она Надежду и Макара, а потом добавила: — Застава, пожалуйста, не пускай никого до утра.

Дверь медленно закрылась.

— Ух, что же там произошло? — обернулся гном.

— Я был прав. Кимбужский туман — байки для простаков, — вздохнул Бай — юрн. — Жалко Мурилу. Столько лет ждать...

Гугл поискал глазами Крошку Пиу. Отозвав ее в сторону, шепотом произнес:

— Ты бы спросила у своего дружка с кимбужской Заставы, кто нашу Мурилу обидел.

— Но портал почти закрылся...

— А мы поторопимся. Макар, хватай Пиу и бежим вниз!

От портала осталась узкая щель, возле которой топтался Кроха Юнг.

— Я знал, что ты захочешь ответов, — сказал он Пиу, протягивая клочок бумаги, на котором что — то было нарисовано. — Все не так однозначно, как привыкли думать о тумане.

— Спасибо, — успела крикнуть Дюймовочка, пряча рисунок в карман фартука.

***

В смотровой комнате собрались избранные. Макар и Надежда вошли в их число. Галатея и Исида, Гугл и Бай — юрн, Сапфир и Крошка Пиу — вот и все, кто присутствовали на просмотре.

Дверь, закрытая перед носом вездесущей Окси, вызвала на ее губах кривую усмешку, и ехидное «Да не больно и хотелось!».

Сначала Макар не понял, почему созерцание рисунка, накарябанного на клочке бумаги, назвали «просмотром». Собственно и смотреть была не на что. Две фигуры, одна из которых была в джабе, стояли по обе стороны от порога, держась за руки. Их лица были обращены друг на друга. Фигуру в джабе художник заштриховал, таким способом изображая туман. Вот и все.

— Значит, мы правильно рассчитали срок соприкосновения. Туман опустился на Кимбу, — удовлетворенно заметила Исида, складывая бумажку в несколько раз.

Гном между тем перенес с тумбочки на стол всем известную шкатулку, из которой Исида извлекла чашечку. Уложив в нее рисунок, ведьма щелкнула по фарфору кончиком ногтя. Сноп искр, похожий на бенгальский огонь, вырвался вверх, и все присутствующие закрыли глаза. Макар последовал их примеру.

Он увидел чужую Заставу, по которой торопливо шли две подруги. Их сопровождал Кроха Юнг.

Макар почему — то не ожидал, что и там будет кафе. Правда, совсем не похожее на «Приют проходимцев». Помещение, увешанное яркими коврами, с расставленными по кругу низенькими столами и мягкими диванами, на которых сидели люди, на турецкий манер поджав ноги, как минимум тянуло на ресторан. Посетители пили из огромных кувшинов, стоящих на полу, в которые были опущены длинные гибкие трубочки. Играла музыка, и танцовщица в экзотической одежде, похожей на оперение золотого павлина, исполняла медленный танец, красиво изгибаясь и выставляя в разрез то одну ногу, то другую. Все в ней было совершенно. Плавные линии тела, удивительное лицо, пленяющее своей красотой, темные волосы, гладкой волной спускающиеся до середины бедра. Но более всего поражали глаза — лучистые, ясные, непередаваемого сливового цвета. «Как у нашей Мурилы», — подумал Макар.

Петра лишь мельком взглянула на танцовщицу, и еще крепче ухватила за ладонь подруги.

Кроха Юнг открыл резную дверцу, за которой клубится белый туман. Мурила чуть помедлила, потом шагнула в это молоко, и если бы не сцепленные руки, можно было бы подумать, что Петра осталась совершенно одна. Было заметно, что она сильно волнуется. То закусывает губу, то начинает убирать с лица волосы, которые не заплела, следуя давней привычке прятаться за ними. А теперь они мешали.

— Мурила? — тихо позвала она. Хотя ладонь подруги была в ее руке, молчание беспокоило. Петра и хотела узнать, что с Мурилой происходит, и в тоже время боялась отвлечь подругу. Но разве с туманом разговаривают молча?

— Может, вы присядете?

А Петра уже и забыла, что рядом с ней стоит Кроха Юнг, поэтому вздрогнула от его вопроса. Только повертела отрицательно головой, и вновь погрузилась в ожидание, вперив взгляд в туман, который хотя и клубится близко, ни на волосок не перелез за порог.

Вдруг из тумана донесся певучий голос Мурилы:

— Нет, я не отпущу ее руку.

Видимо собеседник Мурилы что — то отвечал, но его голос не был слышен.

И опять девушка возразила:

— Нет человека, душа которого чище и светлее, чем у Петры. Я не оставлю ее. Мы вместе пришли в Кимбу, вместе и уйдем.

Опять пауза.

— Если таково условие, то я выбираю уродство. Я не буду молиться на божество, дарующее благо одним за счет слез других.

— Мурила, — подала голос Петра. — Отпусти мою руку. Ты так долго ждала чудесного превращения. Туман испытывает тебя, я уверена.

— Нет, Петра, — донесся голос Мурилы, — он шепчет, что я стану красивой, как только откажусь от нашей дружбы. И если я нарушу клятву, то вновь превращусь в монстра.

Небольшая пауза, во время которой Петра попыталась высвободить свою руку, но птичья ладонь цепко ее держала.

— Нет, — Мурила опять возражала туману, — я не хочу жить в мире, где всех, кто носит джаб, намеренно делают изгоями, ставя травлю условием получения красоты. Я уйду! Я не принимаю твою игру.

И она показалась на пороге.

— Что ты наделала? — заплакала Петра, принимая подругу в объятия. — Ты обрекла себя на вечное ношение джаба...

— Петра, у меня есть ты, — Мурила тоже плакала. Обе опустились на пол. Из — за пережитого напряжения их не держали ноги. — Давай уйдем отсюда. Зачем мне этот страшный мир?

— А у меня есть ты. Я благодарна тебе, но боюсь, что когда — нибудь ты пожалеешь о своем решении.

Петра достала из кармана платок и передала Муриле. Та, промокнув глаза, которые горели ярче звезд, поднялась.

— Как ты говоришь? К черту тех, кто не понимает, что не в красоте счастье? Пойдем, подруга, домой. Там ждут те, кто любит нас без всяких условностей. Гугл, Бай — юрн, Крошка Пиу...

— Надежда, может быть, чуть — чуть Макар...

— Хочь — убей, я уверена, тоже любит, хоть и скрывает...

— Ты забыла Окси назвать. Она уж точно ценит душу выше красоты, — обе рассмеялись, не заметив, что на них смотрят те, кто сидит на мягких подушках и пьет из высоких кувшинов, танцовщица, уже другая, перестала красиво изгибаться. На их лицах появилось брезгливое выражение.

— Ее не принял туман, — прошипел кто — то.

— Уродина! Эна! — уже громче сказала красивая и холеная женщина, оторвавшись от трубочки.

— Она осталась уродиной, потому что у нее черная душа! — сказал, поднимаясь с дивана, мужчина, которого смело можно назвать рекламным красавцем.

Мурила сжалась.

— Вы сами уродцы! — запальчиво выкрикнула Петра. — Посмотрите на себя, самодовольные индюки!

В этот момент кто — то кинул в нее фрукт, похожий на сочный персик. Он некрасивой кляксой разбился о плечо Петры и сполз по черной ткани платья.

— Уродина, надень джаб! — истерично закричала разодетая в золото танцовщица, швырнув в Петру подушкой.

Не ожидая удара с той стороны, Петра упала.

Мурила черной птицей подлетела к обидчице и вцепилась ей в волосы.

Далее последовал бой, в котором представительницы Псковской Заставы, несмотря на то, что их было двое против шестерых, одержали победу.

Кроха Юнг спокойно наблюдал, как получают тумачи гости Заставы, застигнутые туманом в пути. Ведь красавицы и красавцы Кимбу никогда не выходят в туман, боясь наткнуться на тех, кто носит джаб и молит о красоте приходящее раз в жизни божество.

Глава 17. Какие тайны скрывает «Книга судеб»

Некоторые из пограничников, бывших на «просмотре» рисунка, не сговариваясь, вернулась к дверям Петры.

— Еще закрыта, — Крошка Пиу дотянулась до ручки и несильно подергала ее.

— Подождем здесь, — Бай — юрн буквально рухнул у стены. — Мало ли что еще произойдет? Крушение надежд перенести нелегко.

Последнюю фразу кот произнес уже с закрытыми глазами. По заведенному прежде порядку под его теплый бочок пристроились Надежда в обнимку с Крошкой Пиу.

Макар потрогал манжету рубашки, под которым пряталась обретенная ночью татуировка. О ней он не забывал ни на минуту. Она болела. Студент часто сдвигал рукав, но не только для того, чтобы посмотреть на медленно заживающую рану. Он хотел убедиться, что ничего не забыл.

Вот так просто решила проблему таинственная женщина. Не нужно дожидаться, когда кто — нибудь произнесет заветное слово «надежда» для того, чтобы вспомнить, возвращалось ли время назад.

Кроме раны, покоя не давали загадка — кто такая ночная гостья? Каким — то непостижимым образом она сумела заглушить боль, загнав тревогу о матери так далеко, что даже сейчас, оставшись наедине со своими мыслями, Макар не испытывал острого отчаяния и душащей тоски. Как будто слова беса были произнесены сотни лет назад, и мозг успел свыкнуться с их ужасающей правдой.

Странно, длинноволосая волшебница вроде называла свое имя, но Макар не смог его вспомнить.

Сев с другой стороны от двери, студент прижался спиной к стене и лениво наблюдал, как устраивается на ночлег гном. Тот кряхтел и сопел, но никак не мог найти удобного места, да и «Книга Судеб» оказалась не очень хорошей подушкой.

— На вот, картинки посмотри, — в сотый раз громко зевнув, произнес Гугл. Фолиант по гладкому полу пулей долетел до Макара. — Ты меня чуток позже пни, я тоже на посту постою. Или полежу. Тут уж как получится.

— Она как будто бы не хочет, чтобы я открывал ее! — Макар отдернул ладонь от книги, испытав легкое жжение.

— А ты ее по обложке погладь. Женщины ласку любят. — Укрывшись кошачьим хвостом, гном тут же захрапел.

— Женщины? Опять? Сначала Вольт, теперь книга? — Макар осторожно дотронулся до сморщенной от времени кожи. От неожиданного щелчка металлического замочка, скрепляющего края обложки, сердце пропустило удар.

— Разрешаешь узнать твои тайны? — осмелев, студент медленно провел по кожаному переплету рукой. Ощущение было такое, будто он гладил лысую кошку породы Сфинкс. Удивительное дело — кожа под его ладонью тянулась, разглаживалась, даже как будто бы ластилась.

Открыв книгу на первой странице, Макар ничего не понял. Такое безобразие дети называют «каляки — маляки». Кого из жителей или проходимцев записывала Пиу, и гадать не хотелось. Он не решился прикоснуться и к последующим неумелым художествам Крошки, некоторые из которых очень уж походили на изображение девушки — призрака из фильма

«Звонок».

Ужасов на сегодня хватит.

Листая фолиант, студент замечал, как со временем оттачивалось мастерство маленькой художницы. Зарисовки Пиу стали передавать не только внешность, но и характер зарегистрированного на Заставе существа. Шестьсот шестьдесят седьмой по счету шла Надя.

Макар обернулся на спящую девушку. Стоит только приложить ладонь к портрету Надежды, и он многое узнает о ней. Но не будет ли этот поступок смахивать на подсматривание в замочную скважину?

Он закрыл книгу, чтобы уйти от соблазна. Не теперь, когда Надя перестала быть простым «объектом для наблюдения».

Начало клонить в сон. Сопение, пыхтение, мурчание соседей не способствовало сохранению ясной головы. Макар поймал себя на том, что клюет носом. И, если бы не выпавшая из рук книга, он бы, наверное, отключился.

Фолиант открылся на странице с нарисованной аркой и стоящим под ней высоким мужчиной. Он прижимал к груди спящую девочку, удивительно похожую на Крошку Пиу. Дремота слетела моментально, как только Макар взгляделся в лицо незнакомца — он оплакивал ту, что покоилась в его руках. Дюймовочка явно была мертва.

Боясь и, в тоже время, желая узнать, что произошло, студент положил ладонь на рисунок. Мозг обожгло чужими воспоминаниями. Создавалось впечатление полного присутствия.

«— Сторк Вайракс, вы еще успеете! — кричал чумазый Гугл, протягивая руку в сторону мерцающего портала. Коса гнома растрепалась, волосы прилипли к потному лбу.

— Нет, — покачал головой мужчина. — Я останусь с Лекой.

— Но она уже мертва, Заставу не спасти! — в поле зрения появилась Исида. Ведьму трудно было узнать, скорбь и ужас изменили ее лицо. Куда подевалась привычная холодность? Порывистые движения, готовность действовать быстро, нежелание понять упрямство стоящего напротив человека.

Кто — то из присутствующих тоненько скулил.

Повернув голову на звук, Макар увидел Крошку Пиу, стоящую на коленях и закрывающую ладошками глаза.

— Вайракс, не дури! Ты вырастишь себе новую Заставу! — к проходу шагнул сторк Игеворг, пытаясь достать мужчину и насильно перетащить его на свою сторону, но тот отступил вглубь.

— Хватит. Я больше не могу смотреть, как они умирают.

Портал с треском захлопнулся.

В коридоре воцарилась тишина, хотя в нем столпилось не менее пятидесяти существ. Макар узнал Ганну. Она беззвучно плакала, обняв Бугера, который выглядел значительно крупнее.

«Сточился со временем что ли?»

Мелькнула мысль, что Бугер меняется также как и горы, которые пока молоды — круты и высоки, а спустя тысячелетия от них остаются лишь облизанные ветрами и дождями холмы.

Сторк Игеворг взял на руки плачущую Крошку Пиу, и, пройдя мимо потрясенных зрителей поступка Вайракса, зашел с ней в тайную комнату, где в кресле сидел Сапфир.

Над столом мигала огнями объемная карта миров.

Бармен следил за золотистой точкой, которая медленно отплывала от Пскопской Заставы.

— А где Вайракс? — оторвавшись от карты, спросил он, бросив взгляд за спину сторка.

— Остался с Лекой. Это его выбор, — сторк Игеворг устало опустился в кресло и, удобнее устроив голову Крошки Пиу на локте, погладил ее по спутавшимся волосам. — Иногда мы способны совершать и такие глупые поступки.

Дюймовочка сонно моргнула.

— Спи, девочка, — ласково произнес сторк и подул ей в лицо.

— Сколько к нам перешло новеньких? — шепотом, боясь разбудить Пиу, спросил Сапфир.

— Девятеро.

— Много.

— Ничего, как — nibудь разместимся. Нам достались повар, Точильщик и куча попаданок.

— Уф, — поморщился Сапфир.

Оба эльфа устремили взгляд на гаснущую искру. Последняя неяркая вспышка и Застава сторка Вайракса перестала существовать.

— Когда на Цетиле взойдет новая Застава?

— Боюсь, мир солнцеликих для нас потерян навсегда.

— Но в человеческом мире Застава уже трижды прорастала, — Сапфир наклонился вперед, его ладони обхватили мягкие подлокотники. Он, не мигая, смотрел на сторка. — Или есть какой — то секрет?

— Есть. Ты за столько веков должен был догадаться, что погибшая Застава никогда не прорастает вновь. Это миф. Мы придумали его для тех, кто оплакивает Крошек и Крох. Мол пройдет время, и они возродятся вместе с Заставой. Но Крохи каждый раз разные.

— Неправда, я помню и первую, и вторую Пиу, они как близнецы.

— Вот именно. Они похожи, но это не одна и та же девочка. Новая Застава — новая хранительница книги.

— Я представлял, что Застава как сорняк, — Сапфир откинулся на спинку кресла. Он выглядел растерянным. — Погибнет в одном месте, вылезет в другом, требуется только подождать. Я был уверен, что Крошке Пиу всякий раз приходится заново познавать Междумирье. И она просто не помнит свои прежние жизни.

— Ты прав в одном: Застава в чем — то похожа на растение. Она начинается с Зерна. Мне и твоему отцу повезло найти несколько Зерен и свободный мир. Эта Застава, — сторк Игеворг кивнул на всхлипывающую во сне Крошку Пиу, — последняя.

— Кто еще об этом знает?

— Твоя мать, Тея. Теперь ты.

— Почему вы с братом разделились? Почему мой отец ушел в Вервильфию, оставив меня и мать на Земле?

Взгляд сторка застыл.

— Пусть Исида сама расскажет.

Поняв, что тот больше не произнесет ни слова, Сапфир вернулся к разговору о погибшей Заставе.

— И что же будет с миром солнцеликих? У Вайракса были еще Зерна?

— Я знаю об одном, которое, по всей видимости, сгорело вместе с Заставой. Поэтому уверен, что Цетил, как стабильный мир потерян для нас. Притянуть его без Заставы почти невозможно, как и предугадать, где и когда произойдет хаотическое касание.

— А если попробовать? Ведь когда — то сторки были первопроходцами и открывали новые миры. Почему не повторить давний опыт?

— Без Зерна в руках и пытаться не стоит. Их осталось так мало, что никто из сторков не захочет делиться своими запасами.

— А откуда взялись Зерна?

— Они сами по себе летали в Пространстве. Как только между мирами разнеслась весть, что из Зерен прорастают магические Заставы, за ними началась погоня. Каждый сторк хотел иметь собственную Заставу. Но вскоре выяснилось, что невозможно одновременно вырастить две Заставы в одном и том же мире. Зарытые в почву Зерна просто каменели, и уже никогда не пробуждались.

— И где этот колос — праотец Застав?

— Увы, мы его так и не обнаружили. За тысячелетия Заставы появлялись и гибли, а количество Зерен неумолимо сокращалось. Сейчас найти плавающее в Пространстве зерно просто немыслимо. Когда — нибудь исчезнет последняя Застава, и связь между мирами прервется. Вернется хаос».

— Макар, ты почему стонешь?

Студент поднял глаза, не сразу узнавая Надежду. Он с трудом возвращался в настоящее.

— Я видел... — Макар осекся. Он не знал, стоит ли открывать тайну, как можно «прочитать» книгу. — Мне приснился кошмар.

Он убрал с рисунка ладонь и закрыл фолиант. Замочек защелкнулся.

Надя села рядом, также как и Макар, прислонившись к стене и вытянув ноги.

— У меня дома осталась младшая сестра, — произнесла она тихо. — И я тоже не знаю, что с ней. Наверное, ее забрали в детский дом.

— А родители?

— Я ей была и мамой, и папой.

Надя затаила дыхание. Макар понял, что она не хочет расспросов, поэтому просто положил ладонь на ее руку, которой она нервно мяла край платья. Пальцы прекратили свое движение.

— Сколько ей лет?

— Вере всего восемь. Прошу тебя, Макар, — Надя подвинулась так, чтобы видеть его глаза, — если у тебя получится выбраться отсюда, найди ее. Наша фамилия Толоконниковы. Сестра очень похожа на меня, ты ее сразу узнаешь.

— Ты думаешь, я сумею выбраться? — От него не ускользнуло, что Надя, пользуясь моментом, вытщила свою ладонь из — под его руки.

— Да. Я верю, что когда — нибудь ты будешь так силен, что откатишь время назад и вновь окажешься в нашем мире. Ты придешь домой и увидишь, что твоя мама жива и здорова. Вот тогда, Макар, пожалуйста, вспомни, что где — то в городе живет девочка, которая осталась совсем одна.

Они немного помолчали.

— Больше никогда не лови поднос, — вдруг произнесла Надя.

— Откуда ты знаешь о подносе? — удивился Макар, но девушка только вздохнула. К чему вопросы? На Заставе полно любителей посплетничать.

— Просто не лови этот чертов поднос.

— А ты? Если у меня получится, то время повернется назад для всех. И для Заставы, и для ее жителей, — Макар взглянул в широко раскрытые глаза Нади, — и для тебя.

«Она не собирается возвращаться, — запоздало мелькнула догадка. — Надя любит Дагара и хочет остаться с ним».

— Я попала в Эльфийское княжество за год до твоего похищения, и боюсь, что у тебя не выйдет отмотать время на такой большой срок. В нашем мире нет магии, а потому, стоит тебе оказаться там, как твой дар моментально исчезнет.

Предположение ошеломило.

Междумирье так или иначе разлучит их.

— Я обещаю найти твою сестру, — произнес он, понимая, что именно эти слова хочет услышать Надя.

— Спасибо, — кивнула она и опять прислонилась к стене.

Вскоре девушка уснула, и во сне, ворочаясь, нашла щекой плечо Макара.

А он, боясь пошевелиться, сидел и думал о превратностях судьбы.

Вдруг дверь из комнаты Петры распахнулась, и на Предел ступила женщина, наготу которой прикрывали лишь волосы.

«Странно, что я не заметил, как она прошла мимо», — удивился Макар, глядя, как ночная гостья, имя которой он удивительным образом забыл, идет по черно — белым плиткам пола. Она двигалась тяжело, словно к ее ногам были привязаны пудовые гири.

В центре зала неземное существо остановилось и медленно подняло голову вверх.

Макар чуть не вскрикнул от неожиданности, вовремя зажав рот рукой — на месте исчезнувшего потолка висело черное небо, усеянное мириадами созвездий и туманностей.

Женщина вскинула руки и тряхнула кистями. На мгновение Макару показалось, что вместо пальцев у нее птичьи когти, но видение тут же исчезло, как исчезло и космическое небо, уступая место белому потолку.

То ли Макар выдал себя пристальным взглядом, то ли не удержал вздох, но ночная гостья резко обернулась. Так обычно оборачиваются хищники, которых застали врасплох.

Узнав студента, она улыбнулась. Куда делась прежняя тяжелая поступь? Женщина приблизилась так легко и быстро, будто ее принесло дуновением ветра. Медленно наклонилась и ткнула Макару в лоб вполне человеческим пальцем.

Глава 18. Кто на Заставе всех милее, всех румяней и белее

Утром «болельщиков» разбудил полный боли крик Петры.

Ворвавшись в комнату, они застали девушку горько плачущей и прижимающей к лицу одежду Мурилы.

— Она оставила джаб! — отчаяние Петры было столь ощутимым, что у Нади и Крошки Пиу на глазах появились слезы.

— Ну и что? — выдохнул кот, у которого от неожиданного крика шерсть на загривке встала дыбом. — Надоело носить балахон, вот и скинула с себя.

— Вы не понимаете, — глухо, так как продолжала прижимать ткань к лицу, проговорила Петра. — Лишь в одном случае она могла его снять — если решилась уйти из жизни!

Надя села рядом и обняла подругу. Та уткнулась ей в плечо, джабом вытирая распухший от слез нос.

— Она так и сказала: «Найдешь сброшенный джаб, знай, мой труп недалеко». Мертвой ей было бы все равно, увидели бы ее без накидки или нет.

— Ну — ка, прекратить слезы! — гаркнул Гугл. Он чувствовал себя виноватым, так как позорно проспал момент, когда Мурила покинула комнату. — Нужно срочно отыскать нашу Мурочку! Бай — юрн, след!

— Я что, собака? — кот удивленно обернулся на гнома.

— А кто чует запах сливок, даже если они в закрытых бутылках? Крошка Пиу?

— Идите к озеру! — у двери появился запыхавшийся Хочь. — Мурила в ту сторону побежала.

— Ты ее видел? — подняла голову Петра. В покрасневших глазах засветилась надежда.

— Нет, мне Застава подсказала.

Друзья Мурилы всей толпой кинулись к лестнице, ведущей в сад. Шли молча. Лишь металлические ступени гулко сотрясалась под множеством ног.

Что могла сделать с собой отчаявшаяся девушка? Наверное, каждый мысленно рисовал себе картины одну страшнее другой. Никто не верил, что Мурила могла просто так сбросить джаб, без которого в течение долгих лет ни разу не выходила из своей комнаты.

Петра, подгоняемая страхом, бежала впереди всех. Следом за ней шли гном и Надежда. Хочь и Макар с книгой подмышкой замыкали строй, пропустив вперед Бай — юрна, верхом на котором сидела Крошка Пиу.

Сад компания пересекала в полной тишине. Друзья с замиранием сердца оглядывались вокруг себя, и желая найти Мурилу, и боясь обнаружить страшное. Даже птицы — любители петь в утренние часы, затихли, вспугнутые стремительно летящей процессией.

— Мурила — а-а! — Петра в растерянности остановилась у берега, не зная, куда двигаться дальше. Вода с грохотом падала с высоты, вспенивая поверхность озера. — Ее нигде не видно! — чуть не плача, прокричала попаданка.

— А как Мурила выглядит без джаба? — неожиданно за спинами пограничников раздался голос Окси. Все обернулись на блондинку. По ее внешнему виду легко угадывалось, что она выскочила из комнаты в большой спешке — на голове болтались бигуди, майка надета наизнанку. — Судя по когтистым рукам, она должна быть похожа или на большую

птицу, или на крокодила. А что? Вспомните его лапищу. Вполне Мурочкина. Если Мурка что — то вроде крокодила, то надо палкой пошурудить по дну, она и всплывет, а если птица, то надо искать где — то там, — Окси задрала голову и, прикрыв глаза ладонью от слепящего утреннего солнца, стала всматриваться в скалы, окружающие озеро.

Ее действия были столь уверенными, что пограничники как по команде развернулись к скалам и тоже прищурили глаза, пытаясь отыскать среди камней большую птицу.

— Тфу — ты! — опомнился гном. — Какие крокодилы? Какие птицы? Раз Мурочки у озера нет, значит, она еще в дороге. Мы ее просто опередили, побежав по самому короткому пути. А ведь можно пройти полями.

— Точно! — подхватил Макар, вспомнив, что в первый раз пришел к водопаду по тропинке, тянущейся вдоль цветочных полей.

Все развернулись и строем двинулись в сторону волнующегося красного моря — это ветер трепал лохматые головки маков.

Она шла, собирая цветы в букет. На ее голове уже красовался венок из лавандовых веточек, тень от которых падала на лицо, не давая возможности его рассмотреть. Но ни у кого не вызвало сомнения, что идущая им навстречу девушка — Мурила. А какая еще незнакомка будет неспешно гулять по цветочному полю и улыбаться каждой пролетающей мимо бабочке? Только та, что провела полжизни под черной тканью.

— Мурочка! — задохнулась от восторга Петра. И было от чего сбиться дыханию. Белая рубашка простого кроя не могла скрыть ладную фигуру. Густые каштановые волосы волной опускались до самой талии, делая Мурилу похожей на нимфу. Романтичный образ девушки не мог оставить равнодушным никого из компании. Скрежет зубов Окси подтвердил это.

Петра, выпустив из рук черный джаб, побежала навстречу подруге, а та широко раскрыла руки, чтобы принять ее в объятия. Остальные подтянулись следом и закружили вокруг счастливой пары. Только когда девушки оторвались друг от друга, смеясь и плача одновременно, пограничники испытали еще один шок.

Они, наконец, разглядели Петру, которая до этого то закрывала лицо черной тканью, вытирая слезы, то бежала впереди всех. Она и сама не ведала, какие с ней произошли изменения, поэтому с удивлением смотрела на замолчавших вдруг пограничников. Не сказать, что ее нос стал тоньше, а губы полнее, или волосы вдруг приобрели иной цвет и стали гуще, но что — то в ее облике незримо поменялось, отчего Петра стала если не красавицей, то весьма привлекательной особой. Она словно светилась изнутри.

— Я вижу свет ее души, — восторженно прошептала Крошка Пиу, рассматривая зардевшуюся от волнения Петру.

Поздравления, ахи — охи, мягкий бас Гугла, тягучий голос Бай — юрна слились в один приятный сердцу гул.

— Крошка, Крошка! Пст! — Окси, стоящая чуть поодаль от компании, жестом поманила Пиу.

— Чего тебе, Оксанка — во все беды попаданка?

— Говори, малявка, когда на Кимбу еще раз опустится туман? — блондинка кусала нижнюю губу, не спуская прищуренных глаз со счастливых подруг.

— Что, Оксанка — знатная хамка, тоже красивой стать хочешь?

— Да я и сейчас ничуть не хуже, чем эти две, — Окси тряхнула головой, и круто завитая прядь упала на глаза. — Ох, черт! — спохватилась блондинка и начала торопливо снимать бигуди, о которых совсем забыла.

— Так чего же ты хочешь от тумана? — в голосе Пиу слышалась насмешка.

— Ну, во — первых, почему кому — то можно поболтать с молочно — белым божеством, а мне нельзя. Чем я хуже? А во — вторых, представь, какой я стану, если он уродинам так физиономии подправляет? Мне просто не будет равных.

— Тебе уже нет равных. Не в красоте, — увидев самодовольную ухмылку Окси, поправила Пиу, — в наглости. И туман тут никак не поможет. Я давно знакома с Крохой Юнгом и знаю, что все преобразования происходят только под покровом тумана. Вышел из него — считай, прервал волшебство. А теперь подумай, с чего вдруг Мурила и Петра сутки спустя красотой засияли? Не потому ли, что их души кто — то другой, не менее сильный, чем туман Кимбу, оценил?

— Что — то я не поняла? — Окси сморщила лоб, изображая тем активный мыслительный процесс.

— Чего тут непонятного? Эх, Оксана, Оксана. Давно надо было догадаться, что у нас не Пределе есть свой вершитель судеб. Подумай хорошенько, кто здесь может и покарать, и помиловать?

— Подожди — подожди! — Оксана прикусила ноготок, в задумчивости глядя, как метаморф по очереди обнимает и расцеловывает в обе щеки девушек, не пропустив и Надежду, которая прыснула от смеха и попыталась отбиться. В этот момент она тоже выглядела прехорошенькой — Мурила одела ей на голову веночек из маков. — Выходит, зря я хамила Хочь — Убею? Это он такой силищей обладает? Ну да, ну да! Точно он! Сам личины, как перчатки меняет, почему бы и другим мордашки на досуге не подправить?

Метаморф, почувствовав, что говорят о нем, обернулся. Окси тут же призывно ему улыбнулась и кокетливо поправила падающий на глаза локон. Хочь сплюнул.

— Ой, а может это ты, Крошечка — хаврошечка? — блондинка протянула руку, чтобы погладить девочку по голове, но та, увидев ярко красные длинные ногти, ловко увернулась.

— Не — а, Оксанка — мимо попаданка, холодно!

Макар видел, как Окси подозвала к себе Крошку Пиу, поэтому держался неподалеку, переживая за малышку. От взбалмошной девицы можно было ожидать чего угодно. Он слышал большую часть их разговора, поэтому сразу сообразил, о ком идет речь. Только ночная гостья могла сотворить чудо с подругами. Макар дотронулся до татуировки, которая болела уже не так сильно.

«Но почему Крошка уверена, что Окси догадается, кто помог девушкам? Неужели и она знакома с таинственной обитательницей Заставы?» — Макар так и не вспомнил имя обнаженной женщины.

— А может Исида? Ведьма все — таки, — продолжила гадать Окси, увидев идущую через поле Сиду. Ее белые легкие одежды трепал ветер, и она только и успевала, что подхватывать улетающий шарф. — Если она, то не видать мне чуда. Баба Яга.

— Оксанка — вместо мозгов баранка, напрягись! Вспомни, что с тобой случилось, когда ты выпила всю гоблинскую настойку и начала приставать к Хочу?

«Она точно женщина Хоча! — Макар поправил сползающую «Книгу Судеб», которую так и держал подмышкой. — Только с ней я еще не знаком!»

— Ну, помню. Я проблевалась.

— О, боги! Подсказываю: кто спустил твою комнату в подвал? — чуть ли не по слогам произнесла Пиу.

— Застава, что ли? — Окси недоверчиво посмотрела на выдохнувшую с облегчением

Крошку. — Этим она меня сильно унизила, гадюка!

— Мэя! — вдруг вспомнил имя женщины Макар.

— А ты откуда знаешь, как зовут нашу Заставу? — Крошка повернула голову к студенту.

— Она сама сказала...

И тут до него дошло, что Застава вовсе не какая — то магическая сущность, которая из ничего выращивает комнаты, ставит запреты и нуждается в притоке магии. Мэя — женщина, которая любит и ревнует, плачет и раздает пощечины, испытывает страх и наслаждение от секса. Она волшебница, одним мановением руки наносящая татуировку и погружающая в целительный сон. Это Мэя исправила ошибку бездушного туманного божества, обидевшего ее подопечных. Как Окси заслужила быть низвергнутой в подвал, так и Мурила с Петрой заслужили уважение Заставы, показав, что ценят дружбу и преданность больше красоты.

— Где ты встречался с Мэей? — пальцы Хоча больно вцепились в плечо.

«Еще один ревнивец!» — мелькнуло в голове у Макара.

— Она приходила ко мне, когда я мучился от неизвестности, соврал бес или нет.

— А! — быстро успокоился Хочь. — Она это может. Сердобольная.

— Застава — женщина? А почему я ее никогда не видела? Говорите, где ее найти, мне нужно срочно с ней побеседовать. Как женщина с женщиной.

— Ловец, включай обратный ход времени, — Крошка Пиу дернула Макара за штаны и многозначительно посмотрела.

— Давай, прочисти Окси мозги, — Хочь в ожидании отката сложил руки на груди. Его усы уныло висели, что говорило о недовольстве метаморфа. — Не надо ей знать, кто такая Застава. Это вообще — то тайна.

— Эй, эй! Вы что собрались делать? — возмутилась Окси, переводя взгляд с одного на другого. — Только подойдите, я закричу!

***

— О, боги! Подсказываю: кто спустил твою комнату в подвал? — чуть ли не по слогам произнесла Пиу.

— Застава что ли? Этим она меня сильно унизила, гадюка!

— Как раз поэтому, Оксанка — злая чужестранка, тебе никогда не быть красавицей! — Крошка Пиу сморщила носик и резко развернулась, посчитав разговор оконченным.

— Да больно надо! — крикнула ей в спину Окси. — У меня и без того очередь из принцев! Рогатик ждет — не дождетя, когда случится соприкосновение с нашей Заставой, а завтра еще и Аравай — аба в ногах будет валяться.

И опять Макар заметил, что присоединившаяся к компании Исида внимательно посмотрела на Окси, которая с видом уф — как — мне — все — надоело направилась прочь.

Отмерив Муриле и Петре свою долю восхищения, Исида все же поинтересовалась, почему пограничники начисто забыли о своих обязанностях.

— Сегодня состоится аукцион драгоценных камней Сотбис, и к нам непременно пожалуют гномы. Они такие события ни в одном мире не пропускают. Я зашла на кухню, думая, что там всю кипит работа, но не нашла ни души. Оказывается, вместо того, чтобы заняться делом, вы решили побегать по маковым полям, — она с укором взглянула на Гугла

— Мы не просто так по полям бегаем, — промурлыкал Бай — юрн, встав на защиту друга. — Мы Петру поддерживаем.

— Она решила, что Мурочка топиться пошла, — добавил ясности Гугл.

— Ой, Петра, прости, я не подумала, — Мурила прижала руку ко рту. К ее новому виду

Макар никак не мог привыкнуть, и лишь лучистые глаза и волшебный голос подсказывали, что перед ним стоит старая знакомая.

— Почему ты меня не разбудила? — обиженно спросила Петра.

— Все не так просто, — замялась Мурила. — Я слышала, как ты всхлипываешь во сне, переживая мою неудачу. И мне стало стыдно, что я столько лет трусливо пряталась под джабом, боясь показать себя истинную. Да, я лелеяла надежду, что стану красивой и гордо скину ненавистную черную тряпку. А что теперь? Продолжать прятаться? Но кроме меня на Заставе никто не скрывает свою внешность, каким бы странным он не казался. Я знаю, мы все разные, и ценим друг друга вовсе не за красоту. Вот, к примеру, кому — то наш Бугер может показаться бесформенным валуном, а по мне он самый верный и заботливый друг, и я люблю его не меньше, чем Гугла или Бай — юрна. Поэтому я решила выйти из комнаты без джаба. Одна. Чтобы не струсить и не спрятаться за твоей спиной.

— Ты еще не знала, что изменилась? — выдохнула Петра.

— Нет. Сняла джаб у самого порога и зажмурилась, чтобы не видеть вашей реакции. Я боялась, что вы не сможете скрыть отвращение, пока не возьмете себя в руки. Стояла бесконечно долго, но ничего кроме храпа и сопения не услышала. Тогда я открыла глаза. Вы все спали. Я все — таки струсилась и вернулась, чтобы надеть джаб. Но когда протянула руку, то увидела, что она стала прекрасной. Буря нахлынувших чувств заставила бежать. В себя я пришла только в саду. Мне никогда не приходилось снимать накидку, и я не подозревала, как приятен ветер, треплющий волосы, как солнечные лучи ласкают кожу, как хорошо идти без путающейся между ногами длинной юбки. Прости меня, Петра. Простите и вы, друзья, что заставила вас волноваться!

И опять последовали слова утешения и дружеские объятия.

— Так! — хлопнула в ладоши Исида. — Подвожу итог: все счастливы и красивы, кроме Бугера, но мы его все равно любим. А теперь все вместе готовимся к встрече гномов. Макар, тебя и Крошку Пиу я жду в смотровой комнате. Нужно кое — кого урезонить.

***

— Заходи, Окси.

За столом сидели трое — Исида, Макар и Крошка Пиу. Перед ними лежала «Книга Судеб», открытая на той странице, где была зарегистрирована Оксана Глушкова, девица двадцати восьми лет.

— Пф, лица — то какие серьезные состряпали! — фыркнула девица Глушкова, оглядывая компанию. — Товарищеский суд что ли? Да не трогала я эти маковые головки, пусть Гугл на меня не валит.

— Какие головки? — растерялась Исида, но быстро взяла себя в руки. — Ах, да. Это мы обсудим после. Сейчас я хочу показать кое — что другое. Я думаю, после этого ты перестанешь витать в облаках и будешь более реально оценивать свое место на Заставе. Положи на этот рисунок ладонь.

Окси тут же спрятала руки за спину.

— Ты же хочешь посмотреть на своего рогатика?

Впервые Макар видел, что блондинка чего — то боится — ее пальцы дрожали, когда она положила ладонь на открытую страницу «Книги Судеб». На рисунке под каменной аркой стояла Окси, а за ней возвышался смуглый мужчина. О таких обычно говорят «гора мышц». Если бы не рога и хвост, его вполне можно было принять за землянина. Длинный хвост с кисточкой на конце обвивал мощную голень. Вполне человеческие ноги были обуты

в сандалии по виду напоминающие римские — кожаные шнурки, перекрещиваясь несколько раз, завязывались под коленом. Впрочем, и остальная одежда «качка» была похожа на одеяние спартанцев — ее практически не было. В руках у мужчины находился то ли посох, то ли длинный жезл. Более всего в искусно выполненном рисунке поражал взгляд демона, устремленный на Окси. В нем светилось напряженное ожидание. Так охотники смотрят на дичь, которая топчется у силков, но никак в них не попадет.

Как только Окси опустила на рисунок ладонь, сверху легла рука Исиды, потом Макара, а завершала пирамиду ладошка Крошки Пиу.

«— Давай, поторопись, дорогая! Мы задержались в пути, и времени для обручения осталось не так много, — голос демона звучал фальшиво. «Дорогая» было сказано с таким придыханием, что даже незнакомый человек поморщился бы от избытка сахара. Вот и Окси почувствовала ложь, поэтому обернулась на «рогатика», так и не сделав шаг вперед.

— Мне кажется или портал на самом деле стал меньше?

— Ну, если только на чуть — чуточку, милая, — и опять тонна сахара заскрипела на зубах. — Тебе нужно выбирать: или мы сегодня же обручимся, или тебе придется ждать год до следующего соприкосновения Застав.

Ладонь демона была в сантиметре от спины Окси, и, если бы девушка не сделал шаг, без сомнения «рогатик» подтолкнул бы ее.

Пройдя в коридор, Окси развернулась на застрявшего под аркой демона и в нетерпении топнула ногой.

— Ну чего ты там возишься?

«Качок» изображал из себя дурака. Он держал жезл как тот лыжник, который никак не может пройти в дверь, поскольку несет лыжи поперек.

А между тем портал неумолимо сокращался, и когда Окси не выдержала и, протянув руку, выдернула жезл на свою сторону, выяснилось, что самому демону в сужившуюся дыру никак не пролезть.

— Прости, дорогая! Это все от волнения!

Окси, имея меньший размер тела, попыталась втиснуться обратно, но «рогатик» опять включил дурака и все время мешал ей под видом неуклюжей помощи.

— Варгиил! — рявкнула, не выдержав, Окси. — Просто отойди в сторону!

Но увы, от портала осталась такая щель, что Окси, как ни старалась, пролезть в нее не смогла.

— Дорогая! — в голосе демона уже слышался триумф. — Как же так?!

— Ты вернешься за мной через год, будешь стоять на коленях и молить о прощении! — прокричала в щель Окси. — Иначе тебе, Варгиил, никогда не видать магического жезла Демонова Длань!

— Приду, непременно приду! И вовсе не за жезлом! Только за тобой! Иначе как же мне жить! — все это Варгиил кричал до тех пор, пока щель не стала величиной с волосок.

— Как же я буду жить без тебя, дорогая? — простонал демон в голую стену, где и следа не осталось от портала. На удивление Макара, действие разворачивалось уже не на их родной Заставе. К «качку» подбежали сородичи, и закружили вокруг него в безумном танце, сразу после того как горестное изображение на его лице сменилось радостным. — А очень даже хорошо буду жить без тебя, дорогая! Свобода!!!

Этот клич подхватили десятки голосов. Откуда — то появились музыканты с причудливо изогнутыми духовыми инструментами и задудели во всю мощь.

— Свобода! Свобода! — несло с той стороны, где раскинулся мир демонов».

— Не видать тебе Демоновой Длани, гаденыш, — прошипела Окси, пытаясь убрать ладонь с рисунка, но Исида не позволила.

— Смотри дальше! — приказала она.

«К Варгиилу подбежал демон статусом ниже и вручил ему точную копию того жезла, что оказался в руках у застывшей в порталном коридоре Окси».

Крик Окси был страшен. Она выдернула ладонь из — под чужих рук и одним движением перевернула стол вместе с книгой. Крошка Пиу жалобно пискнула и, если бы Макар не успел подхватить ее, оказалась бы опрокинутой вместе со своим стульчиком.

Разъяренная Окси искала глазами, на чем бы еще выместить зло. Ее взгляд остановился на шкатулке со всякими магическими штучками, и быть бы это шкатулке разбитой, если бы Исида не щелкнула пальцами. Окси застыла соляным столбом.

— А теперь, моя дорогая, — Исида повторила язвительную интонацию демона, — веди себя так, чтобы у Заставы не появилось желание выкинуть тебя в какой — нибудь дикий мир. Не испытывай ее и мое терпение. Все. Свободна.

Окси молча развернулась и вышла из комнаты.

Глава 19. Предчувствия и всякие неожиданности

Встреча гномов, выглядящих в смокингах как кроты из мультфильма «Дюймовочка», прошла спокойно. На обратном пути в Гномо — гномо, пошуршав важными бумагами в портфелях, выпив по рюмочке гоблинской настойки вместе с Гуглом, расстаравшимся перед земляками особым обедом, гномы благополучно отбыли в родной мир.

Окси же не выходила из своей комнаты до того самого момента, пока не пришло время встречать проходимцев из Гобляндии. Она заняла привычное место на лестнице, ведущей на Предел. Ничто в лице блондинки не говорило о постигшем ее вчера разочаровании в рогатом любовнике. Гордый взгляд, уткнутые в бока руки, ноги на ширине плеч.

«Прямо колосс Родосский, — хмыкнул Макар, глядя на то, как Окси готовится к встрече с Аравой — абой. — Не сладко принцу сегодня придется».

Сам Макар тоже топтался в коридоре. Надежда находилась рядом. Она пришла поддержать друга, ведь никто не знал какие новости придут с той стороны. Сумеет ли справиться с бесом гоблинский принц, опровергнет ли Ната лживые слова о смерти матери Ловца времени?

Исида с Крошкой Пиу подпирали каменные перила у основания лестницы и с тревогой поглядывали на ту стену, где должен появиться портал.

— Что, еще не открылся? — со стороны кухни торопливо шагал гном. — Странно, песочные часы давно перевернулись.

По толпе пограничников, собравшихся в коридоре в предвкушении скандального зрелища, прошелестел шепот.

Исида отрицательно качнула головой, после чего закрыла глаза и прижала кончики пальцев к вискам. Спустя минуту дверь, ведущая в «тайную комнату», распахнулась, и в порталном коридоре появился Сапфир.

— Касание миров произошло, — известил он притихших пограничников, — но Гоблинская Застава почему — то не открывает свой портал.

Никто не расходился, пока не стало ясно, что гости с той стороны не пожалуют. В положенное время Гобляндия, обозначенная на объемной карте миров зеленой искрой, отсоединилась от Пскопской Заставы и медленно поплыла по привычному пути.

Пограничники до глубокой ночи гадали, что же произошло в мире гоблинов.

Мнения разделились. Кто — то полагал, что принц не справился с условиями Окси и постыдился явить свою физиономию. Гугл выдвинул гипотезу, что бес благополучно изгнан из тела бывшей Макаркиной невесты, и она, оказавшись более сговорчивой, чем Окси, согласилась выйти за Аравай — абу замуж. «Им не до нас! Зуб даю, что сейчас в Гобляндии вовсю гремит свадьба!»

Прозвучали и более нелепые предположения — бес вырвался на свободу, и в том мире в живых никого не осталось.

— Крошка, ты же можешь узнать, что случилось? — Макар и Надя сели на ступеньки возле опечаленной девочки. — Ведь какая — то связь между Заставами существует?

— Я пыталась, — в глазах Дюймовочки стояли слезы, — но Кроха Ги не ответил.

А Окси получила очередную пощечину: Аравай — аба не пожелал валяться у нее в ногах. Именно так она поняла ситуацию с Гобляндией.

***

Пролетела еще одна неделя.

Все семь дней Окси была тиха и задумчива. Так обычно замирает природа перед яростной грозой. Двойной удар переносился блондинкой тяжело, а успех новоявленных красавиц усугублял ее состояние. Пограничники, завидев мрачную Окси, моментально прекращали разговоры, обрывали смех, а глаза опускали в пол. Каждый подспудно ожидал взрыва бывшей первой красавицы, и не хотел стать детонатором.

Если вокруг Окси образовался вакуум, то в кафе царило оживление. Многим хотелось посмотреть на помощниц повара, превратившихся из гадких утят в прекрасных лебедей. Похорошевшие Петра и Мурила вызывали интерес не только у мужской части пограничников, но и у гостей Заставы.

Первым кандидатом на руку Мурилы неожиданно оказался гном из правящей семьи Гномо — гномо. Альфредо, находясь в приподнятом настроении после посещения аукциона Сотбис, застыл, увидев прекраснооковую брюнетку. Восхищенного поклонника совсем не смутило, что девушка в два раза выше его. «Я привык вкладывать средства в произведения искусства и ювелирные изделия. Будь бриллиантом моей коллекции». Лобызание ручки и стойка на колене свершились с достоинством. Правда «невесте» пришлось согнуться в три погибели.

Отказ принц кровей Гномо — гномо принял спокойно. «Но ты, все же, подумай, дорогая. Я появлюсь на Заставе ровно через три месяца».

Потом прибыли вервульфы, которые, узрев на кухне «новеньких», забыли про ответственный футбольный матч. Обратней гнали в дверь, они лезли в раздаточное окно. Гугл устал махать половником, отбиваясь от назойливых ухажеров.

Суета вокруг первых красавиц не могла не задеть знойную блондинку. Ее прищуренный взгляд сверлил спины подругам, которые, к слову сказать, вели себя с мужчинами как прежде — приветливо и скромно.

Нет ничего лучшего, чем любить и быть любимыми, поэтому помощницы повара горели в ожидании чуда, когда их сердца дрогнут в ответ на учащенные сердцебиения избранников. Настал черед Петры и Мурилы дожидаться принцев на белых скакунах.

Окси поумерила свой пыл, но вовсе не потому, что скисла. Как раз не в ее характере сдаваться без боя. А она однозначно готовилась к битве. Образно выражаясь, пока Петра и Мурила примеряли шпильки, на которых им прежде не доводилось ходить, Окси стояла в позиции низкого старта в беговых кроссовках. В ее глазах светилась решимость грудью порвать финишную ленточку, если на горизонте вдруг появится долгожданный принц.

«Мне прыти не занимать, — с достоинством отвечала она гному, который мстительно напоминал ей, что теперь ее шансы выгодно выйти замуж минимальны. — Я в любом забеге локтями растолкаю этих пучеглазых овечек».

Макар, наблюдая «игры невест», не мог не заметить, что Надежда начала грустить. Как всякий влюбленный мужчина, он пытался понять причину ее тоски. Его тошнило при мысли, что Надя скучает по ректору Дагару, визит которого неумолимо приближался. Осталась лишь неделя до соприкосновения с миром вампиров, с которыми эльф, скорее всего, пожалует на Заставу.

Сколько раз Макар находился рядом с Надей и слышал, как она вздыхает! Ему бы прямо спросить, что ее гложет, но страшил ответ, после которого не останется никакой надежды на благоприятный исход его тайного противостояния всемогущему сопернику. И Макар, не замечая того, вздыхал следом за девушкой.

Вот и сейчас, стоя в порталном коридоре в ожидании очередного соприкосновения с Гобляндией, Макар незаметно разглядывал задумавшуюся Надежду, отмечая и тени под глазами, и осунувшееся лицо, и легкое дрожание пальцев, когда она заправляла за ухо непослушную прядь.

— Вы чего по очереди вздыхаете? — неожиданно раздался тоненький голосок Крошки Пиу.

«Вот ведь, глазастая какая», — Макар задержал готовящийся вырваться вздох. Пока он лихорадочно подыскивал ответ, Дюймовочка переводила серьезный взгляд с него на Надежду и явно не собиралась уходить. Громко хмыкнул сидящий на корточках у стены Гугл, что заставило студента густо покраснеть.

Его поймали с поличным.

Макар готов был провалиться сквозь землю. Эта неконтролируемая краска — видимое всеми доказательство его чувств к Надежде.

— Я боюсь, что очень скоро останусь совсем одна, — между тем ответила Надя.

Макару чуть не воскликнул «А я?», но взгляд в сторону скалящегося во весь рот гнома остановил его.

— Почему это? — искренне удивилась Пиу. — Разве вокруг тебя мало друзей? Петра, Мурила, я, Гугл. И Макар, — добавила девочка, с интересом взглянув на загоревшиеся уши студента. — Разве ты не видишь, что он все время околачивается рядом?

— Да, Макар хороший друг, — Надя благодарно посмотрела на него.

«Друг, всего лишь друг», — это слово стеклом резануло по живому. Вот и не осталось никакой надежды.

— Если ты думаешь, что окажешься одна среди этих гадюк в Эльфийском княжестве, то напрасно волнуешься. Тебя защитит ректор Дагар. Он не допустит повторного покушения. Уж кто — кто, а брат Верховного правителя всегда сумеет оградить тебя от завистливых студенток.

«Черт. Он еще и брат Верховного правителя», — совсем упал духом Макар.

— Но ты сможешь навещать нас, — продолжала успокаивать Крошка Пиу. — Например, на Новый год. Мы его замечательно отмечаем. На Заставе собирается множество Йеллопухцев, в чьих традициях нет ничего подобного. Елка, бенгальские огни, хлопушки, шампанское и все такое. Ты бы видела, какой кортеж из Дедов Морозов, Санта Клаусов, Пэр Ноэлей пролетает на санях через наш гараж!

— Да. Конечно, — вяло ответила Надя. — Но я чувствую, что больше никогда не увижусь с вами.

— Пусть наших красоток Петру и Мурилу со временем заберут в иные миры самые настоящие принцы, но мы — то, мы — то останемся! — старалась переубедить Крошка.

Надя заплакала и махнула рукой, чтобы Пиу не задавала ей вопросы.

— Что с тобой? — прошептал Макар, когда они остались одни. Крошку окликнули, и пограничники подтянулись к той части коридора, где обычно открывался портал в Гобляндию.

— Не знаю. Но меня грызет смертельная тоска. Будь я предсказательницей, назвала бы это предчувствием катастрофы.

— Что — то должно произойти?

— Говорю же, не знаю, — желая погасить всхлип, едва выговорила Надя. Стесняясь своих слез, она закрыла лицо ладонями.

Немного успокоившись, она пояснила:

— Каждая жилка во мне кричит, что надвигается что — то нехорошее. С каждым днем оно все ближе и ближе.

— Через неделю здесь будет ректор Дагар и заберет тебя с собой. Тебе не о чем беспокоиться. Он тебя защитит. Так сказала Крошка Пиу. И я ей верю.

— Откуда ты знаешь, что он будет через неделю? — Надя убрала ладони с лица. Всматриваясь в него, Макар искал признаки радости и облегчения, но видел лишь смятение.

Обнять бы ее и утешить...

— Знаю. Можно не ждать полгода, а прыгать от Заставы к Заставе. Через неделю в соприкосновение придет мир вампиров.

Да, он упустил время. Не был настойчив, откровенен.

Взять бы ее в охапку и унести туда, где нет посторонних глаз, и целовать, целовать...

Но она любит другого. Вон как встревожилась, понимая, что ректор рискует собой, пробиваясь к ней через миры.

— Не бойся. С лордом ничего не случится.

Немного помолчав, Макар добавил:

— И я уверен, что все твои страхи напрямую связаны со скорой разлукой с подругами.

— Может быть, — вздохнув, ответила Надя. — Макар, мне неловко тебя просить об этом, тем более, я не знаю, какие вести принесет Аравай — аба, но не мог бы ты отвести меня к единорогу? Не спрашивай, зачем мне нужно его увидеть. Я все объясню позже.

— Хорошо, — согласился студент. Пусть она потрогает рог. В конце концов, дату визита Дагара никто так и не подтвердил. Вдруг все они ошибаются, и эльф не станет прыгать по мирам, чтобы быстрее добраться до своей любовницы?

Макар специально называл Надю любовницей ректора, чтобы не было так больно, когда тот придет за своей женщиной. И лишь где — то в самом дальнем уголке сердца теплилась надежда, что эльф вообще не появится на Заставе. Ни через неделю, ни через полгода.

Занятые разговором, Макар и Надежда не замечали суеты, что творилась вокруг них. А случилось невероятное. Портал в Гобляндию опять не открылся. Окси уже не стояла на вершине лестницы, уперев руки в бока. Она сидела на ступеньках и грызла ногти. Ее взгляд был устремлен в пустоту.

— Макар, тебя зовет Исида, — Крошка Пиу подергала его за рукав.

— А Надя?

Но малышка уже не слышала, пробиваясь через толпу к тайной комнате.

— Иди. Я подожду, — Надежда грустно улыбнулась.

***

Вся верхушка Заставы собралась за круглым столом. Как только Макар занял свободное кресло, Крошка Пиу прокашлялась и заговорила таким голосом, словно извещала о смерти коммунистического вождя.

— Сегодня в шесть утра по Йеллопукскому среднему времени в наследного принца Гобляндии Аравай — абу вселился бес.

— Как? Что же теперь будет?

— Кому достанется корона, если наследник погибнет? Мятежному Шербей — абе?

— Надо предупредить Заставу!

— Нам еще бомбометателей не хватало!

— Тихо! — Исида стукнула ладонью по столу. Гугл, Хочь — Убей и Бай — юрн вжались в спинки кресел.

В одном из зеркал, обрамляющих левую сторону командного пункта, появился сторк Игеворг. Он шагнул в комнату, поправляя обшлага идеально сидящего костюма. Его волосы были заплетены в косу, впрочем, как и у находящегося здесь же Сапфира. От Макара не скрылся очевидный признак того, что эльфы готовились к заварушке. «Вот чего они ждали от соприкосновения с Гобляндией!»

— В переданной нам мыслеграмме Кроха Ги утверждает, что принц вселил в себя беса намеренно, — произнес Игеворг, присаживаясь на подлокотник кресла, в котором расположилась Исида. Женщина посмотрела на эльфа неодобрительно, но он лишь ответил слабой улыбкой и продолжил: — Две недели ученые Гобляндии бились над тем, чтобы избавить невесту Ловца времени от мерзкой твари, но эксперименты не увенчались успехом. Макар, прими мои соболезнования. Ната погибла.

Все как один встали и прижали правый кулак к сердцу. Оглушенный известием Макар остался сидеть.

— Тело Наты бес истерзал настолько сильно, что воскресить ее не удалось. Да, Макар. Ты не ослышался. В Гобляндии умеют воскрешать. На это и надеялся принц, обещая справиться со сложной задачей. После неудачи с попаданкой Аравай — аба принял обдуманное решение и пошел на риск. Гоблины не такие хрупкие как Пскопские, поэтому у него есть шанс вернуться к жизни после изгнания беса. Теперь король Гобляндии бросит все силы, чтобы излечить наследника.

— Ай да Аравай — аба! — Хлопнул в ладоши восторженный гном. — Чую, гоблины найдут способ изгнания бесов!

— Еще бы! — поддакнул Бай — юрн. — На карту поставлено королевство. Нынешний правитель стар и пережил уже семь воскрешений. Его жизнь на исходе.

— Боюсь, Шербей — аба воспользуется болезнью наследника! — Галатея поправляла волосы, глядя в маленькое зеркало. — Надо предупредить Заставу. Возможно, нам придется принимать беженцев.

— Как прокормить столько ртов? — Гугл перестал ликовать.

— Они принесут с собой гоблинскую магию. А она весьма в цене. Справимся! — решительно заявил Хочь. — Вспомните, как после переворота во Владениях Тьмы у нас жили вампиры.

— Точно — точно! — хохотнул кот. — Тогда на Пскопской стороне резко выросли продажи книг о вампирах. Беллы весьма сильно полюбили Эдвардов.

— Еще бы тиражам не вырасти, — пропищала Крошка Пиу. — Кровопийцы расстарались. Они только на Пскопской стороне и паслись. Исида же не разрешила им нашу кровушку пить.

— А я о чем! — Гугл поднялся во весь рост, но лучше бы он сидел, так как стал не намного выше. — Вампиры на стороне питались, а гоблины будут в нашем кафе столоваться. Мозгов не напасешься!

— Давайте верить, что Аравай — аба справится, — Исида, поднимаясь, намеренно столкнула сторка с подлокотника. Тот, будто бы случайно, обнял ее за талию, но холодный взгляд блондинки заставил мужчину убрать руки.

Собравшиеся в тайной комнате шутили, флиртовали, возмущались и совершенно забыли о Макаре. Тот так и остался сидеть в кресле и не спускал глаз с объемной карты миров, где

зеленая точка Гоблинской Заставы медленно отплывала от Пскопской. Вместе с ней от Макара навсегда уходила несчастная Ната, чье истерзанное тело похоронили где — то в Гобляндии.

Глава 20. Роковая находка и открывшаяся всем тайна

— Что случилось? — Надя ждала друга у выхода из тайной комнаты.

— Наты больше нет.

Она не стала спрашивать. Больные глаза Макара сказали многое. В порыве, который девушка не ожидала от себя, она обняла мужчину и крепко прижалась к его телу, будто пыталась втянуть всю боль. Руки Макара тесно оплели ее спину.

Затихли шаги пограничников, гурьбой отправившихся в кафе, а Надя и Макар так и стояли, словно тот миг разлуки, которого они в тайне боялись, уже наступил.

Очнулись лишь тогда, когда их губы встретились. Ожог поцелуя заставил отпрянуть и застыть, ища объяснение в глазах. Что видел Макар во взгляде Нади? Замешательство. Нерастрченную нежность. И тщательно скрываемое желание.

Кто бы устоял, если бы та, в которую ты влюблен, протянула руку и повела за собой?

Макар двинулся следом, словно слепец за поводырем. Он не видел ни лестницы, ни шахматного пола Предела, ни распахнувшейся двери в комнату Нади. Все вокруг тонуло в дымке. Единственный ориентир — манящий зов глаз.

И для Надежды огромный мир сошелся в одной точке. От мерцающего взгляда Макара сладостно обмирало в животе.

Все чувства обострились до предела. Каждое прикосновение несло возбуждающий заряд. Сердца то сбивались с ритма, то стучали в унисон. Будоражащий запах тел, запретный вкус поцелуев, то быстрое, то затаенное дыхание, стон как вздох, вздох как крик опрокидывали в пропасть наслаждения.

Лишь распластавшись на ее дне двое поняли, что натворили.

Надя плакала, уткнувшись в подушку, а Макар гладил девушку по вздрагивающим плечам и с болью вслушивался в ее всхлипы.

Как часто мы изменяем любимым, поддавшись сиюминутной страсти?

Как правило, мы понимаем, что теряем, если преступим границу дозволенного.

Очнувшись от наваждения, мы готовы молиться всем богам, лишь бы повернуть время вспять и уйти от соблазна и последующих угрызений совести.

Макар чуть заметно вздохнул. Повернуть время вспять? Он готов сделать вид, что забыл нежный запах кожи, вкус испарины, выступившей жемчужными каплями над верхней губой, протяжный стон удовольствия. Лишь бы не плакала.

Откатив время назад, он остановит себя на крепких объятиях в порталном коридоре. Никакого поцелуя, могущего вызвать шквал чувств и желаний, никакой протянутой руки.

Надя ничего не будет помнить.

Макар сжал челюсти, чтобы удержать рвущиеся из него слова — нельзя чудо, случившееся между ними, считать ошибкой. Их единение было необыкновенным. Он словно пил из волшебного источника, сделавшего его наркоманом. Наркоманом, зависимым от любимой женщины.

Вдруг Надя заговорила сама.

— Я только окончила первый курс, когда меня в числе десяти студентов выбрали для прохождения практики на раскопках древнего городища, — ее голос был глухим, почти неузнаваемым. Она прерывисто вздохнула. — В тот день шел ливень, и я смотрела вслед

сестре, бегущей к автобусу. Она уезжала в летний лагерь. Я даже подумать не могла, что вижу Веру в последний раз.

Немного помолчала.

— У меня до сих пор перед глазами ее фигурка в желтом пластиковом плаще, который едва не волочился по полу, настолько он был ей велик. Ее улыбка из — под капюшона и прощальный взмах рукой.

Надя повернулась к Макару. Заплаканные глаза чуть припухли.

— Через час я тоже сидела в автобусе, движущемся в сторону Пскова. Оттуда еще весной пришли вести — оползень открыл хорошо сохранившийся город. Что удивительного было в том городе? Он был каменным, а не деревянным, как большинство строений на Руси в начале тысячелетия. Плюс ко всему анализ плит показал, что ближайшая каменоломня, откуда их могли доставить — Египет. Мы все находились в предвкушении великих открытий. Но дожди сделали раскопки невозможными. Натянутый брезент не помогал, почва все время подмывалась, а работать по колена в грязи никто не хотел. Мы сидели в палатках и развлекались, как могли. На четвертый день наш руководитель позвал нас посмотреть на городище с высоты. День выдался солнечный, и в ожидании, когда земля немного подсохнет, мы решили сделать зарисовки видимых очертаний крепости, окруженной стеной лишь с одной стороны. С тыла каменное строение прикрывала та самая горка, на которой мы стояли. Может быть, когда — то она и была неприступной скалой, но сейчас походила на невысокий поросший травой холм.

Ветер трепал чертежные листы, отчего мой набросок все больше походил на работу первоклассника с грязными от грифеля руками. Я злилась, подтирая пятна и неровные линии ластиком, точила то и дело ломающийся карандаш, поправляла вязаную шапочку, что так и норовила сползти на глаза. В конце концов, я выронила точилку, которая откатилась на пару шагов. Не разгибаясь, я привстала с валуна, в надежде достать вещицу, лишь протянув руку, но все было против меня. Почти законченный рисунок вырвался и взметнулся вверх. Не глядя под ноги, я подпрыгнула и изловчилась поймать его. И тут же покатила с холма вместе с сорвавшимся пластом почвы. Я даже не успела закричать от испуга, как очутилась на крепостной площади. Честно говоря, я ничего и не видела, предательская шапка все — таки закрыла глаза. Выкарабкавшись из грязи, ощупала себя и поняла, что родилась в рубашке — ни одной ссадины. Вытягивая из хлюпающей жижи ногу, застонала от досады — один из кроссовок остался где — то внизу.

— Я жива! Я здесь! Со мной все в порядке! — Проклиная все на свете, я шарила по локоть в воде, время от времени отвлекаясь на голоса ребят и руководителя.

— Постарайся занять безопасное место! Вдруг еще будет оползень! — последнее, что я услышала, когда нащупала что — то металлическое. Потянув за цепь толщиной с палец, я извлекла на свет кругляш. Повертев, но ничего не разглядев из — за слоя грязи, нацепила находку на шею (карманы оказались полны глины) и продолжила поиски башмака. Одной рукой я прижимала кругляш к груди, чтобы он не мешался. С холма кто — то уже пробирался ко мне, хлюпая резиновыми сапогами. Я разогнулась и помахала спасателю рукой. И оказалась в незнакомом замке перед столом, за которым сидел черноволосый мужчина.

— Ты самая настоящая попаданка, — не мог не удивиться Макар. — Тебя не похищали и не тащили через Заставу, как Петру.

— Да, — Надежда печально вздохнула. — Я застыла мраморной статуей, не зная, что

делать. Мужчина быстро писал, обмакивая гусиное перо в чернильницу, а я стояла, поднимая босую ногу (полы были такими ледяными!), и смотрела на него во все глаза, думая, что все же ударила головой, и теперь у меня галлюцинации.

Услышав, как с моей куртки капает вода, незнакомец оторвался от своего занятия и устало посмотрел на меня.

— Ну сколько можно! — Он нервно отшвырнул перо и резко поднялся. Сдвинутое кресло закричало по каменному полу, и я поморщилась, до того был неприятен звук.

— Перестань корчить рожи, — скомандовал мужчина. — Быстро вышла и позвала сюда своего старосту.

— Я... — запнулась я, не зная, с чего начать. Все в облике этого человека указывало на его инаковость. Странная одежда, длинные волосы, кольца на пальцах, амулеты, сверкающие огнями, словно их подсвечивают изнутри. Но более всего меня убедило в том, что я нахожусь не на нашей планете, чучело головы единорога, торчавшее из стены за спиной незнакомца.

— Что «я»? — Он стремительно обошел стол, не скрывая свою ярость. Больно схватив двумя пальцами за мою челюсть, он повернул меня к свету, льющемуся из открытого окна, и осмотрел лицо. — Только ведьмы могут быть настолько некрасивы, — бросил он тихим голосом, словно говорил сам с собой. — Пошла вон!

Мужчина брезгливо вытер руку о белый платок, который достал откуда — то из кармана длиннополой одежды.

— И позови старосту! — кинул в спину, когда я быстро похромала в одном кроссовке к выходу, понимая, что задыхаюсь, находясь в одной с ним комнате.

Выйдя в коридор, я остановилась. Куда идти? Что налево, что направо — бесконечный полутемный арочный тоннель с множеством массивных дверей. И ни души.

Едва не получила удар по спине, когда незнакомец резко распахнул только что закрытую мной дверь.

— Где староста?

— Не знаю, — выдавила я, стоя на одной ноге. Ледяные сквозняки и холодные полы губительно действовали на меня. Тело сотрясала крупная дрожь. Мне казалось, еще мгновение и я умру от переохлаждения.

В этот момент в конце коридора появилась фигура бегущего юноши.

— А вот и он, — сказал длинноволосый. — Какое заклинание применили на этот раз? — грозно спросил он у оторопевшего парня. — «Из грязи в князи»?

— Честное слово, мой лорд, это не мы, — выдавил из себя пошедший красными пятнами староста. — После того, как голова Иеромила застряла в стене рядом с чучелом Первозданного Единорога, мы прекратили попытки пробиться через защиту вашего кабинета. Да и вообще, — он, не глядя, больно ткнул пальцем в мою грудь, — я впервые вижу это страшилище.

Меня опять оскорбили. И кто? Прыщавый юноша. К тому же наглец распустил руки. Ни минуты не раздумывая, я отвесила ему пощечину.

— Еще раз тронешь меня, убью, — сказала я, сверля его взглядом. Не знаю, что случилось бы дальше, но с края кругляша, болтающегося на моей груди, осыпалась грязь, и он блеснул неземным огнем. Я оторопело уставилась на него.

— У нее Гердохок? — изумленно произнес юноша, но длинноволосый схватил меня за шкуру и заволок обратно в кабинет, громко хлопнув дверью перед носом старосты. Вернувшись к столу, он надел замшевые перчатки и осторожно снял с меня цепь.

— Где ты его нашла? — прошептал он, поднося кругляш к стрельчатому окну. Затаив дыхание, мужчина потер пальцами кулон, и подсохшая глина осыпалась. Резкий свет заставил закрыть глаза. Ощущение было такое, будто бы я долго смотрела на искры сварки.

— Там, где потеряла башмак, — произнесла я, приоткрывая один глаз. — Вытянула из грязи в древнем замке под Псковом.

Мужчина нахмурился.

— Покажи свои руки.

Я, как сумела, вытерла их о куртку и протянула вперед, страшно стесняясь грязи под ногтями.

— Ладонями вверх, — подсказал незнакомец. — Кхм. Ожогов нет. Гердхок тебя принял... — В голосе слышались ноты удивления и досады.

— Что такое Гердхок? — отважилась спросить я, но длинноволосый не удостоил ответом. Он внимательно разглядывал мои куртку, джинсы, босую ступню с самодельным педикюром (носок утонул вместе с башмаком), потом поднял глаза и еще раз взглянул в лицо. Я чихнула, и шапка налезла на глаза. Я быстро ее сняла.

— Кто ты такая? — мужчина ходил вокруг меня, держа цепь с кругляшом в вытянутой руке. Меня поразило, что необычная вещица не просто болталась, а тянулась ко мне, как металл тянется к магниту.

— Толоконникова Надежда, студентка исторического факультета. А вы?

— Ректор Эльфийской Академии лорд Дагар.

— Эльфийской? Вы серьезно? — Я не могла поверить, что эльфы существуют. Увидев кивок и заинтересованный взгляд, осмелела и спросила еще раз: — А что такое Гердхок?

— Утерянный тысячелетие назад амулет, открывающий порталы в любые миры. С ним не нужны Заставы.

Тогда я еще не знала, что такое Заставы. Меня страшило другое.

— А что значит «он тебя принял»?

— Смотри, — ректор высоко поднял воротник и аккуратно надел на себя цепь, заботясь о том, чтобы кругляш не прикоснулся к коже. Как только тот лег на грудь, его свет начал пульсировать в ритме биения сердца и постепенно угас, открыв затейливый рисунок. Тонкие линии сплетались с буквами незнакомого алфавита. — Все, он готов. Дай руку.

Не дожидаясь, когда я протяну ладонь, лорд сам схватил ее, нисколько не обращая внимания на то, что может испачкаться. Мы мгновенно перенеслись в мир с лиловым небом, по которому плыли два фиолетовых светила.

— Квазария! — восхищенно выдохнул Дагар. Из травы поднялись вспугнутые нами длинноклювые птички с крыльями как у бабочек.

Ректор опять схватил меня за ладонь, и мы оказались в толпе существ с изумительной светящейся кожей.

— Солнцеликие, — произнес Дагар, улыбаясь тем, кто ослепительно улыбнулся ему.

Мы прыгали из мира в мир, и лорд приходил все в большее возбуждение. А я уже не столько поражалась бархатной ночи с мириадами незнакомых созвездий или жемчужному берегу моря, на который накатывались белые, словно молоко, волны, а мужчине, который на моих глазах превращался в того, с кем я готова была и дальше идти рука об руку. Даже в одном башмаке. Не знаю, что за наваждение охватило меня, но я почувствовала непреодолимую тягу любить именно этого мужчину.

— Он просто подержал тебя за руку, показал небо, море, и ты в него влюбилась? —

недоверчиво переспросил Макар.

Надя немного помолчала, вспоминая давние события.

— Он в порыве радости поцеловал меня. Там, на холме в Квазарии. И после совсем нескромного поцелуя птицы шумной стаей закружились вокруг нас. Это было так неожиданно. И сладко.

— Сладко?

— Я о поцелуе.

— О!

— С тех пор мы с Дагаром почти не разлучались. Я горела им. Его слова, прикосновения, ночи, полные то страсти, то нежности, вызывали шквал эмоций.

Меня зачислили в студенты его академии, хотя никаких магических способностей я не проявляла. Ну, разве что, мои чувства так обострились, что я предугадывала изменения погоды.

Спустя месяц мы прыгали с Дагаром по мирам уже не для того, чтобы наслаждаться их красками. Он брал меня на важные встречи, переговоры, где, стоя в стороне, я могла ответить взглядом на его взгляд, если в словах говорящего проскальзывала ложь. После индивидуальных занятий с психомагом (не смейся, в академии есть и такой преподаватель) во мне развили чувствительность ко лжи. Возврат времени тоже своеобразная ложь, может, поэтому я его ощущаю.

Надя подняла глаза.

— Но самое удивительное, я ни разу за год не вспомнила ни о сестре, ни о том мире, который так внезапно покинула. Тревогу я ощутила лишь тогда, когда меня впервые поцеловал ты. А пламя любви к лорду Дагару вдруг снизило накал...

— Надя, беги, за тобой явился ректор Да... — дверь резко распахнулась, и стоящая на пороге Окси осеклась. — Батюшки! — выдохнула она, увидев, как Надя поспешно натягивает простыню. — К ней приехал принц на белом единороге, а она оседлала совсем другого коня!

К двери подлетали один за другим пограничники, и радостные улыбки гасли прямо на глазах. Макар, повернувшись спиной, поспешно надевал джинсы, но никак не мог попасть ногой в штанину, Надя скрылась под простыней с головой.

— Что же ты наделала, девонька! — гном уронил лицо в ладонь.

Глава 21. А вот и ректор Дагар!

— А ну, дверь закрыли! — застегнув джинсы, Макар развернулся к застывшим с открытыми ртами пограничникам.

— А попка у тебя так, ничего, — первая отмерла Окси. Крошка Пиу часто закивала головой, соглашаясь с блондинкой.

— Или я тебе уже говорила об этом в прошлый раз? — губы Окси растянулись в наглой улыбке.

Надя высунула из — под простыни нос и уставилась на Макара.

Гугл, громко вздохнув, потянулся к ручке двери, но коварная блондинка подставила ногу, не давая ее закрыть.

— Подожди, я еще не все кубики на Макаркином прессе пересчитала.

Крошка Пиу начала считать вслух надрывным голосом.

— У нее шок, — гном прижал девочку к себе и погладил по голове. Пиу заплакала.

— Как вы могли? Как? — всхлипнула она.

— Да что, в конце концов, с вами не так! — Макар сам подошел к двери, на ходу надевая майку. — Мы взрослые люди и у нас могут быть отношения.

— Ага — ага! — Окси широко улыбнулась. — Надежда вся такая верная ждет — не дождется своего лорда. А ты ей помогаешь ждать.

— Что же теперь будет? — Крошка кулачками размазывала сопли и слезы по щекам. — Лорд Дагар спешил — торопился, не побоялся пройти через Дикий мир, лишь бы быстрее увидеть любимую, а тут...

— Раз! — тихо произнес Макар и закрыл глаза, представив песочные часы. — Два!

Огромные призрачные часы сделали оборот, и на счете три все понеслось назад.

Резко захлопнулась дверь, а двое опять очутились в постели. Их обратный разговор летел в такой быстрой перемотке, что Макар не успел моргнуть, как оказался прижатым к Наде и испытал самый пик оргазма.

«Интересно, кто —нибудь ощущал подобное?», — мелькнуло у него в голове и тут же бесследно растворилось.

В этот момент Надя сделала то, чего в цепи предыдущих событий точно не было — отвесила пылкому любовнику такую крепкую затрепину, что Макар скатился с кровати.

— Прости, — прошептала она, перевешиваясь через край постели, с сожалением взирая на держащегося за щеку Макара. — Я не знала, как тебя остановить. Я против, чтобы эта прекрасная часть наших воспоминаний исчезла. — Надя протянула Макару руку, желая помочь подняться с пола. — Скажи, сколько у нас осталось времени до того, как откроется дверь и к нам зайвится Окси?

Макар не мог понять, о чем говорит девушка. Он знал только то, что последовал за ее призывом, и они оба оказались в кровати. А на пике блаженства получил пощечину. Какая дверь? Какая Окси?

Поднимаясь, Макар заметил на запястье татуировку. Память моментально вернулась.

— Неужели ты ничего не помнишь? — Надя недоверчиво всматривалась в его лицо.

— Теперь помню. Слово «надежда» помогает вернуть пропавшие воспоминания, — он потер запястье. Рука уже не болела.

— Я давно заметила тату, — Надя покраснела и отвела глаза в сторону. — Прости, я

дурочка. Вообразила себе невесть что...

— Правильно вообразила, — Макар склонился над девушкой и нежно поцеловал. — Ты для меня все.

— И ты для меня.

***

— Застегни. — Она присела на кровать, придерживая чашечки бюстгальтера. Прежде чем помочь, Макар поцеловал ее в плечо. Надя засмеялась.

— Вставай, нам пора.

— Ты так торопишься встретить ректора? — Макар пытался произнести слова спокойно, но предательский голос дрогнул.

— Я скажу лорду Дагару, что не вернусь в Эльфийское княжество. Я остаюсь на Заставе. С тобой.

Надя надела спортивные штаны и наклонилась, чтобы туго зашнуровать кроссовки. Встретив любопытный взгляд, пояснила:

— Хочу быть в форме. Вдруг придется бежать на Предел. Туда ректор не пойдет, рискуя стать пленником Заставы.

— Я буду рядом, — Макар потянулся к брошенным на полу джинсам. — Если что, поверну время вспять.

— Постарайся не злоупотреблять. Действуй только в крайнем случае.

— Почему? — Макар повернулся к Наде. Она подала ему майку. — И вообще, странно, что ты помнишь произошедшее. Я о том куске разговора, что успел стереть.

— Поворот времени вспять сродни лжи, а ложь я чувствую остро. Твои первые попытки были неумелы. Возврат шел медленно, что вызывало лишь легкое головокружение. Сейчас же перемотка времени произошла стремительно, и меня затошнило. И если бы я не ударила тебя, чтобы ты остановился, меня бы вырвало.

— Ох, — Макар опустился на кровать и потянул полуодетую Надежду к себе на колени, — у нас проблема.

— Знаю. Я постараюсь привыкнуть.

— Я боюсь убить тебя, если придется повернуть вспять огромный пласт времени.

Макар не стал признаваться Наде, что управлять даром Ловца времени получалось все лучше и лучше, и надежда обрести свободу, вернув все к изначальной точке, крепла день ото дня. А он замахивался ни много ни мало на значительный промежуток времени. У них еще будет возможность поговорить о том месте под Псковом, где Надя нашла злополучный амулет и оказалась в лапах у Дагара. Макар не даст ей скатиться с холма. Он окажется рядом и протянет руку.

Макар не делился своими планами, чтобы не обнадеживать девушку. А теперь перед ним встала страшная преграда. Выдержит ли Надя возврат времени более чем на год назад?

— Давай сначала разберемся с Дагаром.

— Хочешь, я с ним поговорю?

— Нет. Он многое сделал для меня. Он хороший. И мы ... любили друг друга.

— Я не отдам тебя.

— Не отдавай меня, мой рыцарь! — Надя чмокнула Макара в нос и поднялась.

***

Макар первым покинул комнату Нади, но его визит к девушке не прошел незамеченным. В центре шахматного зала стояла Окси и мило улыбалась.

— Опаньки! И кто это у нас такой лохматенький? Никак спать изволили? — она кренделем сложила руки под грудью.

— Чего тебе, Оксана? — Макар нахмурился. Крутануть бы время вспять, но где гарантия, что Окси не болталась под дверью с того самого момента, как они с Надей запрыгнули в кровать?

— Свечку, конечно, не держали, — вздохнула блондинка. — Плакали вы друг другу в жилетку или как — то иначе утешались, не знаем. Но вот поцелуй в портале коридоре заметили.

— Чего ты хочешь?

«Черт, кем она себя возомнила? Мы — Оксана Великая, царица всея Заставы?»

— Да ничего. Просто возьмем на заметочку. Может, пригодится, когда некоторые заговорят о большой и чистой любви к лорду. А мы ему глазки возьмем и откроем.

— Я еще раз спрашиваю, чего ты хочешь?

Да, после такого заявления впору отматывать время до того самого нечаянного поцелуя, запустившего их страсть.

— Желание будешь должен, — Окси смотрела на Макара из — под упавшей на глаза челки. Никакого кокетства.

— Шантаж?

— А как еще одинокой девушке выжить в столь страшном мире? — вновь появившийся сладкий голосок вызвал тошноту.

— Застава открывает портал в Дикий мир! — по коридору со стороны тайной комнаты бежал Сапфир. — Все в гараж!

— Почему в гараж? — Окси резко развернулась к лестнице. — Сколько здесь живу, никогда такого не случалось!

— Макарка, не спи! — из своей комнаты выскочил Гугл, на ходу застегивая помочи коротких штанов. — Экстраординарная ситуация!

Откатился жернов, и на пороге своего жилища появился Бугер. Каждый его «шаг» сопровождался грохотом. Пол ощутимо вздрагивал. Макар никогда не видел, как Точильщик спускается по лестнице, поэтому застыл с открытым ртом, забыв об Оксане и ее угрозах. Бугер подобрался к краю лестницы и ... кубарем скатился вниз. Его падение остановила стена портала коридора. Звук от удара, эхом пронесшимся по Заставе, был похож на глас огромного колокола.

«Вот почему валун выглядит не таким крупным, каким казался на Заставе солнцеликих», — Макар бежал по мелким камням, оставленных после себя Бугером.

— Ловец! — донеслось откуда — то сзади. — Не забудь о моем желании!

«Вот ведь зараза!» — выругался Макар, влетая в гараж.

Пограничники стояли полукругом перед группой воинов, восседающих на огромных единорогах. Войт рядом с белыми гигантами казалась бы пони. Седоки были под стать своим скакунам — мощные плечи, закованные в латы, суровый взгляд из — под бровей, сжатые губы. Каждый воин держал копье, древком упирающееся в пол. Венчали те копья безобразные головы невиданных животных и людей, похожих на неандертальцев.

— Лорд Дагар, — Сапфир низко поклонился. Торопливо заплетенная коса упала вперед. — Мы рады, что вы посетили нашу Заставу.

— Не ждали? — криво усмехнулся воин — явный глава отряда.

— Почему же? Ждали.

Пограничники разошлись, пропуская вперед сторка Игеворга. Когда эльф, больше напоминающий викинга, спустился с единорога, мужчины каким — то особым жестом пожали друг другу руки.

— Значит, знаете, зачем я «посетил» вашу Заставу? — кривая улыбка опять появилась на мужественном лице. — Отдайте то, что принадлежит мне, и я уеду.

— Зачем Застава открыла портал в Дикий мир? — шептал за спиной Макара гном. — Ведь существует правило, не открываться в тот мир, где не проросло Зерно.

— Она не могла поступить иначе, — также шепотом ответил Хочь — Убей. — Лорд прислал мыслеграмму. Он гарантировал, что его отряд не пропустит дикарей на Заставу. А потом, какая женщина не растает при виде красавца — воина, рискнувшего пройти через Дикий мир лишь для того, чтобы быстрее встретиться с любимой?

— Счастливая наша Надюша! — словно слова из песни пропела Мурила. — Красивый мужчина ей под стать. Посмотри, весь светится от любви...

Макар закрыл глаза, чтобы никто не заметил промелькнувшую в них боль.

— Я не знала, что Дагар воин, — в тихом голос Петры тоже слышался восторг. — Вроде Надя говорила, что он ректор — ученый человек.

Макар сжал зубы.

— Ага. А еще тайный советник. Это сродни главе вашего КГБ. Второе лицо в Эльфийском княжестве, — ответил девушке Бай — юрн. Хотя Макар не знал, что кот присоединился к группе встречающих, его мягкий говор нельзя было спутать ни с кем другим.

— И сильнейший маг. Только представь, он заставил Дикий мир соприкоснуться с нашей Заставой! — гном звучно поскреб щетину. — Где же наша красавица? Пора бы ей появиться. Окси, стоняй, скажи, что лорд Дагар за ней приехал.

— Ты бы сам сходил, — Хочь задумчиво покусывал ус, наблюдая, как Окси, словно неторопливая баржа, рассекает толпу перешептывающихся пограничников. — Пока она доплывет, на пиках Дагара могут оказаться наши головы. И посмотри, где там Крошка Пиу со своей книгой.

Макар с тоской оглядел жителей Заставы. От его взора не скрылись восхищенные взгляды не только женской половины Междумирья, но и части мужского населения.

Лорд Дагар действительно был хорош. У Макара при виде соперника разыгрался комплекс неполноценности: ни тебе черных густых волос, рассыпавшихся по широкой спине, ни трехдневной небритости, так идущей этому загорелому лицу, ни ямочки на выразительном подбородке, ни горящего взора. А уж когда лорд улыбался, у Макара сводило живот от дружного девичьего «ах», волной проносящегося от стенки к стенке огромной пещеры, в которой разместился гараж.

— Идет! Идет! Идет! — эти слова, сказанные чуть ли не каждым, накатили на Макара панику. Вдруг им с Надей не позволят остаться вместе? Надо было не соглашаться на ее план, а занять оборону на Пределе. Судя по первому впечатлению, лорд Дагар не тот мужчина, с кем легко договориться.

Головы пограничников повернулись в сторону лестницы, по которой спускалась Надя. Бледное лицо, напряженные плечи, искусанные губы. Она неотрывно смотрела на лорда Дагара, который, завидев ее, легко спрыгнул с единорога. Кинув поводья подбежавшему воину, Дагар направился в сторону девушки, широко раскрыв руки для объятий. Улыбка обнажила ряд жемчужных зубов. Да, лорд был ослепителен во всем.

Макар, увидев приветливый жест соперника, сделал шаг вперед, но чьи — то сильные руки схватили его сзади.

— Не дури, Ловец, — шипящий шепот метаморфа ударил ножом по нервам. Попытка вырваться привела к тому, что колени Макара обездвижил гном, повиснув на них. Бугер переместился вперед, прикрывая своей массой дергающуюся троицу.

— Пустите! — прошипел Макар, но его рот заткнул кончик кошачьего хвоста, и студент закашлялся.

— Тихо, Макарушка, — Бай — юрн говорил, скривив рот набок, не спуская взора с идущих навстречу друг другу девушки и ректора. — Не ищи приключений на наши задницы.

— На чужой роток не накидывай свой платок, — просипел гном, едва удерживая друга. — У Надюши свой мужик есть. Ты лучше к Петре приглядишься.

Потихоньку они начали оттаскивать Макара назад, боясь, что воины Дагара заметят странное волнение среди встречающих.

— Поцелуй меня, душа моя! — услышал задыхающийся Макар голос Дагара. — Да не в щеку! Разве так встречают невесты своих женихов?

— Ах, жених! — понеслось по толпе. — Жених!

— Смотри, смотри! Вот это мужчина! И слова не дал сказать, сразу к делу!

— Ах, счастливая! Я тоже хочу, чтобы меня так поцеловали!

— Ну вот! Ожила! А то шла, словно на казнь!

— А казнь — то оказалась сладкой! Вон как покраснелась! Видно, любит его!

— Как такого не любить?

— Поцелуй меня, душа моя! Да не в щеку!

— Поцелуй меня, душа моя!

Макар пытался вновь и вновь вызвать в воображении песочные часы, но лихорадочно ищущий выхода мозг уже отказывался подчиняться. Когда прохладная рука Исиды легла ему на лоб, Макар отключился.

Глава 22. Хвосты, жезлы и прочие мужские атрибуты. Размер имеет значение

Макар очнулся от сильной головной боли. Тошнило. Незнакомый скребущий звук добавлял мучений. Вжик — вжик — вжик.

— Прекратите, — прохрипел студент, едва ворочая шершавым языком.

— Ну, наконец — то, очухался.

Скребущий звук, затихший буквально на мгновение, возобновился. К противоположному «вжик — вжик — вжик» прибавилось резкое «фу — фу».

Макар открыл один глаз. Свет ослепил. Моргнув несколько раз, отчего в голове громыхнули барабаны, вонзая палочки прямо в мозг, студент различил нечто большое и розовое, сидящее рядом с ним. Существо пило когти, а потом дуло на них. Налюбовавшись результатом, вновь принималось за работу. Вжик — вжик — вжик. Фу — фу.

— Окси, прекрати. Голова болит.

— Еще бы, — хмыкнула блондинка. — Тебя, можно сказать, контузило. Так хряпнуться башкой о Бугера! У него аж из пасти топор вывалился, который он для Гугла точил. — Она скосила глаза на Макара. — И что на тебя нашло?

— Прекрати.

— А что я? — Окси опять дважды дунула. — Все видели твою истерику. Бился так, будто в западню попал. Гуглу нос расквасил.

«Западню? Какую западню?»

Удержать мысль не удавалось. Слова рассеивались, как туман под натиском ветра.

— Я говорю, прекрати точить ногти. Голова болит. — Макар закрыл глаза. В висках пульсировало. Да что с ним такое? Откуда дикая слабость? Если бы не понимал, что находится на Пределе, подумал бы, что участвовал в марафонском забеге через пустыню, где и свалили его жаркое солнце и песок, набившийся в глаза.

«Надо бы встать и умыться прохладной водой».

Но простому желанию не было суждено сбыться. Макар забился в тугих простынях на подобии гусеницы шелкопряда в коконе.

— Да, да, — Окси поняла немой вопрос. — Пришлось тебя связать. Ох, и силен ты в ярости! Теперь вот сиди рядом с тобой, карауль, пока другие на свадьбе гуляют.

— На какой свадьбе?

«Мурила дала согласие наследнику Гномо — гномо? Или кто — то из оборотней предложил руку Петре?»

Во рту было так противно, будто там побывал кошачий хвост.

«Попить бы. И зубы почистить».

— Слышишь? — Окси подняла пилочку вверх. Макар прислушался. Откуда — то снизу доносились крики «Горько!». — Наша серая мышь выходит замуж. Сидит в фате на коленях у своего эльфа. Я тут с тобой нянчусь, а там такие мужики пропадают! — Окси произнесла последнюю фразу с придыханием.

Макар, силясь понять, никак не мог представить, о ком идет речь. «Какие мыши? Какие эльфы?»

Блондинка, достав из кармана бутылочку с лаком, добила мозг окончательно. В комнате остро запахло химией.

— Дай пить.

Недовольная Окси, прерывая свое занятие, сунула Макару в рот соломинку для коктейля. Вода в бутылке оказалась с болотным привкусом.

— Что ты мне дала?

— То, что доктор прописал. Успокоительное.

Действительно, по телу, унося напряжение, разлилась нега. Грохот барабана, путающий мысли, стих. В прояснившейся голове вдруг запел хор цыган: «К нам приехал, к нам приехал, Дагар — р-р — р-ректор да — а-а — арагой!».

Надежда выходит замуж?!

— Развяжи меня, — как можно спокойнее произнес студент.

Нельзя, чтобы Окси заметила его волнение. Произнеся слово «Надежда», Макар обнаружил утраченную цепь событий. В голове будто взорвалось. В памяти восстановился каждый из шестнадцати поворотов времени назад, когда он всеми силами пытался предотвратить поцелуй ректора и Надежды.

Вот откуда боль и опустошенность!

Макар сжал челюсти, чтобы сдержать рвущийся из него стон.

Все усилия не допустить роковой поцелуй оказались напрасными! Если сначала незримые песочные часы возвращали его к неожиданной встрече с Окси, то в дальнейшем отрезки времени неумолимо сокращались и последние вмещали в себя не более десяти секунд. Надя едва отрывала уста от Дагара, как он опять впивался в ее губы.

Макару открылись две истины.

Первая: нельзя бесконечное количество раз откручивать время назад — это приводит к упадку сил, и теперь неизвестно, сможет ли он вообще управлять своим даром. Если магия исчезла, все планы по возвращению домой летят к чертям.

Еще не зная, насколько сильно он навредил себе, Макар попытался сделать то, что давалось легко, но даже такая простая манипуляция, как остановка времени, вызвала острую головную боль. От мысли отмотать его назад и вовсе затошнило.

Когда в памяти всплыло лицо Нади, спускающейся по лестнице гаража, Макар резко выдохнул, словно его ударили под дых.

Боже, он чуть не лишил девушку жизни! Бледность кожи с каждым разом проявлялась все сильнее, а он в своем безумии не замечал этого, как не замечал и умоляющий взгляд, просящий прекратить магическую атаку.

Что он натворил?!

Макар закрыл глаза и постарался сосредоточиться.

Вторая истина оказалась не менее важной: Дагару по зарез нужен был Надин поцелуй. Благодаря какой — то эльфийской примочке, после него девушка влюблялась в ректора будто кошка.

Но для чего второму лицу в княжестве «серая мышь»? Не в амулете ли дело? Не потому ли ректор пробирался через Дикий мир, а не перенесся с помощью Гердхока? Получается, без Нади чванливый эльф не в силах управлять им? Должно быть здОрово пользоваться чужим даром распознавания лжи, скрывая собственную за магическим поцелуем?!

— Даешь мужское слово, что не сбежишь? — Окси даже не повернула голову, направив все внимание на кисточку, оставляющую на ногтях ярко — красный след.

— Даю, — скрестив пальцы, произнес Макар, еще не веря своему быстрому освобождению.

— Черт, я едва ненаступила на старые грабли! Ведь вашему слову верить нельзя. Все равно сбегаете, — в том, как она хмыкнула, чувствовался большой опыт — мужчины от нее сбегали и не раз.

— Развяжи. Руки затекли, размять бы.

Он готов был отдать душу дьяволу, лишь бы увидеть Надю. В его голове созрел план, и осталось дело за малым — выбраться из комнаты.

— Погоди чуток, — любуясь цветом, Окси подула на ногти. — Лак еще не высох.

— Да сдался тебе этот лак! — По телу Макара пошел зуд от нетерпения. — Еще раз накрасишь. Развяжи!

— Нет. Бутылочка почти пустая. Знал бы ты, сколько радости и боли у меня связано с красным цветом! — Окси будто бы специально тянула, перекрашивая некоторые ногти заново.

Макар физически чувствовал, как убывает время. Чудо, что Дагар вообще задержался. Повторяющиеся крики «горько» уже не резали по нервам, они являлись доказательствами того, что «молодые» все еще находятся на Заставе.

— Когда — то давным — давно, — Окси лениво помахивала растопыренными пальцами, делая вид, что сушит лак, — я вот так же сидела с кисточкой и бутылочкой лака на складе кирпичного завода. И тоже злилась, так как красила ногти второй раз за день. Василий — грузчик, местный кобель, дважды во время обеденного перерыва воспользовался моей «наивностью» и, наобещав вечером сводить в пивной бар, ушел с работы вместе с нормировщицей Клавкой. Розовые ногти, выкрашенные в тон моим мечтам, оставили на его физиономии кровавые борозды, и теперь настроение требовало другого цвета. Красного будто кровь. Тогда я поклялась себе, что все равно окажусь в баре и заклю такого парнягу, что Васька удавится от ревности.

— И что? Удавился?

— Ага. Еще бы, — не без гордости в голосе произнесла Окси. — Я вошла вся такая такая... Короче, красная помада, красный лак, красное в обликпу платье. Стрелки на глазах и чулках. Половина мужиков поднялась, приглашая присоединиться к ним. Но я выбрала того, кто был выше и красивее Васьки. Правда, тогда он еще не знал, что стал моим избранником. Смуглый брюнет, волосы которого вились кольцами аж до самых плеч, сидел у барной стойки и вертел в руках стакан виски, позвякивая кубиками льда. Прикинь, в пивном баре сразу нашелся тот, кто любит погорячее! Не обращая внимания на замершего истуканом Ваську и его лахудру, сосущую из пивной бутылки, я подошла к незнакомцу сзади и прошептала самым эротическим голосом, на который была способна: «Не угостите девушку? Не хочется пить со всяким быдлом». Василий, услышав, что его обозвали быдлом, скривился, а Клавка подавилась, залив пивом джинсы своего ухажера. Вот умора! Она руками полезла отряхивать их. Исцарапанное лицо Васьки стало пунцовым. Между тем, гигант повернулся ко мне. Он так ослепительно улыбнулся, что мне стало жарко. Кокетливо сдув с лица упавший локон, я заняла место, с которого за секунду до этого слетел на пол хмырь в очках. Когда я забралась на высокий стул, мои коленки оголились. Клянусь, я видела, как у Васьки потекла слюна, но мой новый знакомый тут же застолбил привалившее счастье — положил на обтянутое красным бедро лапищу. По моему телу прошел разряд тока.

Окси, вспоминая былое, заерзала на кровати. Макар воспользовался паузой.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — ему не терпелось освободиться.

— Разве тебе не интересно? — удивление Окси было неподдельным. — Когда —нибудь

знания о мире демонов могут пригодиться. Они сами не очень — то распространяются о своих тайнах. И потом, так быстрее пройдет время пока лак сохнет. Ой, смазала мизинец! Придется перекрашивать...

Еще час Макар слушал Окси, боясь прервать ее, так как стоило ему сказать хоть слово о затекших руках или боли в спине, она принималась перекрашивать один из пальцев.

Если опустить все красоты, история Окси была такова:

Незнакомец оказался весьма энергичным типом и после нескольких жарких танцев, когда блондинка забыла о Ваське — предателе, трижды с небольшими перерывами «воспользовался ее наивностью» в мужском туалете, что произвело на Окси неизгладимое впечатление. До такой степени неизгладимое, что она увязалась за парнем, хотя тот сказал «чао!» и сунул сотню баксов ей в лифчик. Она, сняв каблуки, кралась за ним на цыпочках, пока он неторопливо шагал по улице, насвистывая какую — то мелодию. В ее голове мелькали планы перехвата такси, но на удачу, незнакомец не сел в машину, а дошел пешком до кафе со странным названием «Приют проходимцев».

Она чуть не потеряла его из виду, когда у кафе случилась толчея. Проскользнув в полутемный зал, Окси пошарила глазами и нашла своего недавнего любовника у стойки бара, где он рассматривал бутылку с каким — то зеленым пойлом. Он вертел ее так и эдак, а бармен, заметив Окси, замершую за спиной незнакомца, вдруг спросил: «Ее берете с собой?», на что незнакомец рассеянно ответил «да» и, кинув монету, двинулся в сторону длинного коридора.

Вопрос длинноволосого бармена, обращенный к Окси, немного удивил: «Вы согласны присоединиться к нему?», на что она, не раздумывая, тоже ответила согласием.

Незнакомец почти скрылся за дверью, куда шагнули еще несколько брюнетистых парней, удивительно похожих друг на друга статью и ростом, когда Окси прошмыгнула следом. Оглянувшись на жар и запах дыма, она с удивлением обнаружила, что створки дверей, где только что зиял проход, загорелись и через мгновение исчезли без следа.

— Ох, ты ж твою мать! — выразила Окси свое удивление и взвизгнула от боли, когда в ее руку вцепился тот самый мужчина из пивного бара.

«Какого демона ты здесь делаешь?» — прошипел он.

Ей бы впору потерять сознание, когда на ее глазах из его черной шевелюры показались два красных рога, а из штанов вывалился хвост с кисточкой, но она лишь широко улыбнулась, что смягчило приступ гнева демона.

— Эка невидаль! — хохотнула Окси, делясь впечатлениями с Макаром. — Вот когда у укладчика Прокопыча лопнула резинка на штанах, это было событие! Он не раз грозился удивить нас своим хоботом, а в реале там оказалась пипетка. Уволился бедолага. А тут какой — то хвост с пучком волос на конце!

Окси осторожно потрогала, подсох ли лак.

— Эх, знать бы наперед, что жизнь моя порушится именно из — за хвоста, — тяжело вздохнула блондинка. — Демоны носятся с ним, как наши мужики с размером пениса. У кого длиннее, тот и царь горы. Раз в десятилетие у них проводится конкурс, помпезно называемый «Наше все», где они меряются своими отростками и получают за это жезл «Демонова длань», что соответствует длине хвоста.

— Почему демонова длань? — Хотя Макар не задал вопрос, Окси ответила. — Помнишь, как в мультике рост удава считали в попугаях? Так вот у них все измеряется ладонями. Одна длань от запястья до острия длинных когтей — где — то двадцать пять

сантиметров. И если до кончика хвоста остается двадцать четыре, то результат округляется в меньшую сторону. Поэтому они ревностно следят за своими хвостами. Не дай бог прищемить! Жизнь кончена.

Самый длинный жезл — золотой. Это очень круто. Привилегии во всем.

Если случится суд — правда на стороне того, у кого жезл длиннее.

На момент нашего знакомства Варгиил уже девять лет как был обладателем серебряной «Демоновой длани», чем очень гордился. Богатый дом, слуги, мелькание на первых страницах журнала «Игривый демон» — и все благодаря хвосту.

— Я могу выбрать любую самку, — бахвалился он, не замечая, как перекашивается мое лицо. — Стоит лишь протянуть ей «Демонovu длань», и она станет покорной.

На фоне мужиковатых демиониц я выглядела экзотической птицей, и Варгиилу нравилось хвастаться мною. Дура, я не понимала, что любая игрушка может наскучить, особенно, когда она сделает роковую ошибку. Я цеплялась за Варгиила, ревновала, устраивала истерики, когда засекала, что какая — нибудь рогатая тварь натирает ему жезл, желая выйти за него замуж.

Приближался день конкурса. Дом все чаще навещали демионицы, которые делали массаж хвоста, всякие примочки — притирки, которые якобы могли увеличить размер и дать тот самый сантиметр, что не позволил Варгиилу в прошлый раз отхватить золотой жезл. Я незримо находилась рядом — пряталась под кроватью, за занавесками, в шкафах. За этими фишечками нужен глаз да глаз. Чуть не уследишь, они уже массируют совсем не то.

Хочу заметить, что в сексе я тоже могла бы получить золотую «Демонovu длань», жаль, что там такие конкурсы не проводились. Демионицы тупые. Знают одну позу — по — собачьи. У нас же в общаге кирпичного завода настольной книгой была «Камасутра», поэтому Варгиил всегда возвращался ко мне. Я посадила его на «Камасутру», как на наркотик. Жаль, что это преимущество притупило и мою бдительность.

— Если получу золотой жезл — женюсь, — щурия глаза от наслаждения, заявил однажды демон массажистке, усиленно натирающей его хвост.

Сердце мое пустилось вскачь. Я решила, что Варгиил говорит обо мне, поэтому захотела всякими правдами и неправдами помочь ему выиграть. Я втихаря выяснила, кому из членов жюри принадлежит эталон ладони, и через неделю демон с седьми волосами в совершенстве освоил несколько поз из «Камасутры», а его когти стали короче на полтора сантиметра. Мало того, я решила сделать Варгиилу сюрприз, до которого никто из конкурсантов не додумался. «Длинный и красивый» стало бы новым девизом конкурса.

«Пусть все видят, как я его люблю», — думала я, подкрадываясь к спящему рогатику в ночь накануне решающего дня. Сняв с кончика хвоста колпак с мазями, я осторожно расчесала волосы и постригла их в форме сердечка. Теперь — то я знаю, какую совершила глупость. Оказалось, что в длину хвоста входит и мохнатая часть, и Варгиил, несмотря на подпиленные когти эталона, вновь получил серебряную «Демонovu длань».

Он не убил меня, как я того ждала, спрятавшись под кроватью.

Он устало сел и произнес: «Мы едем на твою Заставу».

— Это еще почему?! — храбро выкрикнула я из своего укрытия.

— Только там меня и тебя, как попаданку с Пскопской стороны, поженят. Ведь об этом ты так сильно мечтала?

— Остальное ты уже знаешь, — Оксисклонилась над Макаром и, жалея покрашенный ногти, начала ножницами срезать узлы на простыне. — Ты прости, что я так долго тянула.

Мне нужно было выговориться. Лишь ты сможешь понять мои чувства, особенно сейчас, когда потаскушка, в которую ты влюблен, выходит замуж за другого.

— Я понимаю, — Макар поднялся и потянулся. От долгого лежания тело затекло. Его задела неприятные слова о Наде, но спорить с Окси — бесполезное занятие.

— Ты куда? — блондинка сдвинула брови, видя, как студент двинулся к двери.

— Я в душевую, — обернулся он. — Не волнуйся, если застряну надолго. Постою под водой, остыну. Да и живот что — то побаливает.

— Бывает. У меня тоже от волнения частенько схватывает. Ты зови, если спинку надо потереть.

— Договорились.

Макар включил воду и задернул занавеску.

— Ой, полотенце забыл.

Окси стояла у окна и задумчиво смотрела на собаку, бегающую по палисаднику.

— Как ее зовут?

— Грушевич.

— А у меня из окна видна стена кирпичного завода. И иногда мимо нее проходит Василий. Он стягивает майку и вытирает лицо. Его спина блестит от пота. Я его зову, а он не слышит.

Макар вместе с полотенцем достал шапку — невидимку и, делая вид, что направляется в душевую, выскользнул за дверь, в надежде, что Окси не скоро заглянет за занавеску.

А стоящая у окна Окси улыбалась машущей хвостом собаке и своим мыслям. Ей не нужно было видеть, как Макар крадется к двери. Она наизусть знала все уловки мужиков. Она собиралась стать зрительницей спектакля «Как достать ректора».

Все — таки жизнь на Заставе имеет свои прелести.

Глава 23. Как достать ректора

— Гугл посоветовал скрыться под джабом, иначе дагаровские головорезы не отстанут, — приятный голос Мурилы, доносящийся из приоткрытой двери в комнату Петры, остановил спешащего в кафе студента. Кимбужка сидела на кровати и словно пятилетний ребенок болтала ногами в аккуратных туфельках. Видимо ей доставляло удовольствие делать то, чего она была лишена прежде. — Но я даже мысленно не могу представить, что мне опять придется смотреть на мир через щель.

Макар поднял голову к призрачному небу и поблагодарил бога за рояль в кустах. Джаб — это решение проблемы.

Еще слушая исповедь Окси, он присматривался к ее одежде. Бархатная курточка с капюшоном, одна из тех, что так любила носить бойкая блондинка, могла скрыть его личность. Шапка — невидимка хороша лишь для гостей и обывателей Заставы, но Гугл и прочая управленческая братия раскусили бы его моментально. В голову пришла шальная мысль соблазнить Окси, а самому смыться в ее одежде, но решиться на такое безобразие Макар не смог. Обидеть женщину пустыми обещаниями? Не в его правилах.

Сбежав от Окси, он, напялив на голову шапку невидимку, направлялся в ее комнату, чтобы порыться в шкафу и найти подходящую одежду. Сомнения подсказывали ошибочность затеи: трудно будет скрыть мужскую фигуру в вещах, которые на три размера больше. Не вызовет ли «нечто в розовой кофточке» пристальный интерес?

И тут, словно манна с небес — подсказка Мурилы. Остается дело за малым: запереть девушек в комнате и стащить джаб.

Макар привалился к косяку и прислушался к разговору.

— А мне тоже надеть джаб? — донесся из душевой голос Петры. Стих шум воды, и хозяйка комнаты появилась в проеме двери с полотенцем в руках. — Или испачкать лицо сажей как Золушка?

— Тогда не надо было умыться, — улыбнулась Мурила.

— Никак не ожидала, что симпатичная внешность может принести неприятности. Хорошо, что они отстали от нас еще на лестнице. Видимо знали, чем опасен Предел.

— Выйти вдвоем в джабе? Нет, такое количество кимбужек на одну Заставу будет выглядеть подозрительно. Давай вовсе никуда не пойдём? Гугл и без нас справится. Свадьба подходит к концу, а грязную посуду может собрать кто угодно.

— Я согласна. Вот только мы не успели попрощаться с Надей... — глаза Петры вдруг наполнились слезами.

Мурила встала и обняла подругу.

— Не обижайся на нее. Она влюблена и после долгой разлуки не видит никого, кроме своего ректора. Надюша счастлива, и мы должны радоваться за нее. А потом, разве она не обещала как —нибудь навестить нас? Думаю, Дагар ей не откажет.

— Да, — Петра шмыгнула носом и вытерла слезы уголком полотенца. — Он хороший. Глаз с нее не спускает.

— Так что решим? Сажу, джабы или попьём чайку с конфетами и полюбуемся на твое море?

Макар догадался, что из окна Петры открывался вид, связанный с какими —то воспоминаниями девушки.

— Чаек и море. А завтра расспросим Хоча, как связаться с Надей через единорога. Представляешь, мы смогли бы посылать ей сообщения и узнавать о ее успехах!

Постояв еще пару минут и убедившись, что подруги включили электрический чайник, Макар направился в комнату Мурилы.

Джабы найти оказалось нелегко. Кимбужка засунула их в дальний угол шкафа, скрутив в тугий узел. Выбрав самую просторную накидку, студент поспешил к лестнице, ведущей в кафе. Выглянув в коридор, и не заметив никого из пограничников, он снял шапку — невидимку и облачился в черное одеяние.

Сделав несколько шагов, остановился, поняв, что широкая, совсем не женская, походка может его выдать. В джабе было душно, щель для глаз при каждом движении сползала на бок. Может, у Мурилы и были какие — то приспособления, чтобы ткань не ерзала, но Макару приходилось принаравливаться «на ходу».

Семенящим шагом, мало похожим на походку Мурилы, Макар направился на кухню. Если кому и суждено догадаться, что под джабом скрывается не женщина, то пусть это будет Гугл.

— А, Мурила, пришла попрощаться с подругой? — Гугл поднял бокал с гоблинской мордovorоткой в приветственном жесте. — Я уже...

Макар кивнул и поспешил к барной стойке. Сапфир, занятый разливом напитков, не обратил на него никакого внимания. Да и вообще, мало кто в кафе удивился появлению Мурилы в джабе. Почти все женщины разошлись, и со столов посуду убирали недовольные привлечением к немужскому делу пограничники.

Взяв руки поднос, Макар присоединился к остальным, поглядывая в сторону пришлых эльфов. Нельзя все испортить излишней поспешностью.

Сходив несколько раз на кухню с подносами полными грязной посуды и объедков, студент направился в сторону стола, за которым сидели жених и невеста.

Раскрасневшаяся Надя смеялась в ответ на слова, что шептал ей на ухо Дагар, и все время поправляла съезжающий набекрень веночек из белых цветов. Спортивная одежда и кроссовки не вязались с привычным образом невесты, отчего свадьба казалась ненастоящей.

Вопреки ожиданиям, воины Дагара не были пьяны. Они расположились за соседними столами и внимательно посматривали вокруг, будто продолжали нести дозорную службу. Горы грязной посуды, витающий в воздухе запах спиртного и громкая музыка, под которую уже никто не танцевал — все говорило о том, что «торжество» подошло к концу, но Дагар и его воины почему — то не торопились распрощаться с гостеприимными хозяевами. Макар поймал напряженный взгляд ректора, обращенный куда — то вдаль, хотя в этот момент он, отодвинув фату, целовал шею невесты.

У Макара сжалось сердце, когда он заметил, какими глазами девушка смотрит на Дагара. В памяти всплыла подсмотренная мыслеграмма с похожей сценой, где полураздетая Надя обнимала мужчину в мантии. Тогда казалось, что эти двое безумно любят друг друга.

«Все ложь! Даже не вздумай сомневаться!» — как заклинание твердил Макар, приближаясь к целующейся парочке.

— Мурила! — воскликнула Надя, заметив джаб. — Ты почему опять в черном?

Макар затаил дыхание, не зная, как поступить: ответит он или промолчит, в любом случае вызовет подозрение.

— А, кимбужка! — нечаянно пришел на помощь Дагар. — Решила спрятаться от моих ребят? Не бойся, больше они тебя не тронут.

В этот момент взор Дагара был направлен вовсе не на «Мурилу». Он смотрел на появившегося из порталного коридора воина. Заметив его кивок, ректор засобирался.

— Пришла пора прощаться, — сказал он, снимая Надю с колен. — Мы уходим.

Воины разом поднялись и строем направились в гараж. Макару ничего не оставалось делать, как вместе с покинувшим кухню Гуглом и Сапфиром, коса которого так и осталась заплетенной, двинуться следом. Надя уже забыла о подруге, и, идя под руку с Дагаром, смотрела лишь на него одного.

Макар находился на грани отчаяния. План отрезвить Надю поцелуем оказался провальным — ректор и на минуту не отпускал ее от себя. Хлынувшая толпа провожатых и чертов джаб, путающийся между ногами, и вовсе усложнили задачу.

Портал в Дикий мир зиял черной пастью, лишь огни факелов в руках воинов освещали небольшую площадку, на которой топтались, слыша крик диких животных, оседланные единороги.

Как по команде, отряд быстро расселся по своим скакунам. Макар краем глаза заметил странный маневр — каждый из эльфов положил руку на плечо соседа. Они явно к чему — то готовились.

Догадку подтвердил сам Дагар, он надел перчатку и потянул за цепь, которая скрывалась под камзолом. Яркий свет кругляша, спрятанного под ладонью, мигнул в такт ударам сердца и погас. Другая рука Дагара покоилась на талии невесты.

«Им не нужен Дикий мир для прыжка на ближайшие Заставы, они уйдут с помощью Гердхока!» — понял Макар и рванул вперед.

— Я хочу попрощаться с Надей! — фальцетом выкрикнул он, совсем не заботясь о том, что голос не похож на певучий.

Дагар поморщился, но не стал на глазах у пограничников отказывать в отчаянной просьбе кимбужки. Его единорог в нетерпении бил копытом с другой стороны портала, и ректор отступил к нему, чтобы успокаивающе погладить по голове. Из Дикого мира неслись завывания хищников, бродящих где — то поблизости от освещенного портала, и даже в глазах умелых воинов мерцали тревога и нетерпение, а невесту их предводителя никак не отпускала из объятий женщина в черном балахоне.

— Довольно! — произнес Дагар и протянул ладонь Надежде, но та повела себя странно. Девушка вдруг нырнула под накидку кимбужки.

Знал бы он, что пришлось проделать Макару, чтобы поцеловать Надю! Щель на джабе открывала либо глаза, либо губы, и никак и то и другое вместе. Сначала Надя пыталась сопротивляться, но Макар крепко прижал ее к себе. Другого шанса вытянуть любимую из лап Дагара не существовало. Он отчаянно боролся с тряпками. Слепой, он попадал губами то в Надину щеку, то в глаз. Но когда ему все же удалось глубоко (с применением языка для верности) поцеловать Надежду, она сначала застыла, а потом выдохнула и прошептала: «Боже мой, Макар! Что же я наделала? Я целовалась с Дагаром!»

Крупные слезы покатались из ее глаз, когда пришло осознание, что к ней применили магию подчинения. Она весь вечер миловалась с тем, кто ее обманывал! Вместе с Макаркиным поцелуем на нее обрушилась истина — любовь эльфа насквозь фальшива!

«Ныряй под джаб!» — скомандовал Макар, и тут же в прорези для руки появилась шапка — невидимка, которая была водружена на его голову прямо поверх черной накидки.

Пришло время осуществления плана Б.

План А — похищение с остановкой времени не сработал, так как даже такая малость

сделалась для Ловца времени невозможной, не говоря уже о возврате.

Да, Макар подготовился, вполуха слушая историю любви Окси. Он вспомнил, что заполучив шапку — невидимку, проверил ее на способность прятать то, что соприкасается с ним. Под джабом Надя висела на его спине, как заплечный рюкзак. Обхватив руками и ногами торс Макара, она тоже стала невидимой.

Рука ректора повисла в воздухе, когда вдруг исчезли Надя и ее подруга.

— Что за..? — только и успел сказать он, когда портал в Дикий мир захлопнулся перед его носом.

— Что за..? — прокричал гном, обнаружив под джабом Макара с висящей на нем Надей.

— Что за..? — удивился Сапфир, когда Макар неуклюже пробежал мимо него.

— Что за..? — выдохнул Хочь — Убей, стоящий у окна в своей комнате над гаражом, когда увидел, что Мэя захлопнула портал в Дикий мир, едва не перерубив руку Дагара.

— Я ошибалась, — произнесла женщина, закидывая длинные волосы за спину. — Там нет любви. Все истинные чувства здесь.

Она показала пальцем на бегущего по лестнице Макара, чей силуэт узнала сразу, стоило ему надеть шапку — невидимку. По тому, с какой готовностью на него запрыгнула Надежда, Мэя поняла, сколь сильны их чувства.

— Ты помогла им, — с грустью произнес Хочь, повернувшись к мечтательно улыбающейся женщине. — Ну что же, милая, готовься к войне.

В общем хаосе, творившемся на Заставе после побега Надежды от жениха, никто не хватился Крошки Пиу, которая лежала скрученная как младенец в простынях с чупа — чупсом во рту, и плачущей в общественном туалете, расположенном в конце порталного коридора, Окси, на чьем лице цвел фиолетовый фингал.

На Заставу надвигалась катастрофа, масштабов которой не предвидели ни Хочь, ни ведьмы, ни сторк Игеворг, ни даже волшебница Мэя.

Глава 24. Дознание и приговор. Тайная вечеря

— Приведите ее, — голос сторка Игеворга был спокоен, и только знающий главнокомандующего близко догадался бы, что тот в ярости. Лицо бледнее, чем обычно, потемневшие до черноты зрачки, металлические ноты, звучащие в отрывистых фразах — вот таким в одно мгновение стал эльф, узнав, что Крошка Пиу не просыпается, несмотря ни на какие ухищрения. Ни магия, ни медицина миров, входящих в Содружество, не помогли привести девочку в чувство.

Сапфир, коротко кивнув, вышел за дверь и вскоре вернулся с Окси, низко надвинувшей капюшон розовой курточки на лицо. Но даже такая хитрость не могла скрыть потемневший синяк.

— А что я такого сделала? — возмутилась блондинка. Бармен подтолкнул ее в спину, когда она остановилась у порога, не решаясь переступить его. — Я всего лишь поиграла с Пиу в дочки — матери. Материнские инстинкты и все такое...

Увидев тяжелый взгляд сторка, она замолчала.

— Садись, — приказал эльф, выдвинув кресло в центр смотровой комнаты.

Как только попаданка опустилась в него, сторк стянул с ее головы капюшон и надел обруч, протянутый Исидой. Кроме них и Сапфира в комнате находились Галатя, Гугл, Бай — юрн и Хочь — Убей, готовый своей бледностью поспорить с эльфами. На лице каждого из присутствующих отметилась печаль.

В воздухе развернулась мыслеграмма.

— А почему малышка в комнате? Разве она не хочет попроситься с Надей? — Окси присела на корточки, чтобы быть вровень с Крошкой Пиу, рисующей воинов, держащих в руках копья с нанизанными на них головами людей и животных.

— Мне запретили уходить с Предела. Маленькой девочке не место среди опасных людей.

— А тебе не скучно, милая? — голос Окси растекался патокой.

— Нет, мы с Бай — юрном играем в прятки.

— И где же прячется наш огромный кот? — блондинка обвела глазами комнату, обставленную мебелью под стать крошечной девочке.

— Окси, ты дурочка? Разве кот может залезть под кровать или в шкаф? По правилам нашей игры прячусь только я.

— И где же он сейчас?

— Побежал в сад отлить.

Окси улыбнулась.

— А давай, пока кот не вернулся, поиграем в другую игру. Дочки — матери.

— Как это? — Дюймовочка, заинтересовавшись, отложила перо и закрыла «Книгу судеб».

— Это такая игра, в которую играют маленькие девочки в моем мире. У нас на Заставе нет мам и малышей, поэтому ты не знаешь, как здорово быть чьим — то ребенком. Когда он появляется на свет, его пеленают, качают на руках, дают соску.

— Мне приятно, когда меня качают на руках, но что такое соска?

— Это такая игрушка, которую ребенок берет в рот. Она доставляет счастье.

— Покажи мне ее.

Окси вытащила из кармана чупа — чупс.

— Но это же просто конфета, — разочарованно произнесла Пиу.

— Но мы же играем? Я понарошку буду твоей мамой, ты моей дочкой. В этом весь смысл игры.

— Хорошо, давай попробуем.

Окси быстро завернула девочку в простыню, сдернутую с кровати.

— Вот так и лежат карапузики в пеленках, когда их качает мама. У тебя есть мама?

— Нет. Я сама по себе появилась. Вместе с Заставой.

— А вот и соска! — Окси осторожно развернула круглую конфету и сунула девочке в рот.

— Нравится?

Крошка кивнула.

Колыбельная «Спят усталые игрушки» и ритмичные покачивания сделали свое дело — Пиу уснула. На ее лице застыла счастливая улыбка.

Оборвав песню, Окси прислушалась к дыханию девочки. Осторожно уложив ее на кровать и укрыв покрывалом, блондинка метнулась к столу, на котором лежала «Книга судеб».

Выглянув за дверь, и убедившись, что на Пределе никто не топчется, Окси сунула фолиант под куртку и поспешно покинула комнату.

На лестнице ей повстречался Бай — юрн, мурлычущий себе под нос какую — то кошачью мелодию. Лицо Окси сделалось бледным, она, словно олимпийский спортсмен перед стартом, затаила дыхание, готовясь сорваться на бег в любой момент.

— Куда спешишь, царица гоблинов? — кот приостановился. Оценив ее бледность и руки, сложенные на животе, Бай — юрн произнес с напускным сочувствием в голосе: — Никак заболела?

— Да, что — то желудок схватывает, — Окси скривила лицо и ссутулилась, еще крепче прижимая к себе сползающую книгу. — Гоблинская мордоротка сегодня не пошла.

— А не от зависти ли тебя скрутило, деуля? Поговорим об этом? Могу даже дать поплакаться в мою жилетку, — кот не спешил расставаться, испытывая удовольствие от того, что наступал на большую мозоль блондинки. — Как ты переносишь то, что не за тобой, а за Надюшей пожаловали красавцы — эльфы? Причем все как один королевских кровей.

— И на моей дороге когда —нибудь карета с кучей принцев опрокинется, — с достоинством ответила блондинка и, прислушавшись к нестройному хору голосов, орущих «горько», спросила: — Ты случайно не видел Мурилу с Петрой? Нигде не могу их найти. Со столов пора бы убрать. Может быть, ты пойдешь со мной?

Расчет оказался верным. Кот заторопился.

— Мурила в джабе только что прошла туда, — он, не оглядываясь, махнул лапой в сторону кафе.

Окси, подтянув книгу вверх и одернув курточку, отступила так, чтобы спрятаться от кота, хотя ее глаза напряженно следили за Бай — юрном.

— Тоже мне, сторож, — прошептала блондинка, наблюдая, как «пушистик» задом пятится из комнаты Крошки Пиу и осторожно прикрывает дверь.

— Я думал, что она легла отдыхать, а книгу спрятала в шкаф. Я не хотел ее беспокоить, — голос кота, готового слиться со стеной смотровой комнаты, дрожал. — А потом стало не до Пиу. Начался хаос. Макар с Надей забаррикадировались.

Поймав на себе тяжелый взгляд сторка, кот сник и закрыл лапой рот.

Между тем над головой Окси разворачивалась новая картина.

Блондинка находилась в общественном туалете, которым пользовались гости Заставы и посетители кафе.

— Почему так долго? — прошептал мужчина, втягивая Окси в одну из кабинок и прижимая к себе. Высокий, широкий в плечах, он был неуловимо похож на Дагара, только вот цвет волос напоминал расплавленный шоколад, да в глазах светилось скорее нетерпение, чем любовь. — Принесла?

— Да, — ответила Окси, поднимаясь на цыпочки для поцелуя. Жадный рот смял ее губы. Блондинка закинула незнакомцу руки за шею, но он нетерпеливо оторвал ее от себя.

— Кот, зараза, задержал, — пожаловалась Окси. — Но все прошло так, как ты и предполагал: стоило Пиу покачать на руках, она тут же заснула.

— Они все засыпают, стоит лишь капнуть снотворного на конфету, — мужчина самодовольно улыбнулся и запустил руки Окси под куртку. Попаданка потянулась ему навстречу и прогнулась в пояснице, но эльф, вытащив фолиант, развернулся к свету.

Едва погасив стон разочарования, Окси попыталась сунуть нос в открытую книгу, но незнакомец повел плечом, словно отгоняя назойливую муху.

— Скоро? — спросила блондинка, слыша лишь шелест страниц. Она облизала губы, рассматривая нечаянного любовника со спины. — Боюсь, Пиу проснется до моего возвращения.

— Не проснется, — сухо кинул мужчина и перевернул еще одну страницу.

— Если хочешь узнать, кто из ваших студенточек похитил Надю, приложи руку к ее изображению, — Окси сначала погладила ладонью, а потом, не встретив сопротивления, прижалась щекой к широкой спине эльфа.

— Не учи, — бросил он и резко развернулся к блондинке лицом. Она едва успела отступить. — Я должен показать книгу Дагару. Брат лучше знает своих студенток.

— Мы так не договаривались! — взвизгнула Окси.

— Т — с — с — с, — мужчина приложил палец к ее губам и прислушался к тишине. — Ты же понимаешь, что мы должны предотвратить угрозу повторного похищения невесты лорда? Он только опознает похитительниц и сразу вернет книгу.

— Нет! — Окси ухватила за обложку и дернула на себя. Ее шепот стал похож на шипение змеи. Ядовитой змеи. — Ты обещал, что, в крайнем случае, вырвешь нужные вам страницы, а не потащишь книгу целиком.

— Я пробовал, но они не поддаются. — Окси недоверчиво посмотрела на руки эльфа, который демонстрировал, что страница с рисунком Нади не отрывается. — Видишь?

Окси и сама попробовала, но страница, сделанная из тончайшей кожи, только тянулась, но не рвалась. Стоило отпустить ее, как она тут же сжималась до прежнего размера.

— Тогда условия соглашения меняются, — Окси сдула с глаз челку. Ее лицо покрылось бисеринами пота. — Мне не нужен ваш эльфийский эликсир неземной красоты. И не нужен приворот для принцев. — Она вытащила из кармана небольшие флаконы серебристого цвета и протянула мужчине. — Ты сам женишься на мне. Ты ведь брат Дагара, а ваш старший брат — правитель Эльфийского княжества? Значит, ты тоже типа принца. Ты мне подходишь.

Окси воспользовалась тем, что удивленный ее наглостью эльф на автомате взял протянутые бутылочки, и с силой рванула книгу на себя.

— Не делай из меня дуру. Я тебя раскусила. Получишь «Книгу судеб» только тогда,

когда объявишь всем, что я твоя невеста, произнесешь клятву верности на крови и доставишь меня в Эльфийское княжество. — Окси по — деловому засовывала книгу под куртку. — И не удивляйся, я знаю о силе клятвы на крови. Я тоже не льком шита. Как ты заранее подготовился и изучил мои слабые стороны, так и я полистала на досуге мемуары «Прожженного эльфийского бабника». Надьке фальшивыми свадьбами будете голову морочить. Понял, любимый? А я еще сяду на эльфийский тро...

Окси не успела договорить, как получила удар головой и рухнула будто подкошенная.

— Жаль, что ты никогда не вспомнишь меня, любимая, — мужчина наклонился и влил содержимое флакона «неземной красоты» Окси в рот. Затем расстегнул молнию на куртке и вытащил книгу. Нажав на спусковой рычаг унитаза, эльфийский принц покинул кабинку.

Никто больше не смотрел мыслеграмму, где очнувшаяся Окси уставилась в зеркало и трогала кончиками пальцев наливающийся синяк.

— Кто — то тебя хорошенько трахнул, а потом убежал, — сообщила она своему изображению. — Все как всегда.

— Я не могу поверить, — Галатея закрыла ладонями лицо. — Книгу забрали, Пиу умирает, а мы опять должны покинуть гибнущую Заставу.

— Только в этот раз бежать некуда. Зерен больше не осталось, — произнес сторк и отвернулся к окну, за которым слышался шум ночного города.

— Хочь, ты куда? Мы еще не закончили, — Исида схватила за рукав направляющегося к двери метаморфа.

— К Мэе, — он отцепил ее пальцы. — Я должен находиться рядом.

Все молча смотрели на поникшие плечи уходящего Хочь — убея. Его усы волочились по полу.

— Он не переживет ее истинной смерти... — уши Бай — юрна плотно прижались к плоской голове. — Мы погубили Колос. Мэя не успеет собрать нужное количество магии, чтобы вновь возродиться в одном из своих зерен.

— Надо что — то делать! Мы должны спасти богиню! — гном, обращаясь ко всем, встал возле Окси, мысленно продолжающей прокручивать вчерашние события, и замолк на полуслове.

На мыслеграмме появилась сцена, где блондинка впервые встретила младшего брата Дагара. Он стоял в порталном коридоре и с восхищением смотрел, как она спускается по лестнице. «Королева, — прошептал эльф. — Один поцелуй или я умру!». Окси ярко ему улыбнулась и сдула сползший на глаза локон.

Вокруг них бегали люди и что — то кричали. Хочь и Гугл, у которого носом шла кровь, волокли куда — то наверх сопротивляющегося Макара. Но красавец — эльф и Окси ничего этого не замечали. Страстный поцелуй довел блондинку до исступления. Она сама затащила эльфа в кабинку туалета. Мужчина не растерялся — короткая юбка была задрана до талии, а жадные руки скользнули под майку его неистовой партнерши.

«О чем ты мечтаешь?» — выдохнул эльф между быстрыми поцелуями.

«Хочу выйти замуж за принца!»

«Я помогу тебе. У меня есть эликсир неотразимой красоты и эльфийский приворот для принцев. Хочешь?»

«Да. Дай. Хочу. Ах!»

— Снимите кто —нибудь с нее обруч Истины! — выкрикнула Галатея. — Не хочу смотреть на эту порнографию!

— Видимо эльфы не догадываются, что артефакт «Познай истину» находится у нас, — Исида стянула с головы Окси обруч, дунула на него и, когда он стал не больше браслета, уложила в шкатулку. — Иначе Хард убил бы ее.

Окси сидела в кресле, словно сдутая резиновая игрушка.

— Как он мог? — прошептала она.

— Как ты могла? — Исида, услышав всхлип попаданки, затряслась от злости. Она, рисуя в воздухе зловещие символы, подняла над головой Окси руки, но сторк перехватил их и сжал до боли.

— Не кричи на нее. Не видишь? Знаменитый эльфийский поцелуй. Против него не устоять.

— Я же устояла, — огрызнулась Исида.

— Я не применял магию. Ты знаешь.

— Так, обращаюсь ко всем, кто хочет спасти Крошку Пиу! — гном согнал расстроенную Окси и встал на кресло, чтобы быть вровень с остальными. — Сейчас наша основная цель — вернуть книгу! Позовем Макарку...

— Он не придет. Макар больше нам не доверяет, — сторк Игеворг положил раскипятившемуся Гуглу руку на плечо. — Мы все знаем о пророчестве «Заставу спасет Ловец времени», но по иронии судьбы, именно сейчас Капец утратил свой дар.

— Навсегда?! — ужаснулась Галатея.

— Как — то нехорошо получилось, — Бай — юрн почесал за ухом. — И Дагару не угодили, и Капец силы потерял.

— Дагару не угодили?! Не забывай, что это его брат книгу стащил! — рявкнул гном. — Воспользовались добротой Мэи, пробрались к нам, словно лисы в курятник. Типа курочку свою назад взять, а сами, выходит, не только за девчонкой охотились. Им еще и золотое яичко подавай.

— Ведь знали, что лорд Дагар охотник за артефактами! Знали! — Бай — юрн чуть не плакал. — И прозевали самый значимый для нас!

— Так он специально эту дурацкую свадьбу устроил! Попались мы на отвлекающий маневр! — подхватил гном. — Уши развесили, «горько» кричали!

— Но все так натурально выглядело! — Галатея повела плечом. — Надя счастлива, Дагар влюблен.

— Прекратите кричать, — не повышая голоса произнес сторк. Его услышали и быстро свернули митинг. Замораживающий взгляд Главнокомандующего, остановленный на секунду на каждом, заставил поежиться. — Пора признаться, что все мы чувствовали фальшь. И я, и Сапфир прекрасно знали, как выглядит жертва, попавшая под эльфийское заклятие любви — подчинения, но проигнорировали этот знак, считая, что потеря какой — то попаданки не стоит вражды с могущественным кланом.

— А в итоге, этот могущественный клан обхитрил нас, — заключил Бай — юрн. — Выходит, Макарка — молодец, пусть через выгорание дара, но вернул любимую, а мы потеряли его доверие и прошляпили книгу.

— На всякого мудреца достаточно дуры — Окси, — вздохнул Гугл. — Но что мы будем делать? Смотреть, как угасают Крошка Пиу и Мэя? Ладно, мы. Разбежались по другим мирам и дело с концом. Заставы гибли и не раз, но нам выпал такой редкий шанс — жить рядом с богиней, быть причастными к чуду рождения Колоса, а мы его профукали. Мэя открылась нам, хотя после ухода бесов могла и не признаваться, что она и есть тот самый

таинственный Колос, а мы не оправдали ее надежд. Можно сказать, убили собственными руками. Не будет Колоса, не будет разбросанных по мирам Зерен, не будет новых Застав, да и старые со временем вымрут.

— Разрушится связь между мирами... — Сапфир подошел к матери и обнял ее.

— ... и вновь воцарится хаос, — закончила она.

— Уведите Окси, — вдруг приказал сторк.

Гугл кряхтя слез с кресла, подставил Окси плечо и поволок мало что соображающую блондинку из комнаты.

За дверью столпились беспокойные жители Заставы.

— Что происходит? Что с Крошкой Пиу? Она умирает? Почему исчезла дверь на Пскопскую сторону? Нашей Заставе пришел конец? — послышались встревоженные голоса.

— Отведите Окси к себе, — гном передал девушку подскочившим пограничникам. — И, это, останьтесь кто — нибудь с ней. Не наложила бы девка на себя руки. А нам еще Аравай — абу дожидаться надо бы...

Гугл плотно закрыл за собой дверь и вернулся к столу, вокруг которого расселись сообщники.

— Есть единственный выход из катастрофической ситуации, — прошептал сторк Игеворг, хотя видел, что Галатhea и Исида сотворили покров тишины. — Мы обладаем тем, что Дагар жаждет заполучить. И это что — то по значимости дороже «Книги судеб».

— И что же это? — простодушно спросил гном, но увидев, как на него посмотрели остальные, заволновался. — Нет — нет! Так нельзя. Мы не можем еще раз разлучить их.

— Через пять дней на Заставу придут вампиры. Я уверен, что Дагар придет с ними, — сухо продолжил сторк, недовольный тем, что его перебили. — Его девиз «Никогда не делюсь тем, что принадлежит мне» и лорд ему слепо следует. Мы можем обменять Надежду на Книгу. Проводник дороже мнимого долголетия, даруемого «Книгой судеб». Даже вписав свое имя на ее страницы, ты не можешь быть уверен, что проживешь века. Достаточно какому — нибудь врагу отсечь тебе голову. А ходить по мирам с помощью Гердхока, который я заметил на шее ректора, гораздо выгоднее.

— Нет, нет, нет! — Затряс тяжелой головой гном. — Макару мне друг. Я не могу! Это подло!

— Перестань причитать! — сидящая рядом Исида схватила Гугла за бороду, моментально превратившись в ведьму. Появившиеся длинные когти легко могли бы располосовать его лицо до кости, а сделавшиеся ядовито — зелеными глаза — испепелить. Гном вспотел, но не в силах был отвести взгляд от плывущих по воздуху волос шахматной королевы. Увидев животный страх повара, Исида пришла в себя. Вернулся прежний цвет глаз, исчезли когти, а волосы были деловито собраны в пучок. Проведя ладонями по аккуратной прическе, ведьма спокойно продолжила свою речь, как будто только что не случился устрашающий выпад. — На кону жизнь богини и Содружества. Думаешь, лорд Дагар позволит Макару и Надежде остаться вместе? Как только Крошка Пиу впала в летаргический сон, из которого никогда не выйдет, если не вернуть книгу, исчезли все двери, ведущие на Пскопскую сторону. А это было единственное место, где могли укрыться земляне. На Йеллопукской стороне Дагар легко найдет их. Макару при любом раскладе не жить, если мы не отдадим Надежду.

— Сейчас нам всем предстоит сделать выбор, — сторк Игеворг поднялся, заставив всех смотреть только на него. — Обменять Надежду на Книгу и жить здесь долго и счастливо или

остаться на Заставе и погибнуть вместе с Крошкой и Мэей. Есть еще один вариант, равносильный смерти — всю оставшуюся жизнь прыгать по мирам и Заставам, чтобы спрятаться от мести эльфийского клана. Что ты выбираешь, Гугельгогенн? Жизнь или смерть?

Гном низко опустил голову, но краску стыда, разлившуюся по лицу, ему скрыть не удалось.

— Жизнь, — прошептал он.

— А ты, Бай — юрн?

— Ну, если учесть, что Надя, получив очередной эльфийский поцелуй, забудет Макара и будет счастлива с ректором, то я однозначно выбираю жизнь.

Каждый последующий, на кого был нацелен холодный взгляд сторка, тоже выбрал жизнь, хотя ответил не так пространно как кот. Сложенные в единый узел руки голосующих предрешили судьбу влюбленных.

Глава 25. Надежда умирает последней

Когда смотровая комната опустела, из шкафа вылез Макар. Сделал несколько шагов и остановился. Ноги не держали. Тяжело облокотился о спинку стула и опустил голову на руки.

Из оцепенения его вывели возбужденные голоса столпившихся на Пределе пограничников. Предварительно проверив, находится ли шапка — невидимка на голове, Макар выглянул за дверь.

Жители Заставы слушали Гугла, эмоционально реагируя на его призывы к спокойствию. Окружив гнома плотной стеной, они избавили студента от нужды прятаться от бывшего друга. Внимательно оглядевшись и не найдя других участников тайного совета, которые могли бы его опознать, Макар невидимой тенью скользнул к комнате Надежды.

— Да, Застава в опасности. Сторк Игеворг принимает меры. Прошу набраться терпения, в ближайшие четыре — пять дней ситуация выправится, — гном уверенно отвечал на вопросы собравшихся.

«Значит в моем распоряжении всего четыре дня», — подумал Макар и стукнул условным знаком в дверь. Она тут же распахнулась, выдавая нетерпение стоящей за ней девушки.

— Что? Что ты узнал? — От волнения горло Нади перехватило, и она закашлялась.

Макар молча пододвинул платяной шкаф к двери и только потом поднял на волнующуюся подругу глаза.

— У нас больше нет друзей на Заставе. Нас предали.

***

За окном Надиной комнаты опустилась очередная, третья из отведенного срока, ночь. Стихли голоса разбежавшихся по домам детей, среди которых была маленькая Вера — именно такую картину видела Надя изо дня в день. Сначала она изводила себя, пытаясь докричаться до сестренки, а потом привыкла и задумчиво наблюдала за детскими играми. Классики, прыгалки, прятки... Видимо таково было ее наказание за то, что более года не вспоминала об оставленной где — то в ином, прежде любимом мире родной душе.

— Почему Застава так издевается над тобой? — спросил Макар, впервые увидев полные слез глаза Надежды, наблюдающие за девчушкой, прыгающей на одной ноге. — Это бесчеловечно.

— А тебе не кажется, что мы сами наказываем себя? Застава лишь проецирует нашу боль. Ты мучаешься, ничего не зная о матери, я — о Верочке.

— Наверное, ты права. Из своей комнаты я могу видеть собаку, но никогда маму.

В догадке Нади что — то было. За окном Петры билось море, которое наверняка сыграло какую — то важную роль в ее жизни, за окном Окси — прохаживался грузчик, дразня обнаженным торсом, что доставляло блондинке беспокойство. И лишь в смотровой комнате за стеклом открывалась нейтральная картинка — панорама рабочей окраины с характерным городским шумом. Ничья комната и как следствие — отсутствие определенных воспоминаний.

— Что же нам делать? — Надя прижалась к лежащему Макару всем телом, ее голова покоилась на его плече. Дыхание девушки было влажным — в комнате отсутствовала привычная вентиляция. По едва уловимым признакам угадывалось ухудшающееся состояние

Заставы. Кресло вроде не изменилось, но сидеть на нем стало неудобно, льющийся из люстр свет потерял накал, дверцы шкафа все время открывались, так как он скособочился, а вода в душе больше не нагревалась. — Застава умирает, Крошка Пиу так и не пришла в себя. Пока ты прятался в смотровой, я стояла за дверью и прислушивалась к разговорам на Пределе. Вместе с «Книгой судеб» пограничники утратили бессмертие. Кто — то порезался, и заметил, что раны уже не заживают так быстро, как прежде, а кто — то, искупавшись в ледяном водопаде, заболел. Ты и сам видишь — паники еще нет, но жители Заставы нервничают. На пустом месте вспыхивают ссоры. Говорят, в кафе уже не раз случилась драка.

— Выход найдется, я уверен, — Макар поцеловал девушку в макушку, пытаясь успокоить. — Через пару дней после визита вампиров на Заставу придут вервульфы, можно попросить у них убежища.

— Нет, навряд ли оборотни согласятся. Зачем им такая головная боль? Пока Дагар преследует нас, боюсь, нам никто не поможет.

— Жаль, что Аравай — аба пропал. Он нормальный мужик. Не понаслышке знает, что такое честь и отвага.

— Нет, Макар. Гобляндия тоже отпадает. Разве ты не понимаешь, куда бы мы не бежали, нас всюду найдут. Ты сейчас для Дагара враг номер один. Поверь мне, он уже разнюхал, что его соперник Ловец времени, а значит, ход событий может поменяться не в пользу ректора. Только твоя смерть гарантия его спокойствия.

— Какой я Ловец? — Макар шумно выдохнул и закрыл ладонью глаза. — Я даже на мгновение не могу остановить время...

— Макарушка, я не верю, что дар выгорел полностью. Рано или поздно ты восстановишься. И тогда...

— Что тогда? Как бы мы не крутили, Дагару о способностях Проводника известно с того самого момента, как ты попала к нему. Он не отстанет.

— Если только ты не повернешь время вспять. Обещай мне, как бы ни сложилось, ты попытаешься все вернуть назад. Найди меня. Запомни, я взяла в руки проклятый Гердох пятого июля в деревне Швары Псковской области. Пожалуйста, протяни мне руку до того, как я упаду со склона. Если не получится, дар так и не вернется, соверши невозможное, но выберись с Заставы. Спаси мою Веру. Сестричка осталась совсем одна. Она ходит в школу — интернат олимпийского резерва. Скажи ей, что я люблю ее, но...

— Подожди! Мне кажется или ты со мной прощаешься? — Макар поднялся на локте и посмотрел в тревожно — блестящие глаза Нади. — Мы выберемся отсюда вдвоем. Ты слышишь? Я не отдам тебя.

Надежда положила пальцы на его губы, заставляя замолчать.

— Ты не понимаешь. Только от нас зависит, погибнет Застава или нет. Крошка Пиу не может жить без книги, а я не могу сидеть и ждать помощи неизвестно откуда, в то время как маленькая девочка умирает. Существует лишь один правильный выход. Или я возвращаюсь к Дагару в обмен на «Книгу судеб», или мы оба погибем, ломая жизни всем остальным.

— Нет, — Макар встал и начал лихорадочно натягивать на себя джинсы.

— После эльфийского поцелуя я перестану страдать. Даже не вспомню, что любила тебя. Пойми, мне ничего не грозит, я окажусь в безопасности, Застава и Крошка Пиу восстановятся, а у тебя появится возможность окрепнуть и вновь использовать дар Ловца времени.

— Но выдержишь ли ты такой сильный разворот событий, если я пушу время вспять? Ты едва выжила, когда я пытался не допустить твой поцелуй с Дагаром.

— Я буду находиться в другом мире и ничего не почувствую. Уверена, я ощущаю возврат лишь потому, что нахожусь рядом с тобой. Смотри, я могу разоблачить лгуна на переговорах, если он сидит в одном помещении со мной. Но стоит покинуть тот мир, пусть обманщик хоть с головой погрязнет во лжи, я этого никогда не узнаю.

— Нет. Я поищу лучшее решение. Сейчас пойду в гараж к Хочу и поговорю с Мэей. Она сильный маг, я видел. Это по ее желанию закрылся портал в Дикий мир, иначе Дагар поймал бы нас в два счета. Она на нашей стороне. А на обратном пути загляну на кухню. Ты должна поесть.

— Я вообще не понимаю, кто такая Мэя и откуда она взялась? — Надя закуталась в простыню и спустила ноги с кровати.

— Сам толком не знаю. Я думал, что она олицетворение Заставы, одна из волшебных хозяек пограничных пунктов, по желанию которых появляются комнаты, раздаются плюшки или тумачи, цветут сады или идет дождь. Но Гугл сказал, что Мэя уникальна, а значит, другие Заставы не имеют своего физического воплощения. Я уверен, пожелай того Мэя, и выход на Пскопскую сторону откроется. Ты помнишь, Исида обмолвилась, что только там мы смогли бы затеряться. В немагическом мире магу Дагару значительно труднее нас отыскать.

Макар, надев майку, торопливо поцеловал Надю. У двери он обернулся.

— Все будет хорошо. Я скоро вернусь.

— Я люблю тебя, Макар, — ответила Надежда и грустно улыбнулась, наблюдая, как он вытаскивает из кармана шапку — невидимку.

***

Пересекая Предел и порталный коридор, Макар прятался за спинами спящих туда — сюда пограничников. Хотя для большинства жителей Заставы он оставался невидим, ведьмы, гном или даже Бугер легко могли его распознать.

Нет, он не боялся встречи с ними. В конце концов, он не какой —нибудь преступник, раз сама Мэя позволила ему сбежать, и не будь украдена «Книга судеб», друзья так и оставались бы друзьями. Макар не хотел, чтобы «управленцы» узнали, что Надежда в комнате одна. Как ни страшно это звучит, но именно на его любимую объявили охоту и свои, и чужие. Послезавтра откроется портал в мир вампиров, и что — либо предпринять будет в разы труднее. Поэтому Макар сегодня решил использовать шанс и заручиться поддержкой Мэи.

Думая только о Надежде, он умышленно отметал в сторону мысли о судьбе тех, кто предстанет перед лицом разъяренного Дагара. Человеколюбие Макара с трудом распространялось на «друзей», проголосовавших за его разлуку с любимой. Застава и магические миры существовали задолго до Макара, и он надеялся, что в арсенале Содружества найдутся и другие способы разрешения проблемы с могущественным вором, и Заставе удастся вернуть «Книгу судеб».

В гараже слышались беспокойные крики подопечных Хочь — Убея. Единорог фыркал и бил копытом, какое — то крупное животное выло и бросалось на перегородки всем телом, отчего размещенные рядом твари взвизгивали и рычали. Из дальнего угла доносился тревожный пересвист дракончиков и заунывный плач птицы Семург, насылающей думы о близкой смерти.

Из — за оглушающего гвалта животных и мифических тварей, Макар не сразу расслышал песню, льющуюся со стороны убежища Хоча. Голос певца был до того хорош, что студент замер у двери, не в силах прервать чарующую мелодию. А музыка лилась и лилась, наполняя душу гаммой чувств. Любовь, тревога, тоска, нежность — все переплеталось в искусно выводимых руладах.

Макар поразился, как точно мелодия соответствовала его нынешнему состоянию. И хоть студент не понимал ни слова, он знал, что эта песнь о любви и о судьбе, пытающейся разлучить влюбленных.

Голос стих, дверь медленно открылась. За порог ступил ангел. Его огромные крылья мантией волочились по полу. Глаза ангела были красны от слез. Дрожащими пальцами он попытался их смахнуть, но не справился с нахлынувшими чувствами. Крылатый мужчина разрыдался, и, стараясь скрыть рвущийся из него всхлип, зажал рот ладонью.

— Хочь?! — Макар заметил золотистые усы, едва различимые над верхней губой. Ангел затих. Он невидяще посмотрел на студента. Через несколько мгновений пришло узнавание. Исчезли крылья и золотистый нимб над головой, просторные одеяния сменились на обычную одежду — клетчатую рубаху и джинсы, и к Макару шагнул Хочь — Убей. Стянув с головы студента шапку — невидимку, метаморф крепко обнял его.

Мужчины стояли, не произнося ни слова, понимая, что их объединяет единое горе — скорая разлука с любимыми.

— Мэя умирает, — тихо произнес Хочь, отстраняясь от Макара. — Она почти ничего не слышит. Я не знаю, больно ей или нет, но когда я пою ангельским голосом, лицо ее светлеет. Я пою второй день подряд, боясь прерваться. Во мне поселилась безумная мысль, что как только я закончу, надежда исчезнет. Я выхожу за порог, чтобы скрыть свои слезы.

Хочь вернулся в комнату, и Макар последовал за ним. На невысокой, но достаточно просторной кровати лежала Мэя, свернувшись в позе эмбриона. Прекрасные волосы, похожие на прозрачный саван, накрывали ее тело. Невозможно было не заметить, что кожа Мэи поменяла цвет на темный. Она стала выглядеть как растрескавшаяся земля, давно не видевшая влаги.

— Что с ней? — не удержался от вопроса Макар.

— Так приходит смерть. Еще несколько дней и Мэя перестанет быть похожей на человека. Ах, если бы не нашествие бесов, она успела бы накопить магию! — Хочь сел на кровать и закрыл ладонями лицо. Его голос звучал глухо. — Эти твари не только захватывают тела. Они с каждым своим поганим вдохом высасывают магию из того места, куда проникли. Миры, такие как Гобляндия, Эльфийское княжество, Вервильфия и Гномо — гномо, даже не заметили бы потери, настолько она незначительна для них. Вдохом больше, вдохом меньше. Но если бы бесы задержались у нас, Застава стала бы такой же никчемной, как и твой мир. Мэе пришлось бы начать с нуля: пропускать через «Приют проходимцев» толпы Йеллопухцев, в качестве оплаты тащащих за собой магические шлейфы, открывать порталы даже тем, кто наверняка использует ваш мир, как место для охоты. Вампиры, демоны, орки. Копить магию капля по капле, крупица к крупице. Помнишь, как быстро распахнулись двери на Пскопскую сторону при нападении на Заставу бесов? Мэя пыталась избежать большого урона. Она с ужасом ждала возвращения мерзких тварей. Экономила магию. Взойди эта Застава в магическом мире, Мэя давно бы созрела как Колос и покинула ее.

— Для чего Мэя копила магию? — Макар действительно не понимал. Он был уверен,

что Мэя собирает магию лишь для того, чтобы Застава могла обслуживать себя и своих жильцов.

Метаморф поднял на него глаза.

— Ты знаешь, что такое Колос? — Увидев неуверенный кивок студента, Хочь продолжил: — Это божественная сущность, данная нам для познания миров, число которым тысячи. Когда Колос распадается на зерна, они плавают в Пространстве и, встретившись со свободными мирами, прорастают в них. Так появляются Заставы, которые притягивают к себе другие Заставы. Налаживается связь между мирами, происходит обмен магией. И только одно из зерен несет в себе зачатки Колоса. Ограниченное число жителей такой Заставы знает, что среди них живет богиня, набирающая силу, чтобы однажды исчезнуть и выполнить свое предназначение. Погибнет Колос — не будет новых Застав. Старые со временем исчезнут, потому что всегда находится кто — то, кто уничтожает их. Воцарится хаос. Более сильные кинутся поработать или высасывать слабые миры.

— А какую роль во всем этом играют сторки?

Хочь немного оживился. У него даже кончики усов задрались вверх. Видимо, беседа с живой душой отвлекала от страшных дум.

— Однажды два брата — сторка, мотающихся по мирам в поисках артефактов, нашли плавающие в Пространстве зерна. Сторк — это древнее эльфийское слово, аналогичное по смыслу вашему «сталкер». Со временем значение «сторк» изменилось. Сейчас оно обозначает некую кастовую принадлежность к всемогущим и бессмертным воинам. Так вот, братья никак не могли понять, что вырастет из зерен, и на свой страх и риск посадили их в своем мире. Сразу скажу, проросло лишь одно. Остальные закаменели. Не прошло и ночи, как на том месте, где только вчера пробился росток, эльфы обнаружили дом, в котором сидела маленькая девочка с большой книгой.

— Кто вы такие? И как называется место, откуда вы пришли? — строго спросила она.

— Мы сторки родом из Эльфийского княжества, а ты кто, малышка?

— Я Крошка Фис, — девочка раскрыла книгу и начала рисовать, от старания высунув язык. Братья с удивлением смотрели, как на странице появляются их изображения, правда, больше похожие на карикатуры. Рядом с одним из рисунков малышка вывела цифру один, у другого — два.

— С Эльфийской стороны, — диктовала она сама себе, покончив с рисованием, — пришли два сторка, и вырастили Заставу, которая наградит их бессмертием.

Братья, услышав о бессмертии, заинтересовались. Вскоре они узнали, что будут жить вечно только в том случае, если не покинут Заставу и не позволят врагам убить себя и маленькую девочку. Застава росла вместе с прибавляющимися жителями. А вскоре произошло и первое соприкосновение. На той, второй Заставе, выросшей диким способом, не оказалось своего хозяина, поэтому один из братьев перешел на нее, заключив Соглашение о мирном существовании и свободном переходе из мира в мир.

Так братья стали владельцами постоянно растущего хозяйства и могли посещать те миры, с которыми Заставы прикасались. Очень скоро они поняли, что Застава дает им не только долголетие, но и блага. Проходимцы, желая посетить иной мир, несли с собой артефакты, золото и, конечно, свою магию, благодаря которой Застава процветала. Сталкерская деятельность братьев приносила куда меньше добра.

Одно из соприкосновений открыло им глаза на то, как легко может погибнуть их детище. Голодный вампир в поиске жертвы пробрался на Предел. Он, ослепленный жадой,

даже не задумывался, что может стать пленником Заставы навсегда. Но к несчастью, ему на глаза попала Крошка Фис, которую он выпил досуха. Ты уже знаешь, что Застава без крох не выживает. Как и они без нее и своих книг. Все трое насмерть связаны друг с другом. Так один из братьев остался не у дел. Вскоре на Заставу второго нагрянули хищники из Дикого мира. Он чудом выжил, а вот остальные, в том числе его Кроха, погибли. Братья, привыкшие жить в достатке, отправились на поиски зерен. Но не они одни пронюхали о магических Заставах и даваемой ими власти. За зернами началась охота. Сколько попортили прежде, чем поняли, что в одном мире две Заставы не растут, что к Крохам нужно относиться бережно, не пропускать через Заставу всякую гадость, могущую уничтожить твой мир, что бесы не предупреждают о своем прорыве и наносят колоссальный урон, если поселятся в одном из пограничников. Да что говорить, прошли тысячелетия, прежде чем сторки всех Застав объединились и составили такие документы как Конвенция о защите попаданцев и Соглашение о ненападении и свободном перемещении проходимцев. Заставы гибли, появлялись снова, сталкеры то ссорились, то заключали союзы, пока однажды не собрались и не поделили все известные миры между собой. Братьям, которые решили больше не разлучаться, достался ваш мир.

— Вы говорите о сторке Игеворге?

— Да и о его брате Сэмвилле. Он сейчас сторк на Заставе вервульфов.

— Разделились все — таки.

— Они полюбили одну женщину. А когда она родила, то Сэмвилль не поверил, что ребенок его. Он видел, как она целовалась с Игеворгом, и, не желая слушать неверную жену, перешел на Заставу оборотней, как раз потерявших своего сторка. Исида до сих пор любит мужа. Оба гордые, не понимают, что любовью не бросаются.

Хочь поднялся, сцепил руки за спиной и подошел к окну, выходящему на Пскопскую сторону.

— Любовью не бросаются, — повторил он.

У Макара появились новые вопросы, но он не решился отвлечь думающего о чем — то своем метаморфа.

— Как же Мэе не повезло! — вырвался у Хочь — Убея то ли крик, то ли стон. — На свою погибель она возродилась в немагическом мире.

Хочь повернулся к Макару, и тот увидел, какая боль поселилась в глазах мужчины.

— Мы должны вернуть «Книгу судеб», иначе потеряем богиню навсегда. Пришел твой черед выполнить свое предназначение, Ловец времени.

— Простите, но у меня ничего не получается, — Макар опустил голову. — Пробовал сотню раз, но не сумел даже остановить время. Я — пустышка.

— Зачем тогда ты пришел?

— Теперь понимаю, что зря. Надежда умирает последней.

В дверь торопливо постучали. Гном, увидев Макара, отступил и знаками показал, что хочет поговорить с метаморфом. Они о чем — то пошептались за порогом, и Гулг побежал назад. Тайный разговор и торопливые шаги гнома растревожили студента.

— Что случилось? — его руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Появилась надежда, — коротко ответил Хочь. Он подошел к стоящему на столе графину и налил воду в высокий стакан, который протянул Макару. Тот нисколько не удивился. От волнения рот на самом деле пересох. Поднося стакан ко рту, едва не расплескал содержимое. Зубы выстукивали морзянку. Где — то далеко в голове мелькнуло

удивление, что стоящая в теплой комнате вода оставалась ледяной.

Макар не успел узнать, какую весть принес Гугл. Мир вокруг него поплыл, а потом и вовсе окрасился в черный цвет.

Глава 26. Гроб, вампиры и «Книга судеб»

Что — то вжикало и вжикало. Сильно болела голова. Слепящий свет не позволял открыть глаза.

— Стонешь? — услышал Макар тихий голос Окси. — Сейчас заплачешь.

— Что? Где я? — Студент резко поднялся и, прикрываясь ладонью, осмотрелся. По тому, что из мрака выхватывал беспокойный луч, Макар понял, что находится в своей комнате. Окси держала в руках механический фонарик, и ее пальцы постоянно двигались, нажимая на рычаг, который заставлял лампочку гореть.

— Убери.

— Пожалуйста, — круг света сначала скользнул по шкафу с приоткрытыми дверками, а потом исчез, погрузив комнату в темноту. Раздражающий шум прекратился.

— Где Надя? — мысли разлетались, не давая сосредоточиться.

— Эх, как тебя убаюкало. Едва языком ворочаешь, — по интонации голоса без труда угадывалось, что рот Окси скривила ехидная улыбка. — Ушла с Дагаром твоя верная подруга. Сделала свой выбор.

— Как?! — Макар вскочил с кровати, но стукнулся лбом о покосившийся шкаф, который с грохотом рассыпался. Блондинка скользнула лучом света по груде досок и вещей, потом хлопала рукой по постели. Макар кулем бухнулся рядом с Окси. Его плечи поникли, словно из него разом выдернули позвоночник.

— Поздно куда — либо бежать, Макарушка. Надежда сама согласилась на обмен. Как только ты ушел к Хочу, она отправилась к Исиде.

Студент потрясенно молчал.

— Спасительница всяя Заставы, блин, — Окси сплюнула. — Никому не верь, Капец. Никому. Все гады и предатели.

— Кто бы говорил.

— Ты бы знал, как они сами облажались! Еще вчера обливали меня презрением, а сегодня локти кусают. Уроды.

«Ушла к Дагару. Ушла к Да — га — ру».

Слова кружились безумными мухами, надоедливо зудели, мешали мыслить.

Речь блондинки, изобилующая ругательствами, тоже не давала сосредоточиться.

— Да ты не слушаешь меня? — она пихнула студента плечом. — Пойми, нам сейчас нужно держаться друг друга. Мы же земляки.

— Зачем она это сделала? — Макар вернулся к тому, что болело.

— Да потому что дура. Мать Тереза, твою ж за ногу...

За дверью кто — то пробежал с таким же вжикающим фонариком. Пятно света языком заползло под дверь и тут же растаяло.

— Что случилось?

— Застава умирает. Крысы бегут с тонущего корабля.

— Разве они не получили книгу назад?

— Получили.

— И?

— Так я же тебе и рассказываю. А ты все свое талдычишь: «Зачем сделала, зачем сделала», — Окси шумно вздохнула. — Слушай внимательно, товарищ Птичка, а заодно

думай, как нам жить дальше. Я говорю только о нас. Остальные о тебе, а тем более обо мне, уже забыли. Три дня назад, как раз тогда, когда Хочь усыпил тебя...

— Три дня?!

— Не перебивай. Три дня назад твоя Надежда потребовала у Гугла встречи с Исидой и сторком. Все, кто собрался вокруг Нади притихли, хотя до этого кричали, что она виновна в скорой гибели Заставы, так как изменила ректору.

Макар потер то место, где болело сердце. Он будто сам незримо присутствовал среди пограничников, когда бледная Надежда открыла дверь и вышла на Предел. Он видел ее растерянный взгляд, скользкий по лицам, выкрикивающим ругательства и оскорбления. Толпа немилосердна и непредсказуема, когда ее никто не сдерживает.

— Я пряталась в своей комнате, потому что стоило мне появиться, как народ тут же принимался за «блондинистую сучку». Это самые приличные слова, какими меня называли. Короче, этим тупорылым все равно на кого орать, лишь бы найти виноватого. Можно подумать, криком что — то изменишь.

— От страха, наверное.

— Угу. Наверное. Короче, появилась Исида, и Надя ей говорит: «Я готова вернуться к ректору Дагару, лишь бы Крошка Пиу осталась жива». Твою подружку тут же подхватили под белы ручки и поволокли в потайную комнату. Ну, ту, в которую можно попасть, лишь приложив ладонь.

— Это контрольный пункт управления Заставой.

— Мне без разницы. До явления вампиров Надю больше никто не видел, хотя под дверью постоянно дежурили какие — то пограничники. Видно боялись, что она передумает и сбежит.

Макар закусил руку, боясь закричать от бессилия.

— И вот наступил день прибытия представителей кровавой династии. Часы на кухне перевернулись, песок заструился вниз, а из портала шагнули шестеро вампиров в черных плащах. Они несли черный — пречерный гроб.

— Прошу прощения, господа, — обратилась к ним Исида, — но проход на Пскопскую сторону временно закрыт.

Те так и застыли. Я видела, как их лица пошли пятнами то ли от гнева, то ли от разочарования. Короче, из статных красавцев с горящим взором они прямо на глазах превратились в монстров с гипертоническим кризом и клыками размером с большой палец. Ух, и струхнули мы, думая, что изголодавшиеся гости набросятся на нас, раз их к Пскопским не пустили! Но Исида даже бровью не повела, что нас немного приободрило. Я высунула голову из — за спины Гугла, но на всякий случай встать в полный рост не стала.

По тому, как вампиры переглянулись, даже мне стало понятно, что господа в замешательстве. Как же так? Неужели без притока свежей кровушки остались? Тут один из них, с моноклем в глазу, плюясь слюной из — за через чур длинных клыков, прошепелявил:

— Извольте налить нам Кровавую Мэри. Кафе, надеюсь, работает? — И голову так гордо вскинул, что я без труда рассмотрела, что он волосы в носу выщипывает. Хотя, может, и не растут они там, упырь же не вервильф, правда? Это у блохастых, куда руку не сунь, везде шерсть.

И вообще я заметила — если вампиры спокойны, они выглядят так, будто с картинки старомодного журнала сошли. Это когда мужики брились до синевы и волосы помадили, чтобы волосинка к волосинке лежали. Но стоит их разозлить или разволновать — все!

Клыки наружу, кожа пятнами, глаза кровью наливаются. И шипят. Чисто змеи. И взгляд такой же — холодный, неподвижный. Б — р-р — р.

— Кафе работает, — ответил Гугл, постукивая тесаком о крышку от кастрюли. — Только когда это упыри водку пили?

— А вы, любезнейший, когда — нибудь пробовали кровь Пскопских мужиков? — тот, что с моноклем, задрал одну бровь. — Она почти не отличается от Кровавой Мэри. Красная, соленая, со значительным содержанием алкоголя. — И многозначительно посмотрев на Гугла, добавил, сделав акцент на последних словах: — Хоть напиток и суррогат, но жажду на время притупит.

Кивнув головой открывшему рот гному, вампир повернулся к своим, и они строем двинулись дальше.

— Гроб — то зачем с собой тащите? — после небольшого замешательства пришел в себя повар.

— Все свое носим с собой. Он не помешает. Рядом со столом постоит.

— Покажите, что в нем? — это уже Сапфир вперед выступил, преграждая путь упырям. Косу с утра заплел и за пояс заткнул. Серьезный такой.

— Он пустой, можете убедиться. — Кровососы опустили гроб на пол. — Мы в нем собирались Его Темнейшеству подарок принести. Вы же помните, в прошлый раз нам не удалось лорда порадовать.

— Эллочка сплеховала, некачественный товар поставила? — любезно уточнил бармен.

Вампир поморщился. Представляешь, Сапфир знал, что подружка Петры специальнс девушек к себе заманивает, чтобы отдать их вампирам!

— Да. Его Темнейшество случай спас, иначе он встретил бы смерть, отведав ядовитой крови Петры Попович. Расследуя дело о массовой гибели стражников, мы, к сожалению, слишком поздно догадались, что не зря девушка носит церковную фамилию. Видно кто — то из ее предков был святым человеком, вот и позаботился, чтобы такие, как мы, не могли к его потомкам прикоснуться. Надеюсь, этой твари среди вас нет?

— Нет, — не моргнув глазом, ответил гном. — Твари среди нас нет. А гроб все — таки здесь оставьте. Нечего с ним в кафе сидеть. Там приличные люди кушают.

— Как скажете, — пожал плечами упырь с моноклем. Наверное, он в отряде самым главным значился.

К тому времени гости из Темного Царства уже взяли себя в руки и приняли прежний вид красавцев с картинки старомодного журнала. У многих наших девиц глаза заблестели, будто разом забыли, что с этими симпатиями даже в гляделки играть опасно. Они своим магическим взглядом могут так притянуть, что как милая за ними пойдешь, еще и сама шейку подставишь.

— Откуда знаешь? — Макар слушал вполуха, напряженно думая о том, как бы выбраться с Заставы и пуститься в погоню за Дагаром.

Окси вздохнула.

— Из собственного опыта. Вот, потрогай здесь, — она нашла руку студента и приложила к своей шее. — Чувствуешь шрам полумесяцем? В день, когда кровососы вернули Петрушку на Заставу, они задержались в нашем кафе. Выглядели плохо, видно изнервничались, пока змеюку за собой волокли. Я тогда им гоблинской мордоротки для поднятия тонуса накапала. Хоть Гугл и предупреждал глаза не поднимать, но очень уж любопытно стало, кто из вампиров говорит невероятным бархатным голосом. Я наткнулась

на бездонные глазищи. Пришла в себя лишь тогда, когда почувствовала укус. Батюшки, а я сижу на коленях у кровососа! А тот мало того, что в шею вцепился, так еще руку под майку запустил. Думаешь, я встала и отвесила наглецу пощечину? Как бы не так. По моему телу такое блаженство разлилось, что и секса никакого не надо. Я нахала еще и обняла, чтобы не оторвался от шеи. Если бы не Сапфир, кончилась бы я на руках у красавца — упыря от блаженства и истощения. Представь, на все согласная была. Даже на смерть. Вот такая у вампиров сила магического притяжения, — Окси вздохнула. — Но вернемся к нашим баранам.

— Гроб откройте, — приказал Сапфир, когда вампиры свою ношу к стеночке у закрывшегося портала прислонили.

— Значит, Дагар не с вампирами пришел?

— И да, и нет. Скоро обо всем узнаешь, Макарушка. Слушай внимательно, и пока я страшилку рассказываю, соображай, как бы нам ловчее отсюда выбраться. Вдруг в моих речах что — нибудь на дельную мысль наведет? Короче, щелкнули замки, крышка откинулась, а в гробу, кроме белой шелковой ткани, что красиво изнутри драпировала, ничего не обнаружилось.

Вампиры, из — за длинных плащей и прилизанных голов похожие на стаю черных дроздов, уселись рядом за барную стойку. Перед ними Сапфир выставил сразу дюжину бокалов с Кровавой Мэри.

— Соломинку дай, — прошепелявил один из упырей. От вида напитка, похожего на кровь, у них опять появились клыки. А как с такими саблями без трубочки из стакана напиться?

Окси вздохнула в очередной раз.

— Знаешь, когда упыри водку через соломинки цедили, так противно причмокивали, что меня чуть не вывернуло. Я с Гуглом за ними через раздаточное окно наблюдала.

И вдруг раздался женский визг. Кто — то с шумом двигался в нашу сторону по порталному коридору. Сапфир, опрокидывая бутылки, перепрыгнул через барную стойку и кинулся туда, но, не добежав, резко остановился и попятился. Из темноты появился еще один вампир. Он волок за собой Петру и Мурилу, намотав их волосы на кулаки.

— Не подходи! — прошипел кровосос Сапфиру, держащему в руках длинную цепь. — Одно твоё движение и я оторву им головы.

Я сразу ему поверила. Он тащил наших красавиц так, словно они ничего не весили.

— Откуда этот вампир взялся? — подал голос Макар.

— Во — о — о — т, правильно мыслишь, — хмыкнула Окси. — Наши только потом обнаружили, что гроб был с потайным дном. Сами же еще и открыть заставили. Упыри все до мелочей просчитали. Дагар не явился, вампиры спокойно водочку попивают, пустой гроб в коридоре стоит, чего его караулить?

Но война войной, а обед по расписанию, и Мурила, узнав, что опасности нет, ведь вампиры не в первой приходят в «Приют проходимцев», отправилась на кухню, чтобы помочь Гуглу. Это она завизжала от страха, когда на нее сзади прыгнул кто — то в черном и, схватив за волосы, повалил на пол. Она пыталась подняться, рыдая от боли, но ее волокли, словно куль с мукой. На ее крик прибежала Петра.

— Отпусти ее, возьми меня! — крикнула она, догнав упыря и преграждая ему путь растопыренными руками. Петька видно забыла, с кем связалась. То, как молниеносно могут действовать кровососы, поразит любого. Она и глазом не успела моргнуть, как составила

компанию подруге, и, визжа от страха, уже сама вытирала задницей пол.

— Отдайте нам Надежду, и мы покинем Заставу! — таково было ультимативное заявление вампиров. — Времени у вас ровно столько, сколько крови в этих заложницах.

— И что решил сторк? — Макар перестал дышать.

— А что он мог решить? Передать Надежду вампирам, действующим по приказу Дагара, который сам не соизволил явиться? Это значит обречь Заставу на верную гибель. Без шансов.

— Пейте, — спокойно произнес сторк Игеворг. — Мы не ведем переговоры с шантажистами.

Макар не сдержал стон разочарования.

— Господи, Макар! Ты ничего не понял? — Окси хлопнула его рукой по спине. — У них в руках оказалась ядовитая Петрушка!

— Да понял я, что вампиры не узнали Петру. Но сам факт. Если бы не подруга, за Мурилу никто не заступился бы. Вот это меня убивает.

— Паны дерутся, у холопов чубы трещат, — зло процедила Окси. — Прикинь, какие глаза были у вампиров, когда сторк и Сапфир просто развернулись и ушли?

— С которой начнем? — громко произнес седьмой упырь, швыряя девчонок к ногам товарищей. Я замерла, когда Петра поднялась на колени и, загораясь собой Мурилу, откинула волосы с плеча. Вот тут я ее зауважала. Пока упыри поняли бы, чего насосались, Петрушка могла запросто умереть, а она так смело «Нате, пейте!».

В этот момент по кафе пронеслась ослепительная вспышка, и склонившегося над Петрой кровососа отбросило назад с такой силой, что он влетел в стену. Его голова раскололась как орех.

Вампиры, не ожидающие нападения, резко развернулись и оскалились. Напротив них стояли обе ведьмы, глаза которых заволокло чернотой, а возле ног клубился туман, прошитый тонкими нитями молний.

— Отдайте девушек, и вы уйдете отсюда живыми! — гулким голосом произнесла Галатея. В ее руках рос еще один огненный шар.

Вампир с моноклем резко поднял Мурилу за волосы и тут же всадил ей в шею зубы. Он прикрылся кимбужкой будто щитом!

— Не надо! — закричала Петра, обращаясь не к вампиру, а к ведьмам. — Уходите! Они же убьют ее!

Но Галатея уже швырнула шар, и тот ударил по упырю, появившемуся седьмым. Он с удивлением посмотрел на зияющую в животе дыру, и только после этого рухнул на колени.

Исида швырнула свой шар, больше похожий на сгусток тьмы, но мерзкая тварь, что удерживала рвущуюся к подруге Петру, пригнулась, и он взорвался где — то сзади, разбивая столы в щепки.

И тут напал Сапфир. Я не видела, как эльф оказался за спинами вампиров, но он опрокинул здорового упыря, накинув ему на шею цепь. Завязалась схватка.

Летели шары, мелькала цепь, сыпалось стекло, обрушилась вывеска «Приют проходимцев» — и все это разбавлялось какофонией звуков яростного боя. Запахло паленым, и кафе заволокло едким дымом.

— Пожар! Горим! — донеслось со стороны дверей, ведущих в порталный коридор.

Ты не представляешь, насколько было жутко, когда из дыма появился вампир с раскроенным черепом. Он с упорством маньяка тащил за косу извивающегося Сапфира. А в дальнем углу Исида метала черные молнии, пытаясь оглушить упыря, вцепившегося зубами в

ногу Галатеи. И обе не замечали, что сзади к ним подбирается кровосос с распоротым животом, кишки которого волочатся по полу.

Гугл метнулся к двери, чтобы прийти ведьмам на помощь, но в этот момент она резко распахнулась.

Мы не ожидали, что вампиры потащат заложниц на кухню и едва успели нырнуть под стол. Четверо влетевших мужчин быстро забаррикадировали двери и закрыли окно.

Окси шмыгнула носом.

— Боже, — прошептала она. — Гугл зажал мне ладонью рот, когда к Петре приникли сразу два кровососа. Страх заставил закрыть глаза. Хотя за дверями продолжался бой, я слышала лишь плач Мурилы и тошнотворное хлюпанье. Я все ждала, когда упыри оторвутся от Петры, распробовав, что у нее кровь невкусная, но они все сосали и сосали. Может, оголодали сильно? Или ее кровь изменилась вместе с внешностью? Как думаешь?

Макар пожал плечами, но Окси его жест скорее угадала, чем увидела.

— Не знаю, сколько прошло времени. Мы сидели, едва дыша, и ждали, когда на вампиров подействует Петрин яд.

Что — то с глухим стуком рухнуло.

— Какого демона! — воскликнул упырь. Через щель между столами я увидела, как он оторвался от шеи Мурилы. Она сидела в кресле Гугла, откинув голову на спинку, и смотрела в потолок.

Гном толкнул меня, и мы заморожено уставились на катящееся по полу стеклышко от моногля.

Еще один вампир упал как подкошенный, второй, пытаясь удержаться на ногах, схватился за стол, но опрокинул его на себя. Кастрюли с грохотом посыпались следом.

— Сиди тихо, — шепнул мне Гугл и, ухватив тесак, полез наружу. Я высунула голову и увидела среди кучи тел стоящего в растерянности вампира. Петра без признаков жизни лежала на столе, и ее бледная рука свешивалась вниз. На запястье алели рваные раны, а с кончика пальца капала кровь.

Метко брошенный гномом тесак вонзился последнему вампиру в лоб. Он упал.

— Иди сюда! Быстро! — крикнул мне Гугл и поволок упыря в сторону морозильной камеры. Я открыла ее и помогла втащить тяжеленное тело.

— Этих гадов топориком не убьешь, — кряхтел Гугл. — Лучше запереть от греха подальше.

Мы с трудом открыли одну из дверей, и к нам тут же вбежали наши. Потрепанный боем Сапфир вынес Петру.

— Жива, — сказал он пришедшей в себя Муриле.

Позже я узнала, что наш главнокомандующий время даром не терял. Зная, что молниеносно передвигающихся и невероятно живучих вампиров огненными шарами и цепью не возьмешь, сторк Игеворг все равно отправил к ним ведьм и Сапфира. Он хотел уменьшить количество кровососов, могущих в своей ненасытности выпить девушек досуха. Из семи трех общими силами удалось обезвредить. Но начавшийся пожар и дым сыграли вампирам на руку, они скрылись на кухне.

Узнав от пленных упырей, что лорд Дагар находится на Заставе Темного царства, сторк Игеворг через единорога отправил ему свои условия обмена. И вскоре получил ответ — как только откроется портал, ректор явится за Надеждой, прихватив с собой «Книгу судеб».

— Что было дальше? — поторопил блондинку Макар.

— Застава Темного царства открыла портал, чтобы впустить своих кровососов, еще не зная, что четверо вернутся трупами. Тот, последний, из морозильника, все же не выжил. Видимо успел насосаться Петриной крови.

Ректор Дагар терпеливо ждал, пока Исида с Сапфиром передадут с рук на руки связанных вампиров, которые, кстати, уже не выглядели так плохо. Раны почти затянулись даже у упыря с раскроенной головой.

Сторк Игеворг сверлил взглядом лорда Дагара. Рядом с главнокомандующим стояла бледная Надежда и кусала губы. Мне даже стало ее жалко. Ровно до тех пор, пока я не встретила взглядом с Хардом — братом Дагара и не вспомнила, что подверглась надругательству именно из — за Надюшкиной неверности своему ректору. Короче, песчинки в Гугловских часах были на исходе, когда Надю подвели к portalу.

У Макара перестало биться сердце. Он водил ладонью по груди и никак не мог нащупать то место, где оно должно находиться.

— По команде сторка Надя сделала шаг вперед, а ректор через порталные врата протянул Исиде книгу. Поцелуй последовал сразу же за тем, как «Книга судеб» оказалась в руках ведьмы.

Вся Застава содрогнулась от восторженного крика, а в воздух взметнулись чепчики. Это я так, условно говорю, чтобы ты понял масштаб радости пограничников, когда Исида трясла книгой над головой, словно знаменем победы. Портал закрылся, и вся толпа счастливых жителей Заставы хлынула на Предел.

Там с Крошкой Пиу на руках стоял Бай — юрн.

Смех и радостные голоса смолкли, когда все увидели печальные глаза кота.

— Она не проснулась, — прохрипел он. — Крошка умерла.

И тут же дико закричала Исида.

— Нас обманули! Это не наша «Книга судеб»!

— Вот так, Макарка, — закончила свой рассказ Окси. — Ни за что ни про что мы угробили Крошку Пиу и лишились главного козыря. Остались без Надежды, в обоих смыслах этого слова.

Макар молчал, переваривая услышанное. Известие о смерти малышки шокировало. Он вспомнил, как нес ее на руках по маковому полю, и как все тогда были счастливы. Любовь едва коснулась его крылом.

Макар согнулся пополам, держась за живот, где разливалась боль сродни физической.

Теперь, после утраты Надежды, гибели малышки, надругательства вампиров над Петрой и Мурилой, ему не хотелось печалиться о судьбе Гугла, Бай — юрна, сторка и ведьм, оставшихся у разбитого корыта. Они поплатились за свое вероломство.

Вернуть Надежду — вот что сейчас стало для него главным.

— Почему ты не спрашиваешь, чью книгу нам подсунули? И почему Крошка Пиу скоропостижно скончалась?

— Почему? — Макар спросил, не думая, лишь для того, чтобы Окси не отвлекала его от мыслей. Студент вдруг вспомнил, что у Хочь — Убея есть браслет, который тот надевает, выходя за пределы Заставы. Нужно выкрасть артефакт, и тогда Макар сумеет попасть в Эльфийское княжество, а шапка — невидимка поможет подобраться к ректору и Наде незамеченным.

— Я подслушала, что это была книга с погибшей Заставы солнцеликих. Все «Книги

судеб» похожи как одна, их практически не отличить, если только не приглядишься к именам, которые в них записаны. Именно на это и рассчитывал лорд Дагар, подсовывая ненужную ему книгу. Вот спроси меня, почему книга с Заставы солнцеликих оказалась ректору ненужной?

— Почему? — на автомате спросил Макар.

— У, тут все так запутано! — с воодушевлением произнесла блондинка. — Представляешь, книга бесконечна, пока живы Кроха или Крошка. Чистые листы появляются сами по себе. Но стоит маленькому регистратору умереть, как книга замирает. Да, в нее еще можно вписать новые имена, но свободного места очень мало. За этим артефактом охотятся, он стоит баснословных денег, так как заимей «Книгу судеб», держи ее при себе, и ты станешь бессмертным. Но ректора ждал сюрприз. Крошка Лека с Заставы солнцеликих перед смертью испортила книгу так, что в нее стало невозможно вписать ни одного имени. Книга оказалась непригодной даже для тех, кто в ней уже был зарегистрирован. Очень мудрый ход, ведь наверняка в книге значилось имя того, кто помогал Дагару проникнуть на Заставу Цетила.

— Предатель прогадал, — задумчиво произнес Макар.

— Как и лорд Дагар, — подтвердила Окси. — До злополучного дня никто не знал, что вина за гибель Заставы солнцеликих лежит на лорде Дагаре, но жажда заполучить Проводницу в обмен на испорченную книгу взяла верх. Как сказал сторк Игеворг, трудно предположить, когда в голове ректора поселилась мысль о похищении нашей книги — как только он получил сообщение от Надежды или уже здесь, на Заставе, но он использовал свой шанс. В этот раз высокопоставленному вору повезло — Бай — юрн видел, что Кроха Пиу только начала новую страницу. Вот так лорд Дагар оказался на коне, а сторк Игеворг в навозе по свои эльфийские уши.

— Но почему Крошка Пиу так быстро скончалась? — Макар знал, что времени до полного разрушения Заставы не так много, но не ожидал столь стремительной развязки.

— Из — за книги солнцеликих. Там что — то замешано на магии. Чужая «Книга судеб» на Заставе влечет смерть Крохи. Поэтому они никогда не ходят в гости друг к другу. Нельзя им. Видимо так Заставы держат своих регистраторов на привязи.

— Жалко девочку.

— Да, — вздохнула Окси. — А все ты со своей любовью. Ушла бы Надя сразу, глядишь, ректор и не вспомнил бы о книге.

— Не рви душу.

— Думай, как нам выкрутиться.

— Я пойду за Надеждой.

— Тю, дурак! Погибнуть хочешь?

— Я пойду за Надеждой!

— Ох, зря я перед тобой распинаюсь. Никакой надежды на тебя нет. — В темноте послышалось, как Окси отвинчивает крышку и шумно глотает. Запахло гоблинской мордovorоткой. — Пошла я. А ты сиди, лей слезы. Слабак!

В этот момент что — то грохнуло, и Окси выбежала из комнаты, освещая путь фонариком.

Вжик, вжик, вжик...

Глава 27. Я тебя никогда не увижу, я тебя никогда не забуду

— Бугер! Бугер, родненький! Что с тобой? — У основания лестницы на коленях стоял

Гугл и ошеломленно смотрел на каменные осколки, раскиданные по портальному коридору.

— Что? Что случилось? — на шум стали сбегаться пограничники, освещая место происшествия фонариками. Макар, преодолевая слабость, спустился вниз следом за Окси.

— Бугер разбился! Скатился с лестницы и развалился на куски.

— Как же так? Почему?

— Он, как и мы, перестал быть бессмертным, — произнес кто — то.

— И что теперь делать? — спросил тонкий голосок, полный тревоги.

— Бежать отсюда надо, если жить хочешь, — Окси повернула голову к девушке, задавшей глупый вопрос.

В круге света появилась Исида. Она в выражении искреннего сочувствия положила ладонь на плечо Гугла, и тот поднял на нее горестный взгляд.

— Он умер, да?

Исида ему не ответила.

— Дайте больше света! — крикнула она. Со стороны кухни прибежал Сапфир, держа в руках что — то похожее на факел.

— Ищи, — сказала Исида, выхватывая у сына светоч. — Оно должно быть где — то здесь.

Гном поднялся и растерянно воззрился на то, как Сапфир быстро поднимает камни, бывшие когда — то его другом Точильщиком, внимательно осматривая каждый.

— Есть! — произнес эльф, поднося к свету что — то завернутое в черную ткань, по форме и размерам напоминающее мяч для регби.

Пограничники вытянули шеи, пытаясь рассмотреть находку. Исида осторожно двумя пальцами отодвинула краешек ткани, и в потолок ударил мощный луч. По толпе пронесся крик удивления. Вся Застава осветилась так, будто на каждом метре ее пространства установлен мощный прожектор. Температура воздуха моментально скакнула вверх, и на лицах присутствующих выступила испарина. Казалось, еще чуть — чуть и они не только ослепнут, но и сгорят заживо. Благо Исида быстро спрятала таинственный предмет, вернув защитную ткань на место.

— Что это? — Гугл встал на носочки, чтобы лучше рассмотреть непонятный сверток, который бармен держал в трясущихся ладонях. Сапфира било как в лихорадке, а в глазах отразилась смесь восторга и ужаса.

— Зерно, — прошептал Сапфир. — Может быть, самое последнее. Только дети Колоса столь ярко горят, что их свет затмевает звезды.

— Откуда? — так же шепотом спросил Гугл.

— Это Зерно сторка Вайракса, — пояснила Исида, прижимаясь к плечу сына. Макар заметил, что находка обрадовала ведьму, но у нее не осталось сил даже на положительные эмоции. — Мы догадывались, что он его спрятал, но не знали где. Ни один сторк, даже умирая, не возьмет на себя уничтожение Зерна. Ты и Точильщик были последними, кто покинул Заставу солнцеликих.

— И Бугер молчал? Мы же вместе с ним перебрались к вам, были почти братьями...

— Бугер берег не свою тайну. Но теперь у нас появился шанс заполучить новую Заставу.

— В этом мире? — голос гнома сорвался на фальцет. Он пытался спрятать слезы, но у него плохо получалось. — И уже без Бугера?

— Нет! — решительно тряхнул головой Сапфир. — Мы вырастим Заставу на Цетиле. Сторк Вайракс любил мир солнцеликих, и в память о нем и Крошке Леке мы найдем способ попасть в этот потерянный мир.

— Я пойду с тобой! — Гугл вытер потные ладони о штаны.

— Это опасно. Придется пробираться через враждебные миры.

— Ну и пусть. В память о друге я выдержу все.

Исида наклонилась и выбрала самый крупный осколок от некогда здорового как скала Бугера.

— Возьмите его с собой, — она ласково погладила черный камень. — В магическом мире камень будет расти и когда — нибудь вновь станет Точильщиком.

— Мама, а ты разве не пойдешь с нами?

— Нет, милый. Теперь ты сторк и должен идти своим путем.

— Можно я пойду с тобой? — из темноты вышла Галатейя. Она тяжело опиралась на забинтованную ногу, и по лицу ведьмы читалось, что каждый шаг доставляет боль.

— Тея?! — Исида казалась потрясенной больше, чем при обнаружении Зерна.

— Я знаю, подруга, что ты можешь сказать. Но я люблю твоего сына и уже давно.

Исида открыла рот, но Галатейя прижала к ее губам пальцы.

— Да, я понимаю, что не привлекаю твоего сына как женщина, но мне достаточно того, что он будет рядом. Я помогу ему.

Все присутствующие перевели взгляд на Сапфира. Он был шокирован не меньше матери.

— Я всегда поддержу тебя. Подставлю плечо, — тихо сказала ему Тея, мучительно ища ответа в голубых глазах мужчины. — Я смогу, я выдержу.

Он шумно сглотнул и, неуверенно кивнув Тее, перевел взгляд на мать.

— А ты? Куда пойдешь ты?

— Твоя мама пойдет со мной! — раздался уверенный голос, и в порталном коридоре появился незнакомый высокий мужчина. За ним следовал отряд вервильфов, держащих в руках пики, верхнюю часть которых венчали шары, распространяющие яркий свет.

— Сэмвилль? — Исида растеряно посмотрела на пришедшего, чем — то неуловимо похожего на сторка Игеворга, но тут же взяла себя в руки. — Сапфир, познакомься, это твой отец.

Сын сделал шаг, загораживая спиной мать.

— Но он тебе не поверил, мама, — Сапфир, не мигая, смотрел на мужчину, который не спешил назвать его сыном. — И столько веков отказывался видеть нас.

Незнакомец стоял неподвижно, сохраняя каменное лицо.

— Теперь поверит, — мать мягко отодвинула сына и встала перед гордым сторком Заставы вервильфов. — Я не зря потратила часть своей жизни, чтобы завладеть Обручем истины. Артефакт покажет твоему отцу, что мы с его старшим братом никогда не были любовниками, а тот поцелуй...

— Я вырвал тот поцелуй, — в коридоре появился сторк Игеворг и встал напротив брата. На его лице показалась легкая улыбка, но взгляд по — прежнему пронизывал холодом. — И если Исида останется со мной, у меня хватит сил и желания добиваться ее снова и снова. Я

не сдамся.

— Мама, — позвал Сапфир, чувствуя, что становится жарко. Исида находилась между двумя мужчинами, которые в своей ненависти забыли о ней и сверлили друг друга взглядами.

И только обморок измученной женщины разбил это противостояние. Сэмвилль подхватил Исиду на руки и, рыкнув брату «Не подходи к моей жене, загрызу!», широким шагом направился к portalу, ведущему на Заставу вервульфов.

Галатея, взяв под руку растерянного Сапфира, словно во сне двинувшегося следом за родителями, потянула к лестнице.

— Пусть поговорят. Мы еще увидимся с ними, когда переберемся на Заставу вервульфов, — Тея произносила слова торопливо, будто боялась, что Сапфир прервет ее и скинет ладонь со своего локтя, лишив опоры.

Как невовремя ее укусил вампир! Макар знал, что раны, в которые попала слюна кровососа, затягиваются медленно и оставляют на теле некрасивые шрамы. Но Галатее не привыкать. Пока студент ходил по Заставе в шапке — невидимке, слышал о ней всякое. За сотни лет жизни с белой ведьмой чего только не случалось. Была и любовь к мужчинам. Страстная, тихая, бурная, скоротечная, но никогда не безответная. А тут выясняется, что Тея влюбилась в сына подруги, и неизвестно, ответит ли он на ее чувства. Теперь Макар понимал, как ей тяжело было наблюдать за свиданиями Сапфира у водопада.

— Лучше начать свой поход со знакомства с отцом. Портал в Вервульфию закроется ближе к ночи, времени осталось совсем немного, нужно поторопиться собрать необходимые в долгой дороге вещи, — Галатея говорила и говорила, не видя, что брови Сапфира собираются в одну линию. — И не забудь захватить с собой шкатулку с артефактами.

Сапфир резко остановился и повернул голову в сторону осекшейся женщины.

— Если ты хочешь отправиться со мной на поиски мира солнцеликих, перестань вести себя как мамочка. Ты мне нравилась. Всегда. Не убивай своим покровительством то, что еще не появилось. Не буду скрывать, ты нужна мне. Как сильная ведьма и та, на которую можно без опаски положиться. Но только от тебя зависит, разгляжу я в тебе женщину, или ты так и останешься подругой матери и доброй тетушкой.

Резко развернувшись, он направился в свою комнату, бережно неся завернутое в плотную ткань зерно.

— Шкатулку с артефактами возьми сама, — бросил он через плечо замершей Галатее, не замечая, что у их напряженного разговора оказался свидетель.

По лестнице вверх и вниз сновали возбужденные люди и нелюди, толкали застывшего на месте студента, что — то спрашивали, куда — то звали, но он оставался в роли безучастного наблюдателя конца света. Нелепая смерть Бугера произвела на Макара сильное впечатление. Даже находка такого чуда, как Зерно, не могла сгладить ощущения невосполнимой потери и безысходности, поселившихся в нем наряду со страхом за судьбу близких ему пограничников, вынужденных расстаться с привычным миром.

Макар вернулся в порталный коридор в надежде услышать хоть что — то, что подтолкнет его к верному решению. Он до сих пор не решил с чего начать свой путь по спасению Надежды.

На принесенных из кафе стульях в ожидании команды, разрешающей переход в Вервульфию или иные миры, что возможно придут на помощь, сидели пограничники. Кто — то собирался перейти налегке, а кто — то сжимал в руках ценные пожитки.

— Я останусь у вервильфов, там все — так правит сторк Сэмвилль, которого я знаю еще с Египетской Заставы, — продолжил начатый разговор небритый мужчина. — В те времена он звался богом Осирисом, а теперь, смотри — ка, вернулся к своему эльфийскому имени.

— Опять на Заставу? Добровольно стать пленником? — с истерикой в голосе перебил рассказчика кто — то из дальнего угла. — Ну нет, увольте. Долой Заставы, да здравствует свобода!

— Привет смертность.

— А я бы пошла за Сапфиром...

— Угу. Иди, — подпирающая стену Окси скривила лицо, метнув взгляд в сторону статной брюнетки. — Тея быстро тебя где —нибудь прикопает, стоит только вот так мечтательно улыбнуться.

— Ну не закопала же, когда застучала нас у водопада...

— Теперь ей терять нечего.

— А кто хочет в Гобляндию? — подала голос девушка, нервно теребящая уголок цветастой косынки. — Аравай — аба такой душка.

— А правда ли, что стоит вступить в их мир, и гоблины становятся красавцами? — уже другая с интересом вступила в разговор.

— Кто тебе такое сказал? — старожил из Египта отвинтил крышку фляги и глотнул что — то обжигающее. — Тут скорее всего речь идет об ассимиляции. Когда вокруг тебя одни гоблины, поневоле привыкаешь к их виду, начинаешь отличать друг от друга, замечать красоту. А со временем, перенимая образ жизни, и сама становишься похожа на гоблиншу.

— Ой, я видела! Гоблинши своим мужчинам под стать, такие же мускулистые.

— А что? И нам не трудно мышцы накачать. Видели земные конкурсы бодибилдеров? Любую женщину — качка возьми — вылитая гоблинша. Разве что не зеленая.

— А еще я слышала, что у всех богатых гоблинов гаремы.

— Чего вести пустые разговоры? Мы даже не знаем, жив ли Аравай — аба, и откроет ли его Застава портал, — послышался юношеский голос. — Нет, я рисковать не стану. Пойду в Вервильфию, а оттуда перескачу к демонам. Давно хотел посмотреть их мир.

— Ага. Так тебя там и ждали, — опять подала голос Окси. — Хвост сначала отрасти, иначе придется чужие метелки расчесывать.

— А ты куда пойдешь, Окси? — поинтересовалась девушка в цветастом платке.

— На Кудыкину гору, — огрызнулась блондинка и, отлипнув от стены, медленно пошла в сторону кафе.

Чемоданное настроение пограничников подталкивало и Макара определиться. Перейти ли ему вместе со многими на Заставу вервильфов или следует дожждаться соприкосновения с Гобляндией, через которую, как он слышал, проще перебраться в другие миры, в том числе и в Эльфийское княжество? Или отважиться и пойти к Хочу, чтобы уговорить его отдать тот самый браслет, с помощью которого можно выбраться с любой Заставы? А может быть, Пскопская Застава в самый последний момент распахнет двери в его родной мир? Такой вариант тоже не следует отбрасывать. Оказаться дома и увидеть маму — это ли не заветное желание? Но тогда есть риск навсегда потерять Надежду...

— Сторк Игеворг! — голос кряхтящего гнома, распихивающего по карманам камни, оставшиеся от Точильщика, привлек внимание Макара. — А вы что решили?

Эльф задумчиво смотрел в ту сторону, где зиял портал в Вервильфию. Он не сразу

расслышал вопрос Гугла, но когда тот добавил: «А может, пойдёте с Сапфиром?», перевёл взгляд на гнома.

— Нет. Сторк на Заставе должен быть один, — потом потер ладонями лицо, тряхнул головой и добавил: — Я отправляюсь на поиск нового Зерна. Не может быть, что их не осталось. И когда на Земле поднимется Застава, начнётся следующий раунд борьбы за Исиду. У бессмертных много времени.

— Но... — начал гном. Как и Макар, Гугл понимал, что с утратой «Книги судеб», эльф перестал быть бессмертным, но презрительный взгляд, брошенный на него, остановил.

— В банковской ячейке Гномо — гномо хранится старая «Книга судеб», в которой вписано мое имя ещё со времен существования Олимпийской Заставы. Достаточно отправить банкирам сообщение, и её доставят в любое указанное место. Ты же знаешь, когда правящая семейка Гномо — гномо хочет заработать, она сделает все возможное.

— Но тогда вам нельзя будет переходить из мира в мир через Заставы. Вы же не станете подвергать Крох и Крошек риску, принося к ним чужую «Книгу судеб»? — голос Гугла дрожал. Ещё свежа была в памяти гибель Крошки Пиу.

— Мне не нужны Заставы. У сторков есть свои секретные способы перемещения. Иначе как бы мы сумели собрать в Пространстве Зерна и высадить их в незнакомых мирах?

— А Сапфир... — забеспокоился гном.

— Сапфир все узнает от своего отца. Я пас, — оборвал гнома сторк и решительно направился в «тайную комнату».

— Что ты собираешься с ними делать? — спросил Макар у гнома, вздыхающего над кучей камней.

— Возьму с собой, сколько смогу, и закопаю в тех местах, где мы побываем с Сапфиром. Точильщик всегда мечтал увидеть другие миры, — гном опять хлюпнул носом. — Остальные отнесу на могилу Крошки Пиу.

— Я помогу тебе.

Складывая камни в садовые тележки, Макар, чтобы отвлечь гнома от оплакивания каждого бугеровского камня, задал вопрос, который давно его волновал:

— Скажи, что будет с моим миром, когда Застава погибнет?

— Ничего хорошего. Вся многочисленная рать проходимцевкинётся к вам.

— А разве до этого вампиры и демоны не посещали его без проблем?

— Как ты не понимаешь? — Гном распрямился. — Застава словно сито просеивала желающих посетить твой мир, пропуская лишь тех, кто не может нанести колоссальный урон, кто принял законы Содружества и подписал Конвенцию об ответственности за жизни аборигенов и попаданцев. Ты же слышал, что две Заставы не могут существовать в одном мире?

Макар кивнул.

— Это чтобы избежать противостояния, которое мы только что наблюдали между братьями. Застава отвечает за каждого проходимца и не может свалить свои ошибки на кого — то другого. Как только Зерно прорастает в избранном сторком мире, оно опутывает его пространство магической сетью, которая задержит всякого, кому взбрёт в голову пробраться нелегально.

— Застава напоминает паука, засевшего в центре липкой паутины.

— Похоже. Но она не жрет тех, кто попался в её лапы.

— Как сказать. А как быть с Гердхоком? Не он ли рвет паутину?

— Такие диковины редки, и не каждому контрабандисту по карману. Хотя наверняка и Гердхок создал маг, который не хотел афишировать свой визит. Не думаю, что найдется хоть один настолько сильный артефакт, чтобы впустить целую армию орков, могущих уничтожить мир за неделю.

— А без Заставы они обязательно нападут?

— Не обязательно. «Дикие» соприкосновения миров неуправляемы и не зависят от воли агрессора. Вероятность массового вторжения весьма незначительна. Как, впрочем, была мала вероятность нападения на Заставу бесов, но, однако, это случилось.

— Я понял. С тем же успехом можно ожидать приближение огромного астероида, который способен уничтожить планету. А визит бесов — это событие сродни падению Тунгусского метеорита.

— Вот — вот.

Две садовые тележки громыхали по гулким коридорам. Кроме гнома и Макара больше никто не изъявил желания посетить сад, в котором похоронили Крошку.

Когда они вышли на простор, в лицо ударил холодный ветер. Вервульфы отдали им один из своих фонарей, и в его свете Макар разглядел, во что превратился сад. От удивления он остановился. Все деревья стояли голыми, а под ногами шелестели мертвые листья. Они не окрасились в желтые или багряные оттенки — привычные цвета увядания. Листья стали прозрачно — серыми, словно скинутая сотнями змей кожа, и также неприятно шелестели под ногами. Пахло гнилыми яблоками и перебродившими ягодами.

— Нам туда, — окликнул Макара гном и повернул в сторону белой беседки, где когда — то Надежда, Мурила и Петра делились секретами.

Только подойдя ближе, студент различил кота, кольцом скрутившегося вокруг небольшого холма.

— Тоскует, — вздохнул Гугл. — Простить себе не может, что ушел в сад, когда Крошку Пиу усыпили.

Бай — юрн поднял голову. В его свалывшейся шерсти запутались репейники и листья, глаза потускнели, а нос стал сухим. Макар нечаянно коснулся его ладонью, когда вываливал камни из тележки.

— Что это? — Некогда сочный голос Бай — юрна пугал хрипотой.

Гугл вздохнул.

— Бугер разбился насмерть.

Тоскливый вой кота заставил откликнуться вервульфов, пришедших помогать жителям Заставы. Обратни присоединились к печальной песне, обернувшись волками. Их темные силуэты угадывались среди скелетов деревьев.

Макар и Гугл больше не сдерживали слезы. Они уложили камни вокруг холма и уселись плечом к плечу рядом с Бай — юрном.

— Прощай, моя нежная девочка, — Гугл вытер бородой глаза. — И ты прощай, старый друг.

Кот заплакал.

— Я сохранил несколько осколков. Исида говорит, что из них вырастут новые Точильщики.

— Но они не будут Бугером.

Друзья помолчали.

Макар обернулся на шелест упавших листьев и увидел, что к ним приближаются двое.

— Мы пришли попрощаться с Крошкой и Бугером, — произнесла Мурилла, глядя, как Петра кладет на холм сделанные из бумаги венки. — Жаль, настоящие цветы погибли. Все растения превратились в труху.

— Животные голодают, — подала голос Петра. Ее искусанные вампирами запястья туго стягивали бинты, отчего движения казались неловкими. — Мы отнесли яблоки единорогу, но их надолго не хватит.

— Хочь — Убей ночью откроет двери гаража, — Мурилла села рядом с Макаром. — Вервильфы согласились приютить животных у себя.

— А сам Хочь куда пойдет? — Макар не видел метаморфа среди пограничников.

— Он останется с Заставой до последнего. Это его выбор, — Петра заняла место рядом с подругой и взяла ее за руку. — А мы, наверное, уйдем в Гномо — гномо. Сторк Игеворг сказал, что они войдут во внеплановое соприкосновение с нашим миром.

— Я все же выбрала бы Гобляндию. Через нее быстрее можно перейти в миры, схожие с Землей.

— Я согласна, — кивнула Петра. — Пусть будет Гобляндия. Если только она откроет свой портал.

Налетел сильный порыв ветра, бросив в лица сухие листья. Друзья поднялись и отправились к темной Заставе.

Глава 28. Кто сказал, что пить вредно?

— Где? Где она? — через шум толпы слышался надрывный голос мужчины. — Мой бриллиант! Моя драгоценность!

На лестницу, ведущую в сад, выбежал человек и, завидев Мурилу, тут же упал на одно колено. В свете фонаря, который нес Макар, блеснуло огромным камнем кольцо.

— Альфредо? — Мурила остановилась на нижней ступени широкого крыльца с колоннами. Наследник правящей семьи Гномо — гномо, одетый в черный фрак и белую манишку, украшенную бабочкой, часто закивал. — Что вы здесь делаете?

— Меня по неотложному делу вызвал сторк Игеворг. От него я узнал о бедственном положении Заставы и поспешил к вам.

— Спаситель! — уважительно произнес Гугл, с интересом наблюдая за реакцией Мурилы. Даже в темноте было заметно, как она покраснела.

— Поднимитесь, прошу вас, — кимбужка сделала шаг вперед. — Не ставьте меня в неловкое положение.

— Будьте моей! И я обеспечу вас до конца дней! Мой бриллиант! — с пафосом воскликнул наследник и более тихо добавил: — Я сам чувствую себя неловко, но не знаю, как к тебе подъехать, чтобы ты была благосклонна. Кузина сказала, что большое кольцо и слова «Будьте моей» могли бы растопить ее, а значит и твое сердце. Сам я больше по финансам.

— Видимо ваша кузина начиталась дамских романов? — уточнила Петра, вставая рядом с подругой. — Но в жизни все иначе. Больше теплоты и искренности в голосе, и, возможно, ваши слова достигнут цели.

— Эх! — Альфредо встал и отряхнул коленку. — Кольцо, значит, не возьмешь?

— Нет, — покачала головой Мурила, мило улыбнувшись незадачливому кавалеру.

Альфредо достал из кармана коробочку, бережно уложил туда кольцо, сунул в карман брюк и еще похлопал снаружи рукой, чтобы убедиться, что драгоценность надежно спрятана.

— Ну давай, я просто заберу тебя в Гномо — гномо, а там как получится, — предпринял гном еще одну попытку. — Не к вервувльфам же идти.

— Мы ждем открытия портала в Гобляндию, — Петра обняла Мурилу за плечи.

— Жаль, — удрученно произнес Альфредо. — Но я побуду рядом с вами. Вдруг Аравай — аба не появится? Я слышал, его одолел бес.

— Очень любезно с вашей стороны...

— Мужчина, а можно мне примерить кольцо? — Альфредо вздрогнул, когда за его спиной появилась Окси. Хоть говорила она сладким голосом, и майка рельефно обтягивала грудь, должного эффекта на наследника династии блондинка не произвела. Гном держал лицо, но по не бросающимся в глаза признакам, таким как сжавшиеся в кулаки пальцы, подергивание левой щеки и выступивший на носу пот, угадывалось, что он ценитель утонченного, а не ухарско — хабалистого.

Окси, ничуть не тушуясь, упала рядом с ним на колени. От удара груди пришли в движение и невольно привлекли взгляд Альфредо.

— Э — э-э, — растерялся он. Но ситуацию спас вервувльф, выскочивший на крыльцо.

— Гобляндия открыла портал раньше графика! — зычно крикнул он, и все, облегченно

выдохнув, поспешили на Заставу. Известие не могло не взволновать.

Окси, оставшись в одиночестве, как ни в чем не бывало поднялась с колен и, одернув юбку, направилась бодрым шагом навстречу своей судьбе.

Он стоял, как скала, в окружении моря людей. Серьезный взгляд, сложенные на груди руки, широко расставленные ноги. Монолит, а не мужчина. Голый торс, обильно украшенный татуировками королевского дома, влажно поблескивал в свете факельного огня. Низко сидящие штаны обтягивали красивый зад и накаченные ноги.

Пограничники встретили Аравай — абу радостными криками. Каждый хотел дотянуться до него и хоть кончиком пальца дотронуться до гладкой, словно шелк, кожи, утратившей не только бородавки, но и зеленый цвет.

Теперь гоблин совсем не походил на оплывший шарик фисташкового мороженого, как несправедливо его называла Окси. При виде сильного мужчины с весьма приятными чертами лица застыли все особи женского и не женского пола. Даже Петра, после давнего случая похищения вампирами близко не подпускающая к себе мужчин, и та открыла рот.

— Хорош! — крикнул Гугл, подходя ближе. Макар поймал ревнивый взгляд Альфредо. — И что это с тобой, Араваюшка, случилось? Почто долго носа своего у нас не показывал?

— Бес случился, — кратко ответил принц.

— И как же ты с ним справился? Или до сих пор в себе носишь? — Гугл давно не церемонился с титулами Аравай — абы. Гномовский тесак не раз обрушивался на плечи, а то и голову любителя «взять без спроса», после чего было бы смешно продолжать расшаркиваться. Аравай — аба не настаивал. Ему нравился гном. И его стряпня. Особенно жареные мозги под татарским соусом. А потом, их «битвы» никогда не заканчивались кровопролитием. Так, возня взрослых мальчишек.

В коридоре людей прибывало. Даже те, что уже перешли на вервувльфовскую Заставу, вернулись, чтобы посмотреть на триумфальное прибытие принца. Гоблин, выживший после вселения беса, вызывал всеобщий интерес и восхищение.

Исида стояла, спиной прижавшись к Сэмвиллю, который обнимал жену скрещенными руками, и на лице ее время от времени вспыхивала такая улыбка, что всем вокруг становилось понятно, что муж с женой недаром потратили время. Рядом, подпирая стену плечом, замер Сапфир. Он тоже обнимал, но не Галатею, которая держалась в полушаге от него, а сумку, чья натянутая пузырями ткань выдавала хранящийся в ней округлый предмет.

Сторк Игеворг тоже присутствовал при явлении гоблинского принца, но его взгляд был направлен на Исиду. Глаза главнокомандующего уже не обжигали холодом. В них затаилась грусть.

Аравай — аба вместо ответа на вопросы трижды хлопнул в ладони, и из портала, открывшегося между воротами Гномо — гномо и Вервувльфии, вышла дюжина гоблинов. Все как один отличались не только исполинским ростом, что всегда был характерным признаком этой расы, но и белокожестью.

— Мы нашли рецепт умерщвления беса внутри носителя, — прозвучал голос принца, заставивший стихнуть гомонящую толпу. — Но пребывание беса в моем теле принесло побочный эффект. Кожа начала светлеть и на десятые сутки полностью побелела. С тех пор созданная гоблинскими учеными сыворотка пользуется у нашего народа большой популярностью. И пусть мы перестали быть зелеными и толстокожими, зато приобрели иммунитет к заражению бесами. Это великий прорыв в борьбе с напастью.

И тут Аравай — аба заметил Окси, локтями пробивающую себе дорогу.

— Пропустите ее, — приказал принц.

Пока Окси шла по освободившемуся проходу, она торопливо взбивала руками кудри и покусывала губы, возвращая им красный цвет. Зацепив взглядом стоящего рядом с Мурилой Альфредо, блондинка в пренебрежении скривила лицо. Гном гордо задрал нос, и в нем убедительно проявился наследник правящей династии Гномо — гномо. Он даже стал казаться выше ростом.

Окси остановилась напротив Аравай — абы, уперев кулаки в крутые бока. Повела плечами и вызывающе сдула с глаз крутой завиток волос.

— Спасибо вам, Оксана Глушкова, — вежливо склонил голову гоблинский принц. — Если бы не вы, мы никогда не нашли средство от бесов.

Из отряда воинов, полукругом стоявших за спиной принца, отделился один и передал Аравай — абе ленту с висящей на ней звездой, густо украшенной зелеными камнями.

— Разрешите признать вас почетным гражданином Гобляндии за заслуги пред нашим народом, — и надел через плечо изумленной блондинки ленту, аккуратно, двумя пальцами поправив на пышной груди съехавшую набок звезду. — Воспоминание о вас и вашей любви к гоблинской мордovorотке в тяжелый момент жизни натолкнули меня на мысль напиться вусмерть. К моему изумлению, тварь, сидящая внутри, перестала бесноваться. Это вдохновило. Несколько манипуляций, повышающих градус, и проблема разрешилась. Бес испарился без следа. А мой рассказ о белокожей попаданке — искренней почитательнице национального напитка, сделал побочный эффект популярным. Вам большой привет от женской части населения. Они в восторге от своей шелковистой и белой кожи. — И уже обращаясь ко всем, Аравай — аба выкрикнул рекламный слоган: — Гоблинская мордovorотка «Антибес» излечит кого угодно! Пейте и меняйтесь к лучшему!

Разразились бурные овации. Народ радовался, что отныне можно не бояться бесов, и многими любимая «гоблиновка» перешла в разряд лечебных.

— И все? — спросила Окси, когда гоблины и присутствующие при награждении развернулись, чтобы разойтись по спешным делам.

— А что вы хотели? — обернулся принц, сверкнув зеленым глазом.

— А кольцо и «Будьте моей»?

— Как почетной гражданке Гобляндии, я не могу отказать вам в участии в конкурсе на место сто шестой любимой наложницы наследного принца. Только учтите, что ваша белая кожа у нас перестала быть диковинкой. Фора исчезла. Добавлю, до статуса жены и будущей королевы вам тоже не добраться. Пролетарская кровь мешает, — и шагнул в портал, чтобы отдать распоряжения по переселению пограничников с гибнущей Заставы.

Дабы избежать паники и сутолоки у врат, вервульфы, как и присоединившиеся к ним позже гоблины, объявили, что будут держать порталы открытыми до тех пор, пока последний желающий не покинет Пскопскую Заставу. Правда и здесь пришлось оговориться: соприкосновение не может быть бесконечно долгим. Никто не станет подвергать опасности собственную Заставу. Она может захлопнуть портал в тот же миг, как посчитает ситуацию критической.

Представители Гномо — гномо оказались более осторожны в обещаниях. Они сослались на то, что их Застава потратила огромное количество магии, чтобы сойти с привычного маршрута соприкосновений. А потому они не могут гарантировать, что их врата

останутся открытыми сколько — нибудь долго.

— Ну, все, мне пора, — Альфредо взял руку Мурилы и припал к ней губами. — Надеюсь, когда — нибудь свидимся. — Он похлопал по карману. — Твое кольцо, драгоценная Мурила, будет тебя ждать.

Кивнув на прощание Петре, гном направился к своему portalу, возле которого стоял, сложив руки в замок, сторк Игеворг.

— Вы со мной? — спросил его Альфредо.

— Нет, доберусь зеркалами. Мне нужно кое с кем попрощаться.

— Посылка с книгой уже отправлена, и будет ждать вас в отделении банка «Гномо — гномо и сыновья» в Квазарии.

Мужчины вежливо поклонились друг другу, и гном, не оглядываясь, скрылся в магическом проходе. Еще мгновение и уже ничто не напоминало о том, что здесь находились врата в весьма закрытый мир банкиров и любителей драгоценностей. Мало кто из пограничников отправился в этот загадочный край. Уж слишком дорога была там жизнь.

Гугл обнимал кота.

— Ты прости меня за все те шутки и пакости, которыми я тебя замучил. — Шерсть на груди пушистика уже намочила от слез гнома, но кот терпеливо сносил стенания друга.

— Я в долгу не оставался. Всякий раз метил твои башмаки. И плевал в твою тарелку.

Гугл оторвал лицо от груди Бай — юрна.

— Правда что ли?

— Шучу — шучу.

— Смотри! — Гном полез в заплечную сумку и вытащил из нее камень, бывший когда — то частью Бугера. На гладкой поверхности проступали буквы, складывающиеся в уравнение $\text{Бю} + \text{Г} + \text{Б} = \text{Д}$.

— Бай — юрн плюс Гугельгогенн плюс Бугер равняется дружба, — расшифровал запись растрогавшийся кот.

— С ростом Точильщика буквы тоже будут расти, и всякий, кто его встретит, поймет, насколько велика наша дружба.

Кот провел подушечкой лапы по рельефной надписи и грустно вздохнул.

— А может, пойдешь с нами? — Гном заглянул другу в глаза. — Когда еще выпадет такое приключение? Цетил красивый мир.

— Нет, я хочу к вервильфам. На их Пределе живет такая кошечка... — Бай — юрн мечтательно поднял глаза к потолку. — Пора и мне встретить свой март.

— Гугл! — позвала из портала в Вервильфию Галатея. — Уходим!

— Демоны! — Гугл наморщил лоб и сокрушенно покачал головой. — Я не успел попрощаться с Хочем.

— Я передам ему, что тебе жаль. — Бай — юрн когтем поднял подбородок расстроенного гнома. — Хочь сделал свой выбор. С любимыми не расстаются.

— А с друзьями не прощаются. Надеюсь, когда — нибудь еще свидимся.

— А то! Буду ждать тебя у порталных врат. Всегда.

— Дамы, поторапливаемся! — Аравай — аба ослепительно улыбнулся Муриле и Петре, подавая им по очереди руку. — Выбор за вами. Хотите — поднимайтесь на Предел нашей Заставы, нет — ждите в кафе соприкосновения с другими мирами (расписание на барной стойке), а может быть, у вас появится желание поучаствовать в конкурсе на место любимой

наложницы наследника?

Принц подмигнул Петре, от чего та зарделась. Стоящая за спиной Аравай — абы Окси пошла зелеными пятнами. Она как никогда походила на гоблиншу.

— Спасибо Ваше Высочество, но нет. Мы в кафе посидим, — за обеих ответила Мурила. — У вас на Заставе есть комнаты ожидания?

— Застава вас услышит и вырастит нужные помещения, милые дамы. И не забудьте отведать гоблинской мордovorотки «Антибес». Вы станете еще привлекательнее, — кинул Аравай — аба вдогонку удаляющимся девушкам. — А ты куда пойдешь? — обратился он к Макару, в задумчивости стоящему у стены между двумя порталами. Вервильфы бросали на студента тревожные взгляды, так как проход на их Заставу начал закрываться.

— Я решил перекантоваться в вашем кафе. — Макар сделал свой выбор. Он махнул рукой гному, с которым ранее уже попрощался. Гугл грустно улыбнулся, промокнул бородой глаза и скрылся за спинами оборотней. — Когда будет ближайшее соприкосновение с Эльфийским княжеством?

— Минуту, — принц схватился двумя пальцами за мочку своего уха, и повторил вопрос. Макар расслышал бубнящую речь, словно кто — то невидимый сидел на плече гоблина и отчитывался ему. Аравай — аба, поблагодарив собеседника, произнес: — Через пять месяцев, двадцать шесть дней и тринадцать часов. Ну что? Заходим? Времени до закрытия портала осталось в обрез.

— Сколько у меня есть минут? — спросил Макар, оборачиваясь на пустынную лестницу.

Все желающие перейти в другие миры уже покинули Заставу. Макар знал, что сейчас на Заставе находится максимум три существа: метаморф и Мэя в осиротевшем без животных гараже, и, наверное, сторк Игеворг, скрывшийся в тайной комнате. Для Макара совсем недавно стало откровением, что сторки, желающие посетить тот или иной мир, пользуются системой магических зеркал. Только очень опытные сталкеры умеют точно настраивать зеркальный коридор. В противном случае, велика вероятность оказаться совсем не там, куда направлялся. Например, в межмировом Пространстве. Именно из — за ошибки одного из братьев и были найдены первые Зерна.

Аравай — аба оглянулся на настенные часы. Он едва заметно улыбнулся, когда Окси сделал шаг в ту же сторону, чтобы попасться ему на глаза.

— Пять минут, — ответил Макару принц, для подтверждения показав пятерню.

— Я успею! Я бегом! Я забыл кое — что важное в своей комнате!

Мелькнувшая мысль, что Аравай — аба разговаривает с невидимым собеседником, напомнила о шапке — невидимке, которая преспокойно лежала в кармане рваных штанов, брошенных в душевой.

Решение бежать за артефактом оказалось роковым.

Глава 29. Как уходят боги

Когда Макар несколько часов назад направлялся в гараж, он понимал, что идет туда, где поселилось страшное горе. Любимая Хоча умирала у него на руках. Пусть Надежда сейчас принадлежала другому, но она хотя бы находилась в безопасности, и только вопрос времени, когда Макар выручит ее из плена. А у Хоча и Мэи не оставалось никакой надежды.

Как же жутко было идти по пустому гаражу! Вокруг стояла непривычная тишина. Под ногами неприятно хрустели сухие листья и камешки, осыпающиеся со свода огромной пещеры. Холодный ветер взметал в воздух пепел и доносил запах жженой резины. Что — то горело в дальнем углу гаража.

«Может быть, одна из машин Хоча?»

Тушить начавшийся пожар никто торопился.

«А чего суетиться? Пройдет час — другой, и Застава сама вспыхнет огнем, положив конец своему существованию».

У лестницы, ведущей в жилище метаморфа, валялись пустые ведра. Макар слышал, что Хочь — Убей выставил все запасы алмазов, чтобы пограничники, перейдя в другие миры, не чувствовали себя бедными родственниками.

Потрескивало дерево, как — то печально гудела металлическая конструкция, на которой стоял маленький домик.

«Всего этого я прежде не слышал из — за постоянной возни и криков животных или началось разрушение Заставы?» — мелькнула паническая мысль, но тут же исчезла, стоило метаморфу выйти навстречу.

— Почему ты еще не ушел? — спросил глубокий старик с тонкими седыми волосами длиной до самого пола. Изменившийся до неузнаваемости Хочь смотрел на студента с верхней ступеньки высокой металлической лестницы.

— Я хотел попрощаться.

Макар лукавил. Прощание с прекрасной парой, оставшейся верной друг другу, стояло в одном ряду с неловким желанием заполучить магический браслет. Произнести слова, похожие по смыслу на «отдай браслет, он тебе все равно не пригодится», у Макара не поворачивался язык.

— Проходи, — метаморф открыл дверь и пропустил друга.

Разительные перемены, произошедшие с комнатой и ее обитателями, шокировали. Если до этого Мэя выглядела как уснувшая женщина, кожа которой походила на забывшую о влаге землю, то сейчас богиня была частью уродливого дерева. Оно от смертного ложа тянуло свои сухие корни, переворачивая нехитрую мебель, прорастая сквозь стены, цепляясь за то, что раньше казалось крепким, но теперь грозило обрушиться в любой момент.

— Мэя погибнет вместе с Заставой, — нарушил напряженную тишину Хочь. — Ты видел, гараж уже дымится?

Макар кивнул.

— Это начало конца.

— А вы?

— Я не оставлю Мэю. Ей будет страшно без меня. Она еще жива, хотя перестала выглядеть как человек.

Макар потрясенно молчал.

— Я это точно знаю. Мы настолько сильно были привязаны друг к другу, — продолжил Хочь, — что хотели слышать биение наших сердец, даже находясь в разлуке. Это успокаивало, внушало надежду, что мы вновь встретимся.

Хочь поднял руку и с любовью провел пальцем по браслету, который выглядел как тусклый кусок металла с непонятными письменами.

— Я всегда надевал его, если уходил куда — то за пределы Заставы. Видишь? — Хочь поднес браслет той стороной, что прикасалась к внутренней части запястья. Макар заметил, как ритмично вспыхивает красным вязь из слов. — Ее сердце бьется. Такой же браслет есть у нее, и он пульсирует, давая знать, что я жив.

— Так вы надевали браслет не для того, чтобы покинуть Заставу?

— Нет, только чтобы Мэя знала, что со мной все в порядке. Так и я, даже находясь вдали, всегда чувствовал, что ее сердце бьется спокойно, и причин волноваться нет.

Хочь немного помолчал, покусывая краешек усов.

— За все время я лишь однажды услышал, как может в панике заходиться ее сердце. Помнишь нашествие бесов?

Макар кивнул.

— Она сильно переживала. Настолько сильно, что открылась сторку и ведьмам, кем является на самом деле. До этого они не подозревали, что рядом с ними живет богиня. Знали, что моя любовница — могущественная волшебница, сумевшая подчинить себе Заставу, можно сказать, ставшая ее душой, но никак не богиня, которая однажды превратится в Колос. Представляешь, какая на Мэю могла начаться охота, если бы другие сторки пронюхали, где обитает источник Зерен?

В окне лопнуло и осыпалось стекло, сухая ветвь выскользнула наружу. Другая подобралась к ноге Макара и забралась под штанину. Студент, испугавшись, дернулся, и натянувшаяся джинсовая ткань треснула по шву.

— Тебе пора, — Хочь озабоченно посмотрел на браслет, где биение красной вязи заметно замедлилось. — Прощай, друг.

Макар закрыл за собой дверь и тяжело привалился к ней.

От тягостных дум его отвлекли шаги. По лестнице поднимался сторк Игеворг.

— Как они?

— Плохо.

— А как ты? — Сторк опустил глаза на разодранные джинсы.

— Тоже не важно.

— Ничего не можем поделать, да, Ловец времени? Даже теряя любимых... — и, отодвинув Макара в сторону, распахнул дверь.

Хочь лежал рядом с Мэей, и сухие корни ползли по его телу, вплетая метаморфа в клубок.

Макар больше не мог смотреть на то, что вызывает смесь ужаса и печали. Он, громыхая ногами по шаткой лестнице, рискуя упасть и свернуть себе шею, побежал назад в порталный коридор. Его ждало прощание с Гуглом и всеми теми, кто уходил в Вервульфию.

Спустя час, вспомнив о шапке — невидимке, Макар неся по каменной лестнице, ведущей к Пределу, который перестал быть опасным. Застава отпустила своих пленников. Почти все двери оказались открытыми. Некоторые даже валялись на шахматном полу, а проемы за порогом пугали чернотой. Фонарь, который прежде раздражал механическим звуком, давал пусть не яркий, но свет, и Макар безошибочно нашел свою комнату. Из

отведенных пяти минут прошла всего одна.

Джинсы валялись там же, где Макар их бросил, но, наклонившись за ними, он услышал, как опасно трещат и осыпаются стены.

«Не прибило бы случаем!» — подумал Макар, засовывая шапку — невидимку в карман. Он уже подходил к двери, когда вдруг за спиной завывла собака.

— Грушевич?!

Не вой пса изумил и заставил шагнуть вглубь комнаты, а то, что исчезнувшее еще вчера окно опять светилось.

Находясь в порталном коридоре, Макар слышал разные разговоры о страшных признаках приближения конца. Седой и мертвый сад он видел сам, о водопаде, пустившем воду вспять, ему рассказал Гугл, а вот о том, что на нижних этажах Заставы стали находить трупы животных и пожирающих их лапундриев, которые прежде никогда не покидали канализационный сток, с ужасом шептались почти все пограничники.

Одним из первых признаков наступающей катастрофы стало исчезновение привычных видов за окнами.

Макар не мог не подойти к ярко светящемуся стеклу, за которым бесновался его пес.

— Мама?!

Она стояла у груши и смотрела на сына печальными глазами. Ее белое длинное одеяние и босые ступни, не касающиеся земли, заставили замереть от ужаса.

— Сынок, почему ты не пришел? — спросила та, что своей бледностью походила на призрак. — Я ждала тебя, ждала...

У Макара в болезненном спазме сжалось горло. Он схватился за шею руками, не в силах вздохнуть.

— Я искала тебя, сынок. И вот нашла... Не могла уйти, не попрощавшись...

Не дождавшись ответа, чуть помедлив, с печалью спросила:

— Ты забыл меня?

Макар яростно затряс головой.

— Где твой телефон? Я оставила тебе сообщение. Ты не отвечал.

— Мама! — Макар видел, что фигура бледнеет, становится прозрачной. — Прости меня, прости за все!

Он понимал, что сейчас глупо что — либо объяснять. Она умерла, а его рядом не было. Иногда бесы не врут.

— Я люблю тебя, сынок...

Окно померкло.

— Ловец! Поспеш! — тревожный крик Бай — юрна был едва слышен.

— Макар! Ты где? Портал закрывается! — зычный голос Аравай — абы напугал, но Макар не кинулся к двери, как следовало поступить, наклонился над кучей вещей и щепок, что остались от шкафа.

— Да где же? — шептал он, лихорадочно раскидывая штаны и рубашки. Он искал свой мобильник, о котором ни разу не вспомнил с тех пор, как оказался на Заставе. Какой — то предмет с глухим стуком ударился о пол, и луч фонаря выхватил отскочившую батарейку.

Схватив ее и телефон, Макар со всех ног кинулся из комнаты вон.

Предел уже не был ровным, словно шахматная доска. Его центр заметно просел, и мелкие предметы, оставленные жителями Заставы, с шумом скатывались по черно — белой поверхности воронки.

Послышался сильный треск, и сверху посыпалась труха. Казалось, вот — вот на голову рухнет потолок. Макар едва не упал, наступив на скользкую по наклону дверь.

Мраморная лестница пошла крупными трещинами, но Макар не замедлил бег. Только долетев до стены в конце порталного коридора, он остановился.

Все было напрасно. В исчезающей щели портала он видел лишь пальцы Аравай — абы, пытающегося разжать створки.

— Макарушка, миленький, прости! — завыл с той стороны Бай — юрн, когда гоблинский принц сдался и убрал руки.

Портал исчез.

Сквозняки поднимали в воздух пыль и мелкий мусор, шуршали обрывками бумаги и хлопали дверями. Оставленные вервульфами световые шары скупно освещали коридор и, подвластные подземным толчкам, медленно перекатывались из стороны в сторону. Из гаража все сильнее несло гарью.

Сколько времени прошло, Макар не знал. Он сидел, прислонившись спиной к стене, и тупо смотрел перед собой. Тоска, уныние и отчаяние стали его приятелями, шепчущими на разные лады, как непредсказуема жизнь, как нелепы случайности и какой Макар неудачник. И сам не спасся, и остальных подвел. Ловец времени! Тот, кто наградил его даром, сильно ошибся. Растрочен впустую. Никакие потуги затормозить время хотя бы на минуту не увенчались успехом. Пустьшка. Никчемный.

Самобичевание помогало мало. Найти в себе силы подняться и начать хоть что — то делать не удавалось.

Правильно поступила Надежда, что ушла с Дагаром. Пусть она ослеплена магической любовью, но хотя бы осталась жива. Не сидит рядом с неудачником и не занимается самоедством.

«Слабак!» — услышал Макар голос Окси.

Треск усиливался. Здание Заставы вибрировало, словно где — то под землей на всех парах несся поезд. Ощущение неминуемой катастрофы нарастало.

В такие моменты хочется бежать со всех ног, потому что разум требует спрятаться, уйти подальше от того, что может уничтожить. Макар с грустью вспомнил шутку «А куда я денусь с подводной лодки?». Теперь он понимал, какую обреченность чувствуют моряки, когда над головами тонны воды. Застава была той самой субмариной, что гибла в «водах» Междумирья.

Макар поднялся с пола и, пошатываясь, побрел туда, где должен был находиться выход в сад. Почему «был»? Застава менялась. Коридоры сужались, потолки опускались ниже и почти чиркали по макушке. Там, где только что монолитом стояли стены, появлялись проходы, больше напоминающие дыры, которые прогрыз гигантский червь, а переходы и лестницы упирались если не в черную пустоту, то в тупик. Все, что когда — то появилось по желанию Заставы, можно сказать, выросло или распустилось словно бутон, став помещениями и предметами мебели, теперь ссыхалось и опадало. исполинский цветок умирал. Макару совсем не хотелось быть погребенным под руинами, поэтому он предпочел мнимую свободу сада.

Перед поворотом из порталного коридора послышалось сдавленное ругательство. Студент остановился, его обожгло догадкой.

— Сторк Игеворг! — закричал он.

Главнокомандующий все еще находится в тайной комнате!

Прижав ладонь к замку, Макар едва дождался, когда двери распахнутся.

— Сторк! — вбегая в промежуточный коридор, позвал еще раз и успел заметить, как темная фигура шагнула в сверкающее зеркало. Эльф, не ожидая услышать чей — либо голос, порывисто обернулся, и в его глазах скользнуло неподдельное сожаление.

Макар опять опоздал. Механизм перехода между мирами был запущен. Зеркальный коридор, по которому стремительно перемещалась фигура сторка, вспыхнул серебристой змеей и погас.

Застава опять содрогнулась, и в этот раз так сильно, что Макар едва устоял на ногах. Он присел на корточки, хватаясь за кресло. Хорошо, что перед ним оказалась спасительная преграда, потому как последовал еще один толчок, и зеркала брызнули сотнями осколков, кромсающих все на своем пути.

Когда пугающий звон стих, Макар поднялся. Фонарь, оставленный сторком, скатился со стола, но ударившись об пол, на счастье, не погас. Студент с шипением выдернул осколки, попавшие в руки, и, оглядевшись, поискал хоть что — то, чем можно было перевязать раны. Взгляд скользнул по черной поверхности стола, на котором когда — то сияла огоньками карта миров. В полутьме создавалось впечатление, что перед Макаром находится не стол, а бездонный колодец. Правдоподобности этой нелепице добавляли скрип и шуршание, словно кто — то лез из колодца вверх. Макар попятился, и стол с треском разломила сухая ветвь, пробившаяся из — под пола.

Макар бежал по коридорам. Луч захваченного из тайной комнаты фонаря то путался под ногами, то исчезал в провалах, которые заставляли студента перепрыгивать через них или сворачивать в сторону.

Выбравшись на открытое пространство, он согнулся вдвое, чтобы отдышаться. Так страшно ему еще никогда не было. Оглянувшись на чернеющую за спиной громадину здания, Макар заставил себя двигаться дальше. Он шел к беседке — месту не столь отдаленному от Заставы, но достаточно пустынному, чтобы раскачиваемые ветром деревья, готовые в любой момент рухнуть, не погребли его под собой.

— Привет! — сказал Макар, присаживаясь на корточки у могилы Крошки Пиу. Бумажных цветов, что принесли с собой Петра и Мурила, видно не было. Видимо, их унес ветер. Погладив пальцем камень, бывший когда — то частью Точильщика, Макар тихо добавил: — Если что, я рядом.

Он грустно улыбнулся. Дюймовочка и Бугер всегда ему нравились. Хорошая компания для вечного сна.

От невеселых мыслей отвлекли нарастающий грохот и усиливающееся дрожание почвы. Поднявшись на ноги, Макар затаил дыхание.

Увиденная картина потрясала.

Здание Заставы медленно проседало, поднимая в воздух частицы пепла и пыли, а из его недр рвались наружу сухие ветви исполинского дерева. Они тянулись ввысь, словно пальцы рук, сложенные чашей. В самом центре гиганта лежал кокон из сплетенных прутьев.

— Мэя! — Макар попытался перекричать гул. — Мэя! Прощай!

Вдруг все деревья в саду разом загорелись. Кровоточащие ссадины на лице и руках обдало жаром.

Макар попятился. Запнувшись о ступени беседки, чуть не упал. Сохранив равновесие, нашел ближайшую скамью, не в силах оторвать взгляд от погребальных свечей, в которые превратились яблони. Вытерев в волнении руки о штаны, неожиданно наткнулся на

прямоугольный предмет.

Как он мог забыть о мобильнике?! Последняя ниточка, что связывала его с прошлым.

Макар достал телефон из кармана. Промокнул рубашкой пот со лба, боясь, что в ответственный момент капля упадет на сенсорный экран и украдет драгоценное время. Несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться и унять дрожание рук. Точным движением вставил батарейку в корпус.

— Ну и бог с ней, с крышкой, правда? Мы и без нее обойдемся, — уговаривал он мобильник, молясь, чтобы тот заработал. Прижимая пальцами батарейку, повернул аппарат экраном к себе. Через несколько бесконечных секунд он ожил, но тут же осветился предупреждением, что требуется источник питания.

У зеленой иконки горела цифра три. Три пропущенных звонка.

— Хоть бы успеть, — прошептал студент, находя в меню сообщение от мамы. Он не ругал себя за то, что выключил телефон перед важным разговором с Натой. У него сейчас просто не было сил на самобичевание.

Как ни странно, последнее сообщение датировалось тем же днем, когда он ушел на свидание. Мелкие буквы текста сливались, поэтому Макар скользнул по едва светящейся поверхности двумя пальцами, увеличивая шрифт.

Волнение сыграло злую шутку. Шрифт увеличился настолько сильно, что все поле заняла последняя строка с указанием времени, и экран погас. Не веря, что все кончено, Макар поправил батарейку и до боли в пальце нажал на кнопку включения. Телефон молчал.

— А — а-а! — закричал Макар, швыряя бесполезную вещь в горящую траву. Его оглушил открывшийся факт — мама писала ему в то самое время, когда похитители везли его на Заставу.

Макар медленно, будто каждый шаг давался с трудом, вышел на луг и раскинул руки. Вокруг бушевало пламя, летал пепел, с громкими хлопками лопались стволы, посылая ввысь снопы искр, а Макар смотрел на исполинское дерево, в центре которого лежал саркофаг для двоих, и шептал обветренными губами:

— Мама, Ната, Крошка Пиу, Бугер, Хочь, Мэя... Мне так жаль, что я не спас вас!

Он запрокинул голову, собираясь завывать от бессилия, но подавился криком.

На черном бархате небесного купола горели миллиарды созвездий. Удивило не то, что их легко можно было рассмотреть, хотя казалось, что огонь достает до свода, а то, что они двигались, складываясь в затейливую фигуру. Не веря себе, Макар поднес руки к лицу, загораясь от света пламени.

Над ним пылал гигантский знак бесконечности.

— Не может быть! — произнес Макар, когда знак медленно развернулся и стал похож на огромные песочные часы, где песчинками служили звезды. И они начали свое движение снизу вверх.

— Мэя, Хочь, Бугер, Крошка Пиу, Ната, мама! — закричал Макар, дав сигнал к обратному отсчету времени. Перед глазами завертелись картинки из прошлого — от событий минутной давности до первых мгновений на Заставе. Поток воспоминаний проносился с такой скоростью, что сливался в цветную ленту. Макар едва успел выхватить из него одно важное происшествие. Когда попаданка исчезла в мешке, а студентки Магической академии втащили его назад в эльфийский портал, парень лихорадочно зашептал:

— Надя! Надюша! Надежда!

С ужасом поняв, что нижняя чаша небесных часов уже опустела, а вверх летит последняя звезда, он торопливо выкрикнул:

— Пятое июля две тысячи шестнадцатого года! Псковская область! Деревня Швары! Холм у древнего городища!

Макар всем сердцем жаждал, чтобы последняя песчинка улетающего времени вынесла его на склон горы, где он встретит свою Надежду. Он должен ее спасти.

Глава 30. По ком плачет дурка

— Макар, я не поняла! — По щеке Наты медленно ползла слеза. Красивые губы дрожали. — Ты меня бросаешь?!

— Я хочу взять перерыв... — непонятная слабость накатила волной и прибила к стулу. Разговор получился тяжелым. И не объяснить, что сейчас не до развлечений. Каникулы — отличный сезон для подработки. А ему позарез нужны деньги.

— В самый разгар отношений? — Ната пальцами смахнула слезу. — Я думала, мы отдохнем на море, и что теперь? Забил на все — прощай? Знала бы, согласилась поехать с Арчи!

— Давай, пока не поздно! — Макар злился. Зря Ната упомянула имя засранца, который подкатывал с предложением «жарко провести каникулы» почти ко всем однокурсницам. — Арчи еще не выбрал подружку месяца.

Ната взвилась.

И выбила из рук официанта поднос.

Он летел на удивление медленно.

Вот оторвалась от гладкой поверхности чашка с кофе, следом взмыли блюдце и крохотная ложечка. Темный напиток широким языком лизнул воздух и устремился к блондинке с аккуратной прической, сидящей спиной и не подозревающей о диверсии.

— Ой! — Ната закрыла ладонью рот. На белоснежной блузке незнакомки расплывалось кофейное пятно.

Макар лишь на секунду поймал разгневанный взгляд женщины, но этого оказалось достаточным, чтобы ощутить животный страх. Иррациональное чувство опасности заставило полезть в карман, не считая, бросить деньги на стол и, схватив за руку извиняющуюся на все лады Нату, кинуться из кафе вон.

— Куда ты меня тащишь? — возмутилась девушка, когда они оказались на улице. Но обернувшись и увидев, что жертва подноса и ее подруга быстро идут к двери, Ната уже сама шагнула в сторону.

— Простите еще раз, — залепетала она, когда недовольная происшествием пара поравнялась с ней.

— Бес тебя подери, — кинула ей блондинка, спускаясь к машине, водитель которой шустро распахнул перед ней и ее спутницей дверцы шикарного салона.

И опять у Макара появилось ощущение беды, когда мужчина с усами, как у Сальвадора Дали, скользнул по нему заинтересованным взглядом.

— Но я же не специально! — топнула Ната ногой и капризно надула губы.

— Пойдем, я посажу тебя в такси, — Макар, не оглядываясь на подругу, ждущую утешения, направился в сторону стоянки. Каблучки красных туфель укоризненно застучали по асфальту.

— Что? Так и расстанемся? — Ната, задыхаясь от быстрой ходьбы, кидала ему в спину злые слова. — Уж не бросаешь ли ты меня ради Надьки Котовой с параллельного потока? Говорили мне, что эта сучка на тебя запала, а я, дура, не слушала!

Макар резко остановился.

— Надька? — он смутно вспомнил черноволосую студентку, которую встречал у доски с расписанием и перекидывался парой слов. Привет — пока. Не больше.

Но почему ее имя вызвало щемящую боль в груди?

Макар, увидев машину с зеленым огоньком, поднял руку.

— Надежда, бога ради! — презрительно прошипела Ната, садясь на заднее сиденье.

Еще раз произнесенное имя всколыхнуло бурю чувств. Тревогу, страх, тоску, отчаяние.

И непреодолимое желание обнять маму.

«Пока она жива...»

— Стой! — крикнул Макар и стукнул ладонью по крыше готовящегося тронуться такси. — Распахнув дверь, приказал: — Двигайся!

— Что? Испугался, что уйду к Арчи? Извиняться будешь? А я еще подумаю...

Но увидев потемневшее от тревоги лицо парня, благоразумно замолчала.

Макар не мог самому себе объяснить, откуда взялась уверенность, что он должен действовать, иначе мама погибнет.

подавшись вперед, он торопливо произнес:

— Друг, гони на Каменный вал, улица Весенняя.

И тут же достал из кармана джинсов мобильник.

— Давай, давай! — уговаривал он загружающийся телефон.

— Что случилось?

— Алло! Скорая? Сердечный приступ, Анна Птичка сорок пять лет. Да! Весенняя двадцать два.

— Ты что творишь, Макар? — Ната смотрела на него во все глаза.

Водитель понял ситуацию и погнал по кратчайшему пути.

— Мама. Я знаю, ей сейчас плохо, — Макар держал у уха телефон, где светящиеся цифры отсчитывали последние минуты до прощального сообщения.

«Абонент не доступен или находится вне зоны».

Три пропущенных звонка, и нет возможности услышать родной голос. В той части города, где таксист нырнул из тоннеля в тоннель, сигнал безнадежно пропал.

— Сейчас придет последняя эсэмэска от мамы. Если врачи не успеют, она умрет.

— Ты что, заделался бабушкой Вангой! Какая эсэмэска?

Макар не ответил. Он сам тихо умирал. Выдержит ли его сердце, когда через пятнадцать секунд раздастся сигнал.

Четырнадцать, тринадцать, двенадцать...

И вот он прозвучал.

Движение пальца и сообщение открылось.

Но Макар не смог разобрать слова. В глазах потемнело.

Тряхнул головой, несколько раз моргнул. Все плыло.

— Читай! — крикнул он и сунул мобильник в руки Наты.

— Ой! Случайно не туда нажала. Погоди.

— Читай!!!

— Псих. Чего орешь? Сынок! — начала она и замолчала. — Хм.

— Ну!!! — живот скрутило болью.

— Купи хлеб и пачку соли. Ты что, прикалываешься?

— Читай последнее сообщение!

— Оно последнее.

— Дай.

Действительно, последнее.

Мама не поднимала трубку, сколько он не пытался дозвониться.

«Что с ней? Успела ли скорая?»

Беспокойство съедало.

Макар откинулся на спинку сиденья.

Ната о чем — то говорила недовольным голосом, потом даже ущипнула за предплечье, но бывший любовник не реагировал. В конце концов, она отвернулась и уставилась в окно. Ната редко бывала в пригороде и никогда у Макара дома.

«Я схожу с ума? Откуда я знаю, что мама умрет?»

Стоило закрыть глаза, как взвилось пламя пожара.

Смутно знакомое место. Горящий лес? Сад?

Сломанный мобильник в руке.

Черт.

Макар сильнее зажмурился, вновь вызывая в памяти странное видение. Но в этот раз его не волновали цифры на гаснущем экране, он вглядывался в татуировку на своем запястье.

Надежда.

«Что это? Может, там, в кафе, мне в стакан чего — то подсыпали? Но зачем? И откуда я знаю, что недовольную блондинку и ее спутницу — брюнетку зовут Исида и Галатея? Игры разума?»

Макар открыл глаза и потер совершенно чистую кожу на запястье.

«В дурку. Нужно таксиста попросить отвезти меня в дурку. Пусть психиатр разбирается со всеми этими ведьмами, эльфами и гномами».

Макар никогда не увлекался фэнтези. Да, ходил в кино на «Стражи галактики» и «Звездные войны», но не читал ни одной книжки о попаданках и иномирских красавцах.

«Пскопские и йеллопухцы. Нет, точно что — то в кофе подсыпали».

Они подъезжали. За окном мелькали знакомые улицы.

Таксист уточнил адрес и повернул в нужный переулок. У ворот родного дома стояла машина скорой помощи. Кардиология.

— Я не знаю, зачем он вызвал скорую, — на крыльце появилась мама, провожающая недовольного врача и санитаря, несущего в руках чемоданчик с аппаратом ЭКГ. — Извините нас.

— Мама! — Макар бежал, не замечая радостный лай посаженного на цепь Грушевича. — Ты почему не поднимала трубку?

Она, не понимая, растеряно обернулась на дом.

— Наверное, телефон на кухне оставила. — И уже врачу: — Видите, стоит не ответить на звонок, как сын паникует. Скорую вызывает.

Макар не заметил, как отъехали обе машины. Он стоял на дорожке и обнимал маму. Зарывшись лицом в ее вьющиеся волосы, с каким — то наслаждением вдыхал знакомый запах.

Ему казалось, что они не виделись целую вечность.

— Ну, пусть, задушишь, — произнесла мама, выпутываясь из объятий. — Лучше скажи, там, в такси, была Ната? И почему не зашла?

Макар обернулся. Он совсем забыл о Наташе.

И помнил то, что не должен был помнить. Улыбающиеся глаза девушки по имени Надежда, смех повара со странным именем Гугельгогенн, мурлычущий голос двухметрового кота.

— Мама, я, кажется, заболел.

Он долго не выпускал ее руку. Она укрыла его и как когда — то в детстве поцеловала в лоб.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Макар, ища в мамином лице признаки недомогания.

Она рассмеялась.

— Хорошо. А как ты?

— Не знаю. Устал, наверное.

Ему не хотелось еще больше волновать маму. И так перемудрил, вызвав с какого — то перепуга скорую...

— Поспи.

Да, наверное, все эти фантазии из — за недосыпа. Сессия, работа до поздней ночи, тяжелое расставание с Натой.

Когда мама вышла из комнаты, Макар накрылся с головой. Он честно пытался заснуть, но в его больном мозгу непрерывной чередой вспыхивали обрывки разговоров, куски событий, которые будто бы происходили с ним, но в каком — то странном месте.

Ведьмы, гном, говорящий кот, маленькая девочка в фартуке, испачканном чернилами, книга с рисунками, шахматный пол...

Образы сменялись, но, удивительное дело, каждому из них Макар знал название.

Крошка Пиу, Предел, Застава...

И опять это деление на «наших» и «не наших». Пскопские и Йеллопухцы.

Но ничего такого, что можно было бы проверить в реале.

Перебирая всплывающие видения, Макар искал хоть какую — то зацепку, что дала бы ему шанс не думать о себе, как о сумасшедшем.

«Слава богу, голоса хоть не приказывают», — успокоил себя Макар, но тут же услышал раскатистый смех зеленого здоровяка, протягивающего бокал с напитком болотного цвета.

— Пейте гоблинскую мордоротку, — призывал гигант, — и бесы вас покинут!

Длинноволосый бармен, за спиной которого высилась стена со сверкающими бутылками, прошептал:

— Не спи, Макар! — и намотал на руку толстую цепь.

Блондинка с глубоким вырезом на груди кокетливо сдула прядь, падающую на глаза, и с придыханием произнесла:

— А ты, Ловец, лох! Упустил свое время, — и показала пальцем на огромные песочные часы, освещенные вывеской «Приют проходимцев»...

Стоп!

Не надеясь на успех, Макар соскочил с кровати и включил компьютер. Набрал название кафе в строке поиска. На мониторе высветилась карта города с красной каплей, указывающей на нужный перекресток. Передвинув курсор, Макар нашел рядом с кафе небольшую церковь. В памяти тут же всплыли звуки колокольного боя.

Макар зажал уши руками, но ясно услышал собственный голос, шепчущий «Надя! Надюша! Надежда!».

Резко встал. Кресло на колесиках с шумом откатилось назад.

— Боже! — от осознания того, что безумно любит какую — то девушку с именем Надежда, рухнул на колени. Все в ней было знакомо — лучистый взгляд, мягкие волосы, гладкая кожа, и даже то, как она смеется, когда он целует ее в шею. Но Макар никак не мог

понять одного: существует ли Надя на самом деле или разум продолжает свои игры.

Макар уткнулся лбом в пол и тут же услышал собственный отчаянный крик: «Мама, Ната, Крошка Пиу, Бугер, Хочь, Мэя... Мне так жаль, что я не спас вас!», и веселый смех маленькой девочки, дразнящейся «Капец — времени ловец!».

— О, боже! Я — Ловец времени! — он задохнулся, словно выплыл из — под толщи воды. На него волной обрушились утраченные воспоминания. Лица обрели имена, незнакомые предметы названия, а странные явления — смысл. Вспомнилось все, вплоть до минуты, когда последняя звезда — песчинка упала в нижнюю чашу небесных часов, и нереально огромное дерево охватило бушующее пламя.

Макар лежал на полу и неотрывно смотрел в потолок, словно надеялся там найти ответы на мучившие его вопросы. Он злился. Почему время не отмоталось до лета прошлого года, как он просил? Почему он оказался в кафе с Натой, а не на холме у древнего городища, где мог протянуть руку падающей девушке? Остался ли у него шанс встретиться с Надеждой?

«Наверное, всему виной магия, которой в нашем мире нет. Ведь обратная перемотка произошла ровно до того момента, как я впервые проявил способности Ловца времени».

Макар сел. Его осенила внезапная догадка.

«Это здесь я лишен магического дара, но там, на Заставе, я многое могу! Мне не нужно начинать с нуля».

Поднявшись в полный рост, он залез пятерней в волосы.

«Это они обо мне ничего не помнят, а я про них все знаю».

Добровольное возвращение на Заставу сродни сумасшествию. Но где — то там, в иных мирах живет Надя, которая пока не знает Макара и навряд ли вспомнит.

Ему достанет любви к ней, чтобы еще раз кинуться в пекло.

Сдернув со стены календарь, Макар обвел дату своего похищения фломастером.

— Ведьмы украли меня днем, а ближе к вечеру Аравай — аба потащил Окси к себе, — Макар посмотрел на настенные часы. Стрелки показывали шесть двадцать. — Если Сапфир и Гугл ее не отбили, то Окси уже в Гобляндии... — Макар поднялся и забегал по комнате. — Уже все идет не так!

Он ужасно боялся, что, не поймав роковой поднос, раз и навсегда изменил ход истории. Вот и Окси не спас.

— Хотя чего ее спасать? — Макар остановился от озарения, что гном и бармен зря отбивали девушку у гоблинов. Сейчас он знал, что блондинка все же отправится в Гобляндию, но уже на невыгодных для нее условиях. А так, на волне жгучего интереса принца, она, может быть, даже стала бы его любимой женой...

Макар сел за компьютер, увеличил карту перекрестка, всматриваясь в символическую чашечку с завитушкой пара над ней — условный знак кафе. Знали бы власти, что скрывается за безобидной вывеской!

Откинув ненужные мысли, опять забормотал, восстанавливая в памяти события первого дня:

— Потом я уснул за столом, а когда проснулся, в кафе никого не было. На улице, у двери, ведущей на Пскопскую сторону, целовались парень и девушка. Я позвал их. Пришел Бай — юрн. Отругал. Появился Хочь — Убей в роли таксиста. А в это время в порталном коридоре стояли студентки — эльфийки, которые принесли Надежду в мешке. Во сколько же это случилось?

Словно по заказу, в мозгу мелькнуло видение — безлюдная дорога и кирпичная

многоэтажка со светящимися окнами. Женщина качает младенца. И откуда — то несется приевшаяся музыкальная заставка шоу про строительство отношений.

— Так, посмотрим программу...

Нашел время выхода «Дом-2» и выдохнул:

— У меня в запасе всего четыре часа.

Услышав, как на кухне включилась вода и громыхнул о раковину чайник, Макар обернулся на дверь.

«Мама. Она не переживет, если я опять пропаду».

И тут же в памяти всплыла его комната на Заставе. Сверкнуло фальшивым светом окно, за которым был Грушевич, а над травой висел призрак, так похожий на маму.

«Не могла уйти, не попрощавшись...»

Макар усмехнулся.

Как он не понимал этого прежде?

Наивный! Кто — то разыграл его по всем правилам.

Знал, что он мучается от неизвестности и переживает за маму, вот и надавил на самое больное. И расчет оказался верным.

Он, увидев мать, не смог оторваться от окна, а потому упустил время — портал в Гобляндию закрылся.

Чего неизвестный заговорщик добивался, то и случилось — глупец остался на гибнущей Заставе. В мышеловке, из которой есть только один способ выбраться — стать Ловцом времени.

Мэя, Хочь или сторк Игеворг? Кому из них по силам повернуть столь хитроумный план? Или они объединились?

Черт, Макар даже знал, когда они сговорились! Он же встретил сторка в гараже. И наверняка Игеворг задержался на Заставе лишь для того, чтобы подстраховаться и в случае чего не дать уйти к Аравай — абе.

И эта жалость в глазах «главнокомандующего» говорила вовсе не о том, что «бедный» Макар не успел вместе с ним уйти через зеркала. Эльф печалился о Заставе, и сожалел, что дар Ловца времени достался такому никчемному Пскопскому.

Накрутив себя, Макар засомневался, может, и огненное шоу было затеяно ради него? Почему — то горело все, кроме деревянной беседки. А ему, Ловцу времени, находящемуся на пике эмоций, только и оставалось почувствовать себя виноватым и сильно захотеть повернуть все вспять.

Но теперь пришла пора «собирать камни».

Макар еще раз взглянул на часы. За Надеждой он должен отправиться сегодня. Завтра будет поздно — она встретит единорога и передаст весточку коварному Дагару. Другой возможности выкрасть девушку может не оказаться.

— Алло! Виктор Борисович? Привет, это я, Макар.

Он проверил почту, и, убедившись, что новых писем нет, прислушивался к звукам, доносящимся из кухни. Тихое пение мамы перебивал бубнящий в зале телевизор.

Зазвонил телефон.

— Да, понял. Спасибо.

Услышав торопливые шаги, Макар обернулся.

— Ты как? — мама заглянула, немного приоткрыв дверь. Увидев, что сын уже не в

кровати, улыбнулась. — Я сбегаю к соседке за хлебом, и будем ужинать.

— Подожди, — попросил Макар, поднимаясь.

— Да что с тобой сегодня? — засмеялась мама, утопая в его объятиях.

— Обещай, что ляжешь в больницу. Я узнал, что в первой городской операции на сердце проводит врач, стажировавшийся в Германии несколько лет. А если не нужно ехать в столицу, то накопленных денег нам хватит.

Макар около часа назад связался с Виктором Борисовичем — владельцем автомастерской, который согласился ссудить его деньгами под залог машины. Он же посоветовал не дурить и обратиться к его брату — главному врачу первой городской больницы.

— Зачем ехать в столицу? Только деньги на ветер, — увещевал он. — Наши тоже не лыком шиты.

Позвонив по заветному телефону и отправив через интернет мамины бумаги, Макар получил согласие на ее обследование. Завтра утром Анну Птичку положат в кардиологическое отделение.

— Я боюсь, — прошептала мама. — А вдруг что — то случится, и ты останешься совсем один?

— Не бойся. Все будет хорошо. Еще на моей свадьбе вальс станцуем, обещаю.

— Неужели Наташе предложение сделал? — подняла радостные глаза мама.

— Нет. Не ей, — немного замялся, еще не веря тому, что произнесет, — мою будущую жену зовут Надежда.

— Быстро ты, — Анна шутливо хлопнула сына по плечу. — И не стыдно? Только сегодня ходил на свидание с Натой, а теперь на другой жениться надумал.

— Не быстро, мама. Я люблю ее и давно. И она меня. Только она об этом не помнит.

— Вот ты свин! А я поверила!

— Верь мне, мама. Завтра тебя ждут в больнице. Я позвоню тете Любе, она поедет с тобой. Вот телефон и имя врача. Деньги у компа, остальные привезут утром.

— А ты?

— А я за Надеждой. Вот увидишь, она тебе понравится.

— Главное, чтобы тебе нравилась.

— Ну, я пошел? Пока не стало поздно.

Мама посмотрела за окно. Она по — своему рассудила слово «поздно».

— Иди за своей Надеждой. Тете Любе я позвоню сама.

— Я люблю тебя, мама.

Глава 31. Возвращение

Макар остановил такси у церкви. Еще не выходя из машины, нашел глазами светящееся название кафе.

Бывший пленник впервые увидел Заставу снаружи. Неброская вывеска «Приют проходимцев» указывала, что приземистый куб, втиснутый между двумя жилыми домами, и есть то самое место, где тайно прописались иномирцы. Ни привычных витражных стекол, ни широкого крыльца, ни красивой двери.

— Не ходил бы ты туда, паря, — произнес, сплюнув в окно, крепкий мужчина лет пятидесяти. — Пусть бы полиция свое дело делала, а?

Макар отрицательно мотнул головой.

— Дядя Паша, как договорились, ждете меня до утра. Не больше. Вот аванс.

— Не надо, — таксист оттолкнул руку с деньгами, мельком заметив на запястье свежую рану, явно доставляющую Макару боль. Парень поморщился, когда рукав рубашки скользнул по воспаленному месту. — После посчитаемся. Когда вернешься. Но ты бы еще раз подумал, паря, прежде чем соваться...

— Я подумал, — уверенно произнес «паря». — Место нехорошее, согласен. Но только мне под силу вытащить оттуда девочку. Если в условленное время не появлюсь, уезжайте. И никому ни слова, куда вы меня отвозили. Просто забудьте. Это важно. Я сам рано или поздно выберусь, но если вмешаются власти, все станет намного хуже.

— Не дурак. Понял, — дядя Паша щелчком выбил сигарету из пачки. Ветер, порывами дующий в приоткрытое окно, не дал прикурить. Таксисту пришлось сложить ладони лодочкой, чтобы пламя выровнялось.

Макар покосился на его руки. Память услужливо подбросила видение огромного дерева, чьи освещенные пожаром ветви — пальцы тянулись к черному небу.

— Сами, пожалуйста, на рожон не лезьте, — студент пытался скрыть волнение за быстрыми фразами. — Затаитесь в каком —нибудь укромном месте, но так, чтобы видеть дверь. В кафе ни в коем случае не заходите, обо мне не спрашивайте. В случае грозящей вам опасности просто уезжайте.

— Притон что ли, — дядя Паша сощурил глаз, оценивая массивность двери и отсутствие окон, — раз здесь твою подружку насильно удерживают?

— Можно и так сказать.

— Макар, давай, я вон там под аркой встану, где нет фонаря, — мужчина показал пальцем на темный проход между домами. Отличное место, чтобы спрятать машину. — А сейчас сделаю вид, что тебя высадил и уехал. Мало ли, вдруг у них камера наблюдения есть?

Макар знал, что дядя Паша не подведет. Они познакомились в автомастерской, куда частенько заезжал таксист, и, не смотря на разницу в возрасте, крепко сдружились.

Оставив друга у двери кафе, дядя Паша даже не заметил, что его разворачивающаяся машина на несколько секунд застыла на месте, а выброшенная в окно сигарета странным образом повисла в воздухе. Так Макар убедился сразу в двух вещах: дар Ловца времени работает, а магия Заставы простирается и за ее пределы. Пусть на несколько метров, но для осуществления планов по возвращению Надежды вполне достаточно.

К догадке Макара подтолкнул тот «давний» случай, когда целующаяся парочка услышала его крик. Внезапно поднявшийся шквалистый ветер, кинувший пыль в глаза, и

сильный ливень, хлынувший как нельзя вовремя, заставили влюбленных забыть о зове помощи и побежать к подкатившему такси, за рулем которого сидел Хочь — Убей.

До начала передачи «Дом-2» оставались считанные минуты.

На тротуаре появилась та самая целующаяся под фонарями парочка.

«Как странно знать, что сейчас произойдет», — подумал Макар и поднял глаза на открытое окно, за которым женщина баюкала ребенка. Влажный ветер раздувал занавески. Пахло приближающимся дождем.

Дверь в кафе, к радости Макара, послушно распахнулась, стоило ему произнести волшебные слова «Пожалуйста, откройся!».

Уже перешагнув порог, услышал доносящуюся с улицы мелодию «Дом-2». Где — то за перекрестком завывала полицейская сирена.

Макар приготовился встретиться с Бай — юрном и услышать спор между студентками — эльфийками и Исидой, не желающей принимать мешок, в котором сидит Надежда.

До сих пор все события строго следовали одно за другим.

Еще на улице, разглядывая одноэтажное строение, Макар догадался, что истинные размеры Заставы скрывает магия, а кафе — это своеобразный стационарный портал, ведущий в Междумирье. Вся многоэтажная надстройка, гараж, сад и озеро располагались в ином пласте реальности, а потому, зайдя в кафе кто из посторонних, он обнаружил бы лишь небольшой зал, кухню, коридор и несколько дверей с табличками «только для персонала».

Увидев Бай — юрна, Макар понял, почему случайные посетители кафе не замечали странной внешности Йеллопухцев. Магия искажала образы нелюдей, делая их более «земными»: кастрюлями ворочал не гном, а карлик в поварском колпаке, напитки разливал не эльф, а парень, отрастивший волосы, а под ногами путался обыкновенный кот.

Именно такой серенький котейка прошептал мимо студента, задев его пушистым хвостом. Выглянув за порог, кот громко мяукнул. Дверь с грохотом закрылась. Последнее, что Макар увидел «на свободе», была целующаяся у самого порога парочка.

Кот прыгнул на барную стойку и принялся лакать налитое в плоский фужер молоко, одним глазом поглядывая на застывшего у двери незваного гостя.

На заливке пушистика медленно поднималась дыбом шерсть, хотя он всем своим видом показывал, что присутствие постороннего его не волнует.

«Волнует, еще как волнует, — усмехнулся Макар. — На Заставе не прошло незамеченным, что какой — то Пскопской произнес «волшебные» слова. И теперь пограничники гадают, случайно я смог открыть дверь или владею их тайной».

Зная о бдительности Заставы, Макар все равно надеялся на пресловутое «авось». А вдруг, остановив время, ему удастся похитить Надю и выбраться на свободу, не устраивая долгие переговоры с иномирцами? Как Ловец времени он может себе позволить испробовать все варианты.

Студент прислушался к разгорающемуся спору. Напористые эльфийки уже впахивали Исиде мешок, в котором находилась неудобная им попаданка. Возмущенный бас Гугла и нервный голос ведьмы не оставляли сомнений, что торг близится к концу.

«Знала бы Застава, чем обернется проигрыш в споре, не только не впустила бы эльфиек, но даже не открыла бы портал».

Макар сделал несколько шагов в сторону коридора.

Кот поднял морду и внимательно посмотрел на подозрительного Пскопского, явно собирающегося сунуть нос туда, куда не следует.

«В рожу вцепится или еще что придумает?»

Не став испытывать судьбу, Макар остановил время — белая капля молока, сорвавшаяся с усов Бай — юрна, так и не долетела до полированной поверхности стойки.

Магия Ловца времени далась так легко, что Макар и сам замер в неверии. Он почувствовал себя батарейкой, заряженной под завязку.

«Главное, не растратить заряд по мелочам, иначе опять выгорю до нуля», — подумал студент и начал действовать.

В коридоре его встретила композиция из фигур, застывших у открытого портала.

Для посетителя кафе, коим мог быть любой землянин, проход в иной мир не выглядел как — то особенно — широко распахнутая дверь, ведущая на задний двор. Да и группа лиц, столпившаяся у нее, не привлекла бы особого внимания. Подумаешь, спорят несколько хорошеньких девушек, администратор и повар.

Чтобы оценить ситуацию, Макару хватило несколько секунд.

Застывшие фигуры эльфиек выражали свою непримиримость сложенными на груди руками, а противоборствующие им пограничники в лице Исиды и Гугла стояли с открытыми ртами, видимо, собираясь в очередной раз сообщить, что Застава не живет по принципу «Оставь Надежду всяк сюда входящий».

Недолго думая, Макар подхватил мешок и, крикнув от напряжения, закинул его на плечи. Надя была далеко не тростинкой. Нормальная среднестатистическая землянка хоть и являлась драгоценной ношей, никак не способствовала быстрому перемещению.

Доковыляв на полусогнутых ногах до двери, Макар выкрикнул срывающимся голосом заветные слова:

— Откройся, пожалуйста!

Дверь распахнулась. Лелея надежду на быструю свободу, Макар решительно шагнул вперед. И налетел на невидимую преграду.

До свободы было рукой подать, но Застава сделала ее недосягаемой.

«Да, фокус с упором на внезапность не удался».

Опустив ношу на пол, студент развязал мешок и с нежностью провел ладонью по щеке любимой, которая, как и все прочие, застыла в той позе, в какой ее застала остановка времени.

— Надя, — прошептал он, заправляя ей за ухо упавшую на глаза прядь. Макар прекрасно осознавал, что эта Надежда его не помнит, а потому не посмотрит влюбленными глазами, не кинется на шею и не прижмется всем телом.Пусти он нормальный ход времени, скорее заработает пощечину, чем поцелуй, снимающий эльфийские чары.

А за порогом влюбленная парочка замерла в тесных объятиях. Стоявшая на противоположной стороне дороги машина светила в ночи зеленым глазом. Из ее окна высовывалась голова усатого таксиста. Хочь — Убей.

«Когда же он успел подъехать? — Макар вытер вспотевший лоб. — Быстро сработали. Сколько мне потребовалось, чтобы проникнуть в кафе и остановить время? Пять минут от силы, а Хочь уже на посту».

Да, план А провалился. Но Макар не отчаивался. У него был запасной вариант.

«Будем считать первую попытку разведкой».

Время отмоталось легко. Словно по щелчку пальцев. И опять Макар стоял у двери в кафе и провожал взглядом отъезжающую машину дяди Паши.

Ноющая боль в руке напомнила, какое на ней выжжено слово. Макар знал, что перемотка времени отшибает память начисто, а потому, попрощавшись с мамой, шмыгнул в гараж, где раскаленным на спиртовке гвоздем выцарапал ключевое слово. Пусть «татуировка» была выполнена коряво, но свое предназначение она выполнила.

Здрав рукав, Макар посмотрел на запястье, отозвавшееся жгучей болью.

«Надя».

Держа плоскогубцами раскаленный гвоздь, Макар на первой же букве понял, что не выдержит, если придется выводить длинное слово «надежда», а потому ограничился коротким именем.

Макар подул на рану, шрам от которой останется с ним на всю жизнь.

— Откройся, пожалуйста, — произнес студент, повернувшись к двери. Стоило ей распахнуться, как Ловец тут же остановил время и помчался вперед. Он надеялся, что в этот раз Застава не успеет среагировать на незваного гостя, и не опустит защиту на дверь.

Он едва не снес кота, замершего с задранной лапой за углом коридора, а когда добежал до портала, увидел тот самый момент, когда незваные гости появились на Заставе. Три эльфийки волоком тащили тяжелый мешок, а потому застыли, пятясь спинами вперед, а на лестнице, ведущей на Предел, оцепенели гном и Исида.

Осторожно вытаскивая ткань мешка из рук студенток, Макар улыбался. Он представлял, как ошеломленные эльфийки уставятся на то место, где только что находилась их ноша.

— Ничего, Надюшка, прорвемся, — кряхтел Макар, таща на спине тяжелый мешок.

Но, увы, его ждал очередной провал. Хоть дверь и осталась распахнутой, магическая преграда с силой оттолкнула назад.

— Черт! — Макар едва удержал равновесие.

Привычно ероша волосы пятерней, немного постоял у двери.

Застава закрыла выход, так как раскусила его. Не стоило использовать ключевые слова.

Что сделал бы обыкновенный землянин, пожелавший посетить кафе? Подергал бы за ручку, убедился, что дверь закрыта и пошел бы себе дальше. А он повел себя как Йеллопухец, хотя таковым вовсе не являлся.

«А может быть, проблема вовсе и не в волшебных словах, типа «Сим — сим, откройся»? Может, это не меня, а Надежду не выпускает Застава?»

Макар не стал проверять догадку. Ему без Надежды на свободе делать нечего.

Еще находясь дома, Макар обдумал все возможные варианты похищения. Первые два основывались на знании, что Застава свободно выпускает из кафе тех посетителей, что заглянули случайно. Пришли, посидели, расплатились и ушли. Как он убедился, магия создавала иллюзии, за которыми надежно прятала все странности Заставы, а потому люди, отдыхающие в кафе, даже не подозревали, что за соседними столиками сидят гоблины, вампиры или оборотни. Не везло лишь тем, кто соглашался «уйти вдаль» с прекрасными незнакомцами. Влюбленные, обманутые или просто глупые люди время от времени пополняли армию попаданцев. Правда, студент ни разу не слышал, чтобы Заставе пришлось захватить в плен налогового или пожарника, пришедших в кафе с проверкой, что говорило об отработанной веками системе сокрытия тайны.

Макар вздохнул.

«Ну что же, пришел черед встретиться с теми, кто заинтересован в Ловце времени».

Сейчас ему предстояло доказать, какую фатальную ошибку допускает Застава, не выпуская их с Надеждой на свободу. Ведь именно прибытие «возлюбленной» Дагара

запустило цепь событий, приведших к катастрофе.

Макар приготовился торговаться. Свобода в обмен на информацию.

Вновь взваливая мешок на плечи, с тревогой прислушался к своему состоянию. Он удерживал время достаточно долго и волновался, не разрядится ли «батарейка» в самый ответственный момент. Однажды Ловец времени уже переступил черту, полностью исчерпав магический дар. В памяти услужливо всплыл страшный день, когда Макар шестнадцать раз подряд пытался предотвратить поцелуй ректора и Нади.

«Бегом, бегом, бегом!» — мысленно скомандовал он себе, отгоняя пугающие мысли.

Серый кот так и стоял за углом, уставившись в пустоту остекленевшим взглядом, а у портала согбенные фигурки эльфиек продолжали цепляться за несуществующий мешок.

Макар же нес его в противоположную сторону — в гараж. Именно там находятся те, кто обеспечит ему свободу.

Дверь во владения метаморфа открылась в ответ на те же заветные слова, и огромная пещера, в которой разместились гараж и зверинец, предстала перед Макаром во всей своей мрачной красе.

В комнате Хоча горел свет.

Перехватив поудобнее мешок, Макар загремел башмаками по металлическим ступеням лестницы.

— Тук — тук, можно войти? — произнес он, входя в комнату.

На кровати в позе индийской богини сидела Мэя, а стоящий на коленях мужчина романтического типа застыл над ней с занесенным гребнем. Длинные волосы женщины стелились вокруг нее блестящей волной.

Едва взглянув на интимную сцену, Макар решительно отбросил нахлынувшую неловкость. Сейчас не до правил этикета и морали. На кону свобода.

Он выпутал Надежду из мешка и бережно усадил на диван. Сам сел рядом.

— Ну, поехали! — произнес Макар и для пущего эффекта хлопнул в ладони, возвращая ход времени.

Глава 32. Прощай, Застава!

Как ведут себя люди, вдруг обнаружившие в комнате незнакомца? Вздрагивают? Кричат? Начинают бросаться тяжелыми предметами?

Видимо от того, что людьми из всей четверки были только двое — он и Надежда, Макар не сразу понял, что произошло.

Он обнаружил себя в коконе из волос Мэи, которые опутали его словно змеи.

— Кто ты такой? — нависающий над ним метаморф, моментально сделавшись похожим на фашиста, приставившего дуло пистолета к виску комиссара, буквально выплевывал слова.

Макар засмеялся. Уж больно нелепо выглядел мужчина, державший расческу, как огнестрельное оружие.

— Хочь, опусти гребень. А вдруг выстрелит? — повертев головой, Макар выпутал подбородок из женских прядей. Он ненавидел, когда волосы лезут в рот. — С вас, магов, станется.

Метаморф сдвинул брови.

— Кто ты такой? — он повторил свой вопрос уже без прежнего напора. Деревянный гребень гулко ударился о пол.

В поле зрения Макара появилась Мэя. Она подошла ближе, с интересом прислушиваясь к «беседе» мужчин. Тяжелое покрывало, прикрывающее тело, норовило сползти, и богиня прижимала его к груди двумя ладонями.

Почувствовав толчок в плечо, Макар скосил глаза. На него привалилась обездвиженная все теми же волосами Надежда.

— Как ты? — с теплотой в голосе поинтересовался Макар, ободряюще улыбнувшись испуганной девушке.

— Э — э-э? — произнесла она и, шумно сглотнув, выдавила: — Где я?

— Потерпи, Надюша, скоро все узнаешь.

— Кто ты такой? — напор вернулся. Хочь — Убей схватил Макара за волосы, что удавкой опутывали шею парня, приподнял над диваном и тряхнул.

«Сильный, скотина!» — подумал Макар и прохрипел:

— Тише, тише! Не пугайте девушку. Я расскажу. Но прежде всего, принесите Обруч истины. Вы должны убедиться, что все рассказанное мною — правда.

Пальцы Хоча разжались, и Макар упал на диван. Извиваясь, словно червяк, студент все — таки сумел принять достойную позу, в отличие от Нади, которая повалилась на бок и теперь дышала ему в спину.

Пока Макар пытался сесть, он поймал взгляд метаморфа, брошенный на Мэю.

Та, немного подумав, кивнула и подошла к стене, волоча за собой покрывало и удлиняющиеся на глазах волосы, концы которых по — прежнему крепко удерживали пленников. Ее тонкая рука прошла сквозь деревянный брус, не встретив никакого сопротивления, будто он был чем — то сродни желе. Через мгновение на ладони богини тускло поблескивал браслет, который она протянула Хочу.

Одно дуновение и браслет увеличился в диаметре, став Обручем истины, который был тут же водружен на вихрастую голову таинственного гостя.

— Меня зовут Макар Птичка, — начал он.

Между иномирцами, занявшими «зрительские места» на кровати, и землянами на

диване появился полупрозрачный экран с изображением того, как Макара волокли к машине Исида и Галатея.

— Я стал пленником Междумирья только потому, что во мне опознали Ловца времени, который по пророчеству «Книги судеб» спасет Заставу. Тогда я еще не знал, что на Заставе возродилось божество. Колос. И оно погибло на моих глазах, так и не выполнив свое предназначение.

Мэя растерянно посмотрела на Хоча. Тот и сам был озадачен. Как не поверить незнакомцу, если он знает такую тайну, о которой не догадывается ни один житель Заставы? Рядом с ними живет не просто тихая любовница метаморфа, а богиня, накапливающая магию, чтобы однажды превратиться в Колос и дать жизнь драгоценным Зернам.

— Погибла?..

— Да, — подтвердил Макар.

В доказательство к сказанному на мыслеграмме горел сад, а к черному небу тянуло руки — ветви исполинское дерево, в центре которого лежал саркофаг.

Надя зашевелилась, и только тогда Макар понял, что его больше не душат волосы Мэи. Они отступили, как отступает от берега волна.

Попаданка поправила перекрутившееся вокруг талии платье и опасно пересела на другой конец дивана. По тревожному блеску глаз легко угадывалось, что она на грани истерики.

Макар грустно улыбнулся. Такой реакции следовало ожидать. Для Нади он чокнутый незнакомец, пытающийся выторговать свободу, которая ей не нужна.

«Она все еще влюблена в Дагара и сейчас, наверно, молится, чтобы этот гад явился и спас ее».

Ревность укусила за сердце. Один поцелуй, и Надя очнется от эльфийского приворота, но не бросаться же на нее, словно дикий зверь!

А поцелуя хотелось больше всего. Хотелось так сильно, что немели кончики пальцев. Особенно когда девушка в волнении покусывала губы.

Макар отвел глаза от ее лица.

«Держи себя в руках, — мысленно скомандовал он, понимая, что может несдержанностью навсегда отвратить от себя Надю. Макар прекрасно понимал, что в этом варианте будущего попаданка может не полюбить его. — Пусть все идет своим чередом».

Между тем Хочь нежно гладил по спине Мэю, которая была не в силах смотреть на картину собственной гибели.

— Как это произошло? — голос Хочь — Убея изменился до неузнаваемости. В нем боролись сомнение и вера. Неверие, что где — то в будущем Мэю ждет смерть, и понимание, что магический Обруч не обманывает, а показывает только то, что истинно. А еще в словах метаморфа слышалась боль. Такая, что комом вставала в горле и не давала вдохнуть.

— Ошибки, предательство, коварство. Я расскажу. Но у меня есть одно условие. Вы позволите мне и Надежде уйти в наш мир.

— Это невозможно! — Хочь покачал головой. — Застава не допустит, чтобы ее покинули земляне, ведающие о магических мирах.

— Тогда смиритесь. Заставу неотвратимо ждет страшное будущее. Первой погибнет Крошка Пиу, потом разобьется Бугер, следующими станете вы. Я видел, как Хочь принял решение остаться с любимой навсегда. В том саркофаге вас двое.

Прижатые ко рту ладони приглушили всхлип Мэи. Она потрясенно смотрела на

мгновенно постаревшего метаморфа. Крупная слеза скатилась по ее пальцам и, стукнувшись о красный шелк покрывала, расплзлась темной кляксой.

— Но..., — шумно сглатывая, попытался возразить метаморф.

Макар перебил его. «Только уверенность и твердость помогут открыть двери на свободу».

— Если вы нас не отпустите, катастрофы не избежать. Она, — Макар повернул голову к Надежде, — и есть пусковой механизм. А я тот, кто может изменить ход событий и не допустить гибель Заставы. Я пришел сюда добровольно и могу, повернув время вспять, исчезнуть в любой момент, оставив вас в беде.

— А попаданка? Разве тебя не волнует ее судьба? — метаморф искал слабое место в пророчествах Ловца времени.

— Мне будет больно, ведь она достанется сопернику, — Макар повернулся к Наде, с непониманием и смятением глядящей на него. — Ни один мужчина, находящийся в здравом уме, не пожелал бы увидеть, как его любимая уходит с другим. Но я знаю, что Надежде ничего не грозит, так как она сама по себе является редким артефактом. Надежда — Проводник. Ее признал амулет Гердох, позволяющий ректору Дагару путешествовать по мирам, минуя Заставы.

— Лорд Дагар — Вэль — Самэн?! — слезы богини моментально высохли. Она резко наклонилась вперед, надеясь, что ослышалась.

— Да, он. И если вам вдруг покажется, что по отношению к этой девушке им движут любовь и романтические настроения, то вы сильно заблуждаетесь. Алчность, корысть и властолюбие шагнут вместе с ним на вашу Заставу и погубят ее.

На мыслеграмме ректор Дагар восседал на огромном единороге, а с пики, на остром конце которой была водружена голова дикаря, капала кровь.

Хочь и Мэя потрясенно молчали.

— Скажите, что будет с иномирцем, если я докажу, что он причастен к гибели Заставы? — разрушил гнетущую тишину Макар.

— По межмировому соглашению такого преступника ждет смерть, — произнес Хочь и устало добавил: — Но могущественный лорд не предстанет перед судом, если преступление не совершено. Пророчества судьями не рассматриваются.

— Преступление уже совершено, и доказательства тому существуют. Я предоставлю их, но вы должны поклясться, что выполните мое условие.

Метаморф и Мэя переглянулись.

— Говори, — произнесла богиня. — Я даю слово, что Застава выпустит вас на свободу, как только убедится, что ее гибель предотвращена.

— А я даю слово, что тайна Заставы никогда не будет разглашена.

— А я хочу к Дагару, — Надежда плакала, и по ее лицу текли крупные слезы. — Я люблю лорда...

Макар не дал ей закончить. Резко притянув к себе, впился поцелуем в губы.

— А теперь? — спросил он, давая ей отдышаться. — Теперь любишь Дагара?

Надежда не успела ответить. Макар, воспользовавшись растерянностью девушки, поцеловал ее еще раз. Медленно, чувственно.

— Пусти, дурак, — произнесла Надя, отталкивая Макара.

Мэя не смогла скрыть улыбку, наблюдая, как попаданка в задумчивости поднесла пальцы к своим губам.

— Странно, да? — спросил у Нади Макар. — Нет никакой любви к ректору.

— Как ты сумел убить ее? — девушка посмотрела укоризненно.

— Ее просто не было. К тебе применили эльфийский приворот, чтобы ты подчинялась Дагару. А вот мы любили друг друга по — настоящему.

— Но я не помню тебя...

— Мы начнем с чистого листа...

— Кхм, — напомнил о своем присутствии Хочь. — Если попаданка поклянется, что не разгласит тайну Заставы, наше соглашение вступит в силу.

— Тебя ждет Верочка, — напомнил о маленькой сестренке Макар.

Надя резко побледнела.

— К — к—клянусь, — произнесла она. Макар накрыл рукой ее холодную ладонь.

И опять перед зрителями поплыла мыслеграмма. Макар вспоминал, как спасал Окси от Аравай — абы, развязав пояс ее розовых спортивных штанов.

— Но этого не случилось! Вчера и тебя на Заставе не было! — воскликнул Хочь. — А значит, и гибель Заставы под большим сомнением!

Мэя в волнении привстала, но сползающее с обнаженных плеч покрывало заставило вновь опуститься на кровать.

— Окси сейчас у гоблинского принца? — уточнил студент. Да, в похищении книги основную роль сыграла бойкая блондинка, но Макар знал, не окажись Окси под рукой Харда, брат Дагара все равно нашел бы способ раздобыть редкий артефакт. Не зря воины сначала преследовали Мурилу и Петру, еще не понимая, что не на тех напали. На Заставе находились и другие легкомысленные девушки, жаждущие личного счастья и способные польститься на обещания.

— Нет, ей помог освободиться очнувшийся Сапфир, — услышав слова метморфа, Макар незаметно выдохнул. И здесь ход событий не сильно изменился.

— Даже если бы Аравай — аба забрал Окси с собой, на развитие трагедии это не повлияло бы. Ну, разве что мир не обрел бы настойку от бесов.

— Мы избежимся от такой страшной напасти? — Мэя удивилась участию беспокойной жительницы Заставы в таком серьезном деле, а потому в следующем вопросе сквозило недоверие. — И все благодаря попаданке Окси?

— И ее любви к гоблинской мордovorотке, — добавил Макар. — Но обо всем по порядку.

На мыслеграмме одно значимое событие сменяло другое, близился трагический финал.

Лица Мэи и Хоча перестали отражать чувства, закаменели, словно за маской пытались скрыть весь тот ужас, что должны испытывать люди, наблюдая гибель близких. Макару стало страшно. Он вдруг осознал, что вздумал тягаться с магами, могущими уничтожить его одним взглядом.

Надя сидела тихо — тихо. И так близко, что он слышал ее дыхание. Видимо, поняв, что творится в его душе, девушка протянула к нему руку, и Макар благодарно сжал ее ладонь.

После того, как звездные часы на черном небосводе померкли, а мыслеграмма растворилась в воздухе, в комнате еще несколько минут царило молчание.

— Дагара ждет смерть, — произнесла, поднимаясь, Мэя. Если в начале долгого повествования она выглядела как слабая человеческая женщина, то теперь Макар и на минуту не сомневался, что перед ним находится божество. В ставших узкими зрачках мерцала ненависть. На некогда прекрасном лице проступила сеть сосудов, которая

пульсировала черным. Припухлость щек и губ исчезла, словно из них кто — то жадный выпил всю влагу, и теперь под темной кожей проступал череп иномирного существа. Роскошные волосы скрутились в тугие жгуты и непрозрачной тканью оплели тело. Подол этого волосяного платья извивался, словно был соткан из тысячи тонких змеек.

Стены комнаты пропали. Вместо них клубился серый туман.

Ладонь Надежды в руке Макара дрогнула.

— Лорд — причина гибели Заставы солнцеликих, — произнесло то, что с трудом можно было назвать живым.

Макар поморщился от боли в ушах — голос Мэи изменился. В нем сплелись все самые пронзительные звуки, когда — либо услышанные им — звон металла и крики гибнущих людей, разряды грома и завывания ветра, надрывный плач ребенка и отчаянный визг существа, не желающего умирать.

Что — то теплое капнуло на плечо. Макар мазанул по нему пальцами и увидел на них кровь.

Надя всхлипнула. Зажимая ладонями уши, она с ужасом смотрела на божество. По ее шее тоже текла тонкая струйка крови.

— Тише, тише, родная, — негромкие слова Хоча подействовали благотворно. Страшное существо, медленно плывущее по воздуху, замерло.

Став таким же высоким, как и Мэя, метаморф прижал ее голову к груди и запел.

Это была та самая ангельская песня.

А вскоре распахнулись и два белоснежных крыла. Дрогнув, они сомкнулись вокруг богини.

Пришедший в себя Макар понял, что крепко обнимает Надю. Та подняла голову и смущенно улыбнулась.

Никто из них двоих не смог бы ответить, кто первым потянулся для поцелуя. Но это было и неважно. Ловец времени и Надя целовались самозабвенно. То ли песня ангела разбудила чувства девушки, то ли поведенная Макаром история их любви, но все преграды в одночасье пали.

— А что это вы здесь делаете, а? — тонкий голосок Крошки Пиу вернул обе пары к действительности.

Переставший петь Хочь уронил крылья, за которыми открылась прежняя прекрасная Мэя. Надя густо покраснела и спрятала лицо в ладонях.

— Э — э-э, — произнес Макар и взъерошил пятерней волосы.

— Да ладно вам! — махнула рукой девочка. — Я все знаю. Или вы забыли, что мы с Заставой единое целое? Что слышит и видит она, то известно и мне.

Малышка деловито разложила тяжелую «Книгу судеб» на столе, забралась на стул и, достав чернильницу и перо из кармана фартучка, принялась усердно рисовать целующихся Макара и Надю.

Хочь, усадив Мэю на кровать и заботливо накинув на ее плечи покрывало, развернулся к замершим гостям Заставы.

— Я сегодня же отправлю письмо в Союз миров, — произнес он деловым тоном, став похожим на клерка адвокатской конторы. Ухоженные усики, аккуратная стрижка, костюм с иголки. — И приложу Обруч истины, чтобы главы миров могли посмотреть мыслеграмму Ловца времени. Их магические службы быстро обработают молодчиков Дагара и найдут «Книгу судеб» солнцеликих. Лорду не отвертеться.

— Спасибо тебе, Ловец времени, — Мэя, кутаясь в покрывало, подошла к Макару. Он встал с дивана. Надя поднялась следом и опять сплела свои пальцы сего. Мэя, видя этот быстрый жест, улыбнулась. — Ты исполнил пророчество из «Книги судеб».

— Интересно, а кто его написал? Крошка Пиу? — Надя робела, но, как и многие женщины, не могла сдержаться любопытства.

— Нет, это не я! — Дюймовочка, отложив перо, сноровисто открыла первую страницу и явила выведенную красивым почерком фразу «Меня спасет Ловец времени». Ниже нее следовали детские «каляки — маляки».

— Пророчество записала я, — Мэя тряхнула головой, убирая с лица волосы.

— Значит, вы и в прошлой реальности знали, что погибнете, но ничего не предприняли для собственного спасения? — Макар был обескуражен, ведь Мэя так и не насторожилась — прозевала нашествие бесов, открыла портал в дикий мир ипустила Дагара.

— Я не ожидала, что нас ждет смерть. Все мои знания о будущем сводились к нескольким словам, услышанным во время возрождения на этой Заставе. Такое иногда случается — будущее дает о себе знать, — Мэя закрыла глаза и произнесла фразу, с которой Макар начал переговоры. — «Во мне опознали Ловца времени, который по пророчеству «Книги судеб» спасет Заставу». Вот и все. Ни слова о смерти Колоса и гибели Заставы.

Богиня приблизилась к Макару. Ее тонкие пальцы прикоснулись к его руке. Так делают люди, когда хотят одним жестом выразить и сочувствие, и поддержку, и сожаление, что что — то пошло не так. Но Мэя не была человеком.

Макар вскрикнул от неожиданной боли. Задрав рукав, он с удивлением обнаружил, что на запястье вместо страшной воспаленной раны появилась красивая вязь нового слова. «Надежда».

— Так лучше, правда?

Макар растеряно кивнул, но тут же взял себя в руки.

— Мы можем идти?

Нельзя терять благополучный момент. Мало ли что взбредет в голову богам?

Теперь студент не сомневался, что и Хочь был не простым метаморфом (если слово «простой» вообще приемлемо к этому изменчивому виду иномирцев).

Макар обнял Надю за талию и потянул к двери, у которой их ждали Крошка Пиу и Хочь, держащий подмышкой ее фолиант.

— Да, идите, — Мэя устало опустилась на кровать. — Мы выполним свою часть договора. Застава выпустит вас на Пскопскую сторону.

— А что будет с Мурилой и Петрой? Найдет ли Зерно Сапфир? Помирится ли Исида с своим мужем? — заторопилась задать волнующие вопросы Надя.

— О, сколько вопросов! — засмеялась Мэя. — Кто знает, как сложится судьба обитателей Заставы, после того, как суд обнаружит мыслеграмму? Она ведь будет основным доказательством преступления Дагара.

— Ой, а можно я пофантазирую! — Крошка Пиу подбежала к Мэе. Богиня погладила девочку по голове и кивнула. Дюймовочка развернулась к Макару с Надей и торопливо заговорила:

— Я уверена, что Мурила и Петра все — таки отправятся в Кимбу. Пусть божественный туман им и не нужен, но такой повод проверить себя они не упустят. А потом, как упустить случай и не подправить физиономии кимбужским зазнайкам? Нет! Это не про наших

девушек. Бой подушками — это будет здорово! — Крошка Пиу задорно рассмеялась, заставив и остальных слушателей ее фантазии улыбнуться. И уже обращаясь к богине, спросила, сделавшись вдруг серьезной: — Ты ведь тоже не устоишь и наградишь их за светлые души и веру, что дружба и преданность важнее красоты?

— Нет, не устою, — подтвердила Мэя, с любовью глядя на малышку.

— Нашему каменюке Бугеру ничего не останется делать, как признаться в том, что у него в животике хранится Зерно, — с воодушевлением продолжила Крошка Пиу, — и Сапфир уйдет искать мир солнцеликих вместе с ним, гномом и Галатеей. Куда теперь без нее? Я думаю, Сапфир не устоит и полюбит умницу Тею. И пока они будут ждать всходов Зерна, у Исиды появится внук или внучка. Сторк Сэмвилль, увидев Макаркину мыслеграмму поймет, что ошибался, и помирится с любимой Исидой, которая с радостью перейдет жить на Заставу вервильфов.

— Это что же получается? — вмешался в фантазии Хочь. — Наша Застава лишится обеих ведьм?

— Да, — грустно выдохнула малышка. И тут же широко улыбнулась. — А Петра и Мурила? Вот, кто станет им заменой! Я думаю, Мэя подарит им не только красоту, но и какие — нибудь магические способности.

Мэя укоризненно покачала головой, но заметив хитринку в глазах девочки, произнесла:

— Хорошо. Ты мне потом подскажешь, какими должны быть новые ведьмы на Пскопской Заставе.

— Ура! Я так и знала, что ты можешь сделать их волшебницами! — закричала Пиу, но тут же поправилась: — Ведьмы Петра и Мурила будут служить Заставе до тех пор, пока не встретят тех, кто завоеует их любовь. Они ведь так хотят быть любимыми!

— Любить и быть любимыми хотят все, — глаза Хоча, принявшего вид романтического принца, блестели. — Даже наш Бай — юрн. Наверное, он все — таки переманит на нашу Заставу ту кошечку, по которой скучает лунными ночами?

— Один сторк Игеворг останется с носом! — Крошка нахмурила свои тонкие брови. — А чего? Из — за него Сиды столько лет страдала.

— Правильно, — поддакнул Хочь. — Вместо того, чтобы безуспешно добиваться Исиды, пусть, наконец, займется обороной Заставы. Мало ли кому вздумается повторить преступление Дагара?

— А кто из вас мог задержать меня на Заставе, показав призрак мамы? — Макар тоже не удержался, чтобы не задать волнующий вопрос. — Сторк, Мэя или вы?

— Нет, Мэя не могла бы. Уж я — то знаю, — Хочь почесал переносицу. — Скорее всего, я сговорился со сторком Игеворгом. В отчаянии на что только не пойдешь. Но ведь у нас получилось разбудить твой дар, неправда ли?

— Правда. Но это было бесчеловечно.

— Мы не люди, ты забыл?

— Нам пора. — Благодушное настроение исчезло. Макар обнял Надю за плечи и повернулся к двери. — Нас ждут родные люди. Прощайте.

Уже переступив порог, Надежда обернулась.

— А как же Окси? Ведь Аравай — аба узнает о настойке «Антибес», и Оксана потеряет свое преимущество.

— О, об этой попаданке не переживайте, — устало махнула рукой Мэя. — Рано или поздно она найдет своего принца. Сколько их еще побывает на Заставе!

— Как раз через три месяца у нас будет соприкосновение с миром Фей, — Крошка Пиу уже сидела на руках Хоча и прижимала к груди «Книгу судеб», — а там каждый второй принц на белом коне. А какие красивые! Глаз не оторвать. Даже у меня голова кружится, когда на них смотрю.

— Да, весьма прыткие ребята, — подтвердил Хочь. — И большие любители блондинок.

— Только Окси не знает, что ее поджидает в Царстве фей, — доверительно зашептала малышка. — Они всех попаданок сначала отправляют в «Школу настоящих фей», а там учителя прививают знания с помощью розог. Все фейские жены вышколены до образа истинных леди! «Будьте любезны, разрешите ответить, позвольте следовать за вами», — хихикнула Пиу. — Словарный запас нашей Оксаны резко повысится.

— Самое то, что нужно Окси, — поддакнул метаморф, громыхая по лестнице следом за Макаром с Надей. — Но боюсь, для нее во всем Царстве розог не хватит. Как бы школу не разгромила. И не научила учителей заводскому сленгу. Глядишь, через год — другой все феи начнут говорить «хамло, давай хряпнем гоблинки, отвали».

Когда Макар и Надя, держась за руки, вышли из гаража, их встретила гомонящая толпа. Увидев незнакомцев, пограничники расступились, образуя длинный коридор, тянущийся до выхода из кафе, где, словно в почетном карауле, стояли две ведьмы.

— Ловец времени, Ловец времени, — неслоь ото всюду.

Макар не стал задумываться, откуда они узнали, что он Ловец. Его глаза выискивали среди провожающих тех, кто был ему близок и когда — то в «прошедшем будущем» считался другом.

Петра и Мурила стояли в дверях кухни и как всегда держались за руки. Макару хотелось подойти и обнять их, но он не решился отпустить ладонь Нади. Он чувствовал себя Орфеем, за которым следовала Эвридика, и казалось, что стоит лишь расцепить пальцы, и Надя навсегда растворится в странном месте под названием Междумирье.

Окси, уперев руки в бока, смотрела на незнакомцев с ухмылкой. Поймав на себе взгляд Макара, с вызовом сдула с глаз крутой завиток волос.

За барной стойкой Сапфир до блеска натирал бокалы. Посмотрев на Макара через стекло одного из них, он озорно подмигнул.

Гугл стоял рядом с Бай — юрном. Пушистый хвост кота обхватывал ногу коротышки.

«Будто стреножил непоседу», — Макар улыбнулся старым друзьям. Гном сдернул с головы поварской колпак и вытер им глаза, полные слез.

«Неужели помнит?» — пронеслась шальная мысль, но запах свежерезанного лука, донесшийся с кухни, отмел все сомнения.

Над головами пограничников черной громадой возвышался Бугер. Проходя мимо него, Макар не удержался, чтобы не провести пальцем по каменной поверхности, и мог бы поклясться, что услышал громыхающий звук, так похожий на смех. Уже подходя к двери, студент обернулся на Точильщика, и несколько раз моргнул от неожиданности. На широкой спине Бугера красовалась свежая формула любви $M+N=L$.

— Пора прощаться, Капец — времени ловец, — произнесла Крошка Пиу.

Макар протянул руки, и малышка оказалась в его объятиях.

— Я тебя никогда не забуду. И Заставу, и всех вас.

— Т — с-с! Никому не говори, — девочка прижала палец к его губам.

— Клянусь, — серьезно ответил Макар. — Мы не скажем. Но будем помнить. До самой смерти.

Крошка Пиу громко рассмеялась.

— Прощай, дружище! — Хоть крепко пожал руку и, не дожидаясь ответных слов, направился в гараж.

«Он волнуется за Мэю. Тяжелая ночь выдалась не только у меня».

— Будете поблизости, милости просим, — перебила его размышления Галатея.

— Нет уж, спасибо. Лучше вы к нам, — привычно ответил Макар и тут же осекся. — Э — э-э, к нам не стоит.

Пришел черед мило улыбнуться Исиде.

— До свидания, Ловец времени, — она протянула руку, но не отпустила его ладонь, когда Макар ответил на рукопожатие. — Скажи честно, если бы Застава отпустила вас сразу, мы бы так и не узнали о ждущей ее гибели?

Гомон стих. Стало слышно, как муха бьется в стекло. «Книга судеб» с грохотом упала на пол. Гном наклонился за ней, тихо чертыхаясь.

— Узнали бы, — произнес Макар. — Я написал вам письмо.

Цепкая рука разжалась.

— Прощай, Ловец.

Сторка Игеворга среди провожающих не было. Но Макар совсем не жалел, что не встретился с холодным эльфом. Чего он не мог сказать об Аравай — абе. Гоблинский принц занял особое место в его сердце.

— Прощайте! — обернулся Макар напоследок, и две руки, его и Нади, в прощальном жесте взметнулись вверх.

— Я буду скучать по ним, — произнес Хочь, видя из потайного окна гаража, выходящего на Пскопскую сторону, как двое — Ловец времени и Надежда, расцепив объятия после долгого поцелуя, поспешили прочь от дверей «Приюта проходимцев».

— Когда — нибудь они вернуться, — Мэя подошла к метаморфу сзади и обняла его. — Как поймут, что выглядят младше своих взрослых детей, так и вернуться.

— Записанные в «Книгу судеб» не стареют, пока книга находится рядом...

— Да. Поэтому Застава и не отпускает назад никого из Пскопских. В мире без магии трудно объяснить феномен супер — долголетия.

— Или ты вынужден всю жизнь прятаться, или вернешься туда, где тебя ждут, — метаморф приложил горячий лоб к прохладному стеклу. За окном пошел дождь. Макар и Надя сели в подъехавшее такси. — Думаешь, мы их дождемся?

— Мы — нет. А вот остальные обязательно узнают о Ловце времени и его Надежде. Их будут любить как героев, спасших Колос. Я думаю, они станут следующими, кто заменит королев шахматного Предела. На Заставе впервые появится король. Я не завидую сторку Игеворгу. Ему придется потесниться. Жаль, что мы этого не увидим.

— Ты уже готова уйти?

— Да, скоро. Мы не пустим бесов на Заставу, а значит магии для рождения Зерен хватит.

— Где мне тебя искать в этот раз?

— Как всегда, на одной из Застав. Колос прорастет из Зерна.

— Знать бы из какого...

— Сердце подскажет, — она погладила пальцами браслет с бьющейся красной вязью букв.

Хочь повернулся к любимой и провел ладонью по ее лицу. Мэя задержала его руку, прижалась к ней. Ее взгляд мерцал от накопившихся слез.

— В последний раз я искал тебя так долго...

— Не грусти, милый. Мне тоже мало тех мгновений, что мы проводим вместе, ведь тысячелетие — песчинка по сравнению с бесконечностью разлуки. Но мы должны быть благодарны этому миру. В другом, полном магии, расставание наступило бы быстрее.

— Я благодарен.

— Посмотри на меня. Видишь, я не плачу, — предательская слеза все же скользнула по ее щеке. — Такова судьба богини, — выдохнула Мэя и положила голову на грудь метаморфа.

— И вечного спутника, ищущего ее среди миров, — Хочь зарыл пальцы в ее густые волосы цвета пшеницы.

— Я люблю тебя, милый.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net